

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 2 (54)

Нижний Новгород

2021

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова. Вып. 2 (54). — Н. Новгород: НГЛУ, 2021. — 197 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян,
О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик
(Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева,
Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США),
Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 2 (54)

Nizhny Novgorod

2021

LUNN Bulletin. Issue 2 (54). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2021. — 197 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА	9
Основные трудности преподавания китайской частицы 了 (le) русскоязычным студентам начального уровня <i>Жань Лин, Провоторова А. С.</i>	9
Функциональная вариативность императива в дискурсе: просодическое свидетельство «гибридизации» <i>Ненашева Ю. А.</i>	28
Раскольников на пути к «Святой Руси»: герменевтика образа в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» <i>Павлов С. Г., Королева С. Б.</i>	43
Лингвокультурологическая поэтика научно-популярного текста (на примере произведения У. Штумпф „Kräuter: Gefährten am Wegesrand“) и обусловленные ею некоторые трудности перевода <i>Привалова Е. П.</i>	58
Риторические коды политического дискурса: реализация стратегического потенциала акротезы <i>Ступина Е. С.</i>	77
К вопросу о типологизации прагматической адаптации в специальном переводе <i>Шамилов Р. М., Кириллова А. В.</i>	89
Англоязычные заимствования в русском и китайском языках в сфере тор- говли <i>Юйхань</i>	107
К вопросу об определении фактуальной информации в письменном научном медицинском тексте (на материале англоязычных статей) <i>Ягенич Л. В.</i>	124
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	137
Степень реализации прагматического потенциала образовательных прескрипций <i>Дашинимаева П. П., Орбодоева Л. М.</i>	137
Влияние музыкальной компетентности на изучение иностранного языка <i>Коняхина Л. М., Иванов А. В.</i>	149

РЕЦЕНЗИИ	165
От палитры эмоций до бесконфликтного общения <i>Бакина А. Д., Иванова А. В., Федуленкова Т. Н.</i>	165
О семантизации собственного имени в поговорках и идиомах <i>Федуленкова Т. Н., Волкова А. С., Иванова А. В.</i>	171
Возвращение Андре Мальро в Россию <i>Фомин С. М.</i>	177
ХРОНИКА	183
Хроника научных мероприятий, организованных МНИЛ НГЛУ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» <i>Королева С. Б.</i>	183
Защита диссертации «Словообразовательные формы, типы и значения префиксальных имен существительных в разноструктурных языках в сопоставительном аспекте (на материале русского, немецкого и тайского языков)» <i>Иванов А. В.</i>	191
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	194

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Main Challenges of Teaching the Chinese Particle 了 to Russian-speaking Students at Elementary Level <i>Ran Ling, Anna S. Provotorova</i>	9
Functional Variation of the Imperative in Discourse: Prosodic Evidence of “Hybridization” <i>Yulia A. Nenasheva</i>	28
Raskolnikov on the Way to ‘Holy Russia’: Hermeneutics of the Raskolnikov’s Image in F. M. Dostoevsky’s Novel <i>Crime and Punishment</i> <i>Sergei G. Pavlov, Svetlana B. Koroleva</i>	43
Linguistic and Cultural Poetics of German Popular Science Texts (based on U. Stumpf’s “ <i>Kräuter: Gefährten am Wegesrand</i> ”) and Resultant Translation Challenges <i>Elena P. Privalova</i>	58
Rhetorical Codes of Political Discourse: The Realization of the Strategic Potential of Acrothesis <i>Ekaterina S. Stupina</i>	77
On Typology of Pragmatic Adaptation in Specialized Translation <i>Raviddin M. Shamilov, Arina V. Kirillova</i>	89
English Borrowings in the Russian and Chinese Languages in the Sphere of Trade <i>Yuhan</i>	107
Identifying Factual Information in English Medical Texts <i>Larisa V. Yagenich</i>	124
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	137
On Realizing the Pragmatic Potential of Educational Prescripts <i>Polina P. Dashinimaeva, Larisa V. Orbodoeva</i>	137
Musical Competence and Second Language Learning <i>Liudmila M. Konyakhina, Andrey V. Ivanov</i>	149

REVIEWS	165
From a Wide Range of Emotions to Conflict-Free Communication <i>Anna D. Bakina, Aleksandra V. Ivanova, Tatyana N. Fedulenkova</i>	165
On Semantization of Proper Names in Proverbs and Idioms <i>Tatyana N. Fedulenkova, Sofia A. Volkova, Aleksandra V. Ivanova</i>	171
André Malraux’s Return to Russia <i>Sergey M. Fomin</i>	177
CHRONICLE	183
Science and research-related events held by LUNN’s International Scientific and Research Laboratory “Fundamental and Applied Researches of Cultural Identification and its Aspects” <i>Svetlana B. Koroleva</i>	183
Defence of the PhD Thesis “Word Formation Forms, Types, and Meanings of Prefixal Nouns in Multistructural Languages: The Comparative Aspect (a case of Russian, German and Thai)” <i>Andrey V. Ivanov</i>	191
CONTRIBUTORS’ INFORMATION	194

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 378.147:811.581

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-9-27

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОЙ ЧАСТИЦЫ 了 (le) РУССКОЯЗЫЧНЫМ СТУДЕНТАМ НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ

Жань Лин, А. С. Провоторова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Частица 了 — часто используемое слово в китайском языке. Так как частица 了 является служебным словом, она не несет в себе смыслового значения, но имеет много грамматических значений и способов употребления. Из-за большого количества грамматических значений и сложности грамматических функций она создает определенные трудности как для преподавателя при объяснении материала, так и для студентов при ее использовании. Особенно это касается русскоязычных студентов ввиду значительного различия грамматики русского и китайского языков. В данной статье анализируются российские исследования в области лингвистики и дидактики китайского языка, а также публикации китайских ученых, посвященные грамматике китайского языка как родного и как иностранного. Рассматривается несколько классификаций типов частицы 了, которые представлены как в китайских, так и в российских учебниках. Авторы анализируют частицу 了 как часть грамматических конструкций, грамматические особенности в зависимости от ее положения в середине или в конце предложения, а также при одновременном ее использовании в середине и в конце предложения. Описываются основные грамматические значения частицы: завершенность действия, изменение действия или ситуации, длительность действия, акцентирование на чем-либо, способ выражения тактичности; анализируются типичные ошибки русскоязычных студентов при использовании частицы 了 на начальном уровне обучения. Среди ошибок авторы выделяют излишнее использование, опущение, нарушение местоположения частицы 了 в предложении. К излишнему использованию относятся такие ошибки, как употребление частицы 了 в отрицательных предложениях с наречием 没, при объективном описании прошедших событий, фактов или при характерном суждении и описании; с глаголами, после которых имеется предикативное дополнение; после первого глагола в последовательно-связанном предложении; с глаголами, показывающими действие постоянного или повторяющегося характера, в различных конструкциях, исключая её использование, и т. д. К опущению относятся ошибки, когда обучающиеся строят незаконченные предложения без частицы 了, которые по смыслу требуют ее использования, или того требует конструкция. Ошибки с нарушением местоположения частицы 了 в предложении случаются, если обучающиеся не понимают специфики глагольных связей в предложении.

Ключевые слова: частица 了; классификация типов частицы 了; грамматическое значение; грамматическая конструкция; грамматические ошибки.

Main Challenges of Teaching the Chinese Particle 了 to Russian-speaking Students at Elementary Level

Ran Ling, Anna S. Provotorova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The particle 了 is a commonly used word in the Chinese language. Since the particle 了 is a structure word, it does not carry any semantic meaning, but it has many grammatical meanings and is used in a variety of ways. Due to the large number of its grammatical meanings and complexity of its grammatical functions, it poses certain challenges for both teachers when explaining the material and students when using it. This especially concerns Russian-speaking students due to significant differences in the grammar of Russian and Chinese. This article examines several classifications of the particle 了, described in Chinese and Russian textbooks and focuses on grammatical features of the particle 了 depending on its position in the middle and at the end of the sentence, as well as its simultaneous use of both in the middle and at the end of the sentence. The article also describes the particle's main grammatical meanings, such as: completeness of an action, change of an action or a situation, emphasis on something, duration of an action, a way of expressing tact, and a few others. The authors analyze the most common mistakes made by Russian-speaking elementary level students when using the particle, basing their analysis on many years of their teaching experience. Among the mistakes, they highlight such as excessive use, insufficient use, and use of the particle 了 in the wrong place. Excessive use includes mistakes such using the particle 了 in negative sentences with the adverb 没, in an objective description of past events, facts, or in characteristic judgments and descriptions; with verbs followed by a predicative object; after the first verb in a sequential sentence; with verbs showing an action of a constant or repetitive nature, as well as in various constructions which exclude its use. Insufficient use includes mistakes when learners construct incomplete sentences without the 了 particle in cases where its use is required for correct meaning or for a grammatically correct construction. Mistakes where the particle 了 is used in the wrong place occur if students do not understand the specifics of verb connections in the sentence.

Key words: particle 了; classification of types of particle 了; grammatical meaning; grammatical construction; grammatical mistakes.

1. Введение

Грамматика китайского языка значительно отличается от грамматики других языков, в том числе и русского. В китайском языке присутствует множество элементов, которых нет в русском, вследствие чего при объяснении грамматического материала трудно провести аналогию с родным языком. К подобным элементам относится частица 了 (*le*), грамматические значения и способы использования которой неоднозначно рассматриваются авторами учебных и научных публикаций. В частности, среди россий-

ских авторов вопросами частицы 了 занимается Е. В. Береза, посвятившая ее исследованию несколько статей (Береза 2018, 2019а, 2019b), Н. Ю. Агеев описал трудности использования данной частицы (Агеев 2018). Вопросы преподавания частицы 了 в своих статьях поднимают К. В. Раубо (Раубо 2020), Т. В. Ивченко и О. М. Мазо (Ивченко, Мазо 2017) и др. Из китайских авторов стоит отметить труды Люй Шусяна (吕 1961, 1999), Лю Юэхуа (刘 2002, 2004), Чжу Дэси (朱 1982), Ли Цзиньси (黎 2007), посвященные грамматике китайского языка, где в том числе раскрываются проблемы употребления частицы 了. Несколько работ Лю Сюньнина посвящены разнице использования данной частицы в середине и в конце предложения (刘 1999, 2002). Конечно же среди китайских авторов есть и те, кто рассматривает частицу 了 в контексте преподавания китайского языка как иностранного, например, Вэй Хун (魏 1999), Чэнь Цзе (陈 2006), а также авторы многочисленных учебников, где описываются основные аспекты, трудности преподавания китайского языка, ошибки иностранных студентов, например, Чжэн Идэ в соавторстве с несколькими коллегами (郑 2009), Пэн Сяочуань, Ли Шоуцзи и Ван Хун (彭 2004), Чэн Мэйчжэнь (程 2009).

Китайский язык становится все более популярным, растет число людей, изучающих его, соответственно, увеличивается и база для исследования основных проблем, возникающих при его освоении. Актуальность данного исследования заключается в выявлении основных трудностей при преподавании частицы 了 и причин типичных ошибок русскоязычных студентов. Изучение указанной частицы начинается еще на начальном этапе обучения китайскому языку. Однако многие авторы учебников, как китайских, так и российских, по-разному классифицируют типы (виды) частицы 了, по-разному разъясняют грамматические особенности. В связи с этим большинство преподавателей сталкиваются с проблемой отсутствия у студентов четкого представления о её правильном использовании, часто совершаются ошибки как в письменной, так и в устной речи, что препятствует успешному формированию лингвистической компетенции обучающихся.

Целью исследования является выявление причин неправильного использования частицы 了 и основных типов ошибок, совершаемых русскоязычными студентами начального уровня обучения. Основные задачи: рассмотреть проблемы классификации типов частицы 了, выделить ее грамматические особенности в зависимости от местоположения в предложении, определить основные ошибки студентов при ее использовании и способы их исправления.

Для достижения поставленной цели проведен анализ современной учебной и научной литературы по изучаемой теме, а также письменных работ обучающихся начального уровня (1–2 год изучения китайского языка).

2. Проблемы классификации типов частицы 了

Положение частицы 了 в предложении меняет его смысл. Большинство исследователей и авторов учебников выделяют от двух до четырех типов данной частицы в зависимости от ее расположения и грамматического значения.

В качестве примера можно привести классификацию, предложенную китайскими исследователями Ван Вэйсяном и Ши Гуаньсином.

Ван Вэйсянь в книге «Теоретические исследования современной грамматики китайского языка» в параграфе «Дополнительные рассуждения о слове “了”» выделяет 3 типа: 了₁, 了₂ и 了₃, группируя их по расположению и по смыслу:

1. Аспектная частица 了₁ ставится после глаголов и прилагательных и показывает завершённое действие или состояние.

2. Модальная частица 了₂ ставится в конце предложения и показывает подтверждение или констатацию факта.

3. Другая аспектная частица 了₃ ставится после глаголов или прилагательных и имеет значение достижения некоего результата, иногда также ставится в конце предложения. (王 1997: 210)

Ши Гуаньсинь также выделяет 3 типа частицы 了. Если частица ставится после глагола (了₁), то в большинстве случаев она показывает, что действие в какой-то момент времени уже завершилось, или изменение действия в какой-то момент времени уже имеет некий результат, это аспектная частица. Если частица 了 ставится в конце предложения, то она может показывать новое состояние (了₂) либо показывает подтверждение изменения состояния (了₃) (史 2006).

В учебниках китайских авторов для иностранных студентов приведена третья классификация, упрощенная. Например, в учебнике «Практическая грамматика китайского языка для иностранцев» под редакцией Ли Дэцзинь и Чэн Мэйчжэнь выделяется 2 типа частицы 了:

1. Глагольная частица 了, которая показывает завершенность действия и ставится сразу после глагола;

2. Модальная частица 了, которая ставится в конце предложения и имеет несколько значений, таких как: а) появление новой ситуации; б) изменение поведения, точки зрения, понимания; в) напоминание, побужде-

ние, убеждение (李 2009).

В российских вузах наиболее широко используется учебник под редакцией А. Ф. Кондрашевского «Практический курс китайского языка», где выделяется 4 типа 了, и автор даже дает им разные названия:

1. Суффикс 了, ставится после глагола, показывает, что действие уже состоялось, подчеркивает завершенность действия;

2. Модальная частица 了, ставится в конце предложения и показывает, что действие или ситуация уже имели место;

3. Модальная частица 了(2), часто сочетается с отрицанием в побудительных предложениях 别, 不要 и имеет значение запрета или предупреждения «хватит...», «не вздумай(те)...» (Кондрашевский 2010а);

4. Модальная частица 了(3), употребляется как показатель изменения ситуации, обстановки, обстоятельств (Кондрашевский 2010б).

В другом российском учебнике «Полный курс китайского языка для начинающих», авторами которого являются Т. В. Ивченко, О. М. Мазо, Ли Тао, выделяют 2 типа 了: глагольный суффикс 了 (1), который стоит после глагола и указывает на совершенность действия или на достижение действием результата, и фразовую / модальную частицу 了 (2), которая ставится в конце предложения со значением отнесения всей ситуации к прошлому или изменением состояния / ситуации (Ивченко 2018).

На наш взгляд, обозначение данной частицы как глагольного суффикса вводит обучающихся в заблуждение и приводит к дополнительным ошибкам. Такое различие в толковании значений и грамматическом статусе частицы 了 представляет основную сложность для преподавателей, в задачи которых входит выбрать наиболее понятную классификацию для обучающихся.

В связи с этим представляется целесообразным более подробно изучить частицу 了 с точки зрения ее грамматических значений.

3. Грамматические значения частицы 了

Как видно из классификации, частица 了 в середине предложения и в конце предложения имеет разные значения, их можно отнести к омонимам.

3.1. Грамматическое значение частицы 了 в середине предложения

Частица 了 в середине предложения в основном имеет значение «завершенности», «осуществления». Авторы данной статьи для нее будут использовать название 了₁.

Люй Шусян в книге «800 слов современного китайского языка» выделял значение «завершенности» частицы 了₁, которая ставится после гла-

гола в середине предложения (吕 1999). В этой же книге он дал пояснение к использованию конструкции с 了₁: «глагол + 了₁ + дополнение».

Основные значения 了₁:

3.1.1 Обычно показывает завершённость действия. Например:

(1) 我已经问了老汪。 *Я уже спросил Лао Ван.*

(2) 蔡老师早就看出了问题。 *Учитель Цай уже давно заметил проблему.*

(3) 我买了两张票。 *Я купил 2 билета.*

(4) 老陈来了一封信。 *Лао Чэнь прислал письмо.*

3.1.2. Показывает, что после завершения первого действия/осуществления ситуации происходит второе действие/возникает какая-то другая ситуация, или первая ситуация / действие является предполагаемым условием второй ситуации / действия. Например:

(5) 看了电影我就回家了。 *Посмотрев фильм, я сразу вернулся домой.*

(6) 才换了衣服, 你又弄脏了! *Только поменял одежду, и ты снова испачкался!*

(7) 你吃了饭再去吧。 *Ты поешь, потом иди.*

3.1.3. Если в предложении имеется дополнительный член длительности или кратности действия, то также используется 了₁: Например:

(8) 他睡了一个钟头。 (已经睡醒了) *Он спал 1 час (уже проснулся).*

(9) 这一课我念了三遍。 (没有念第四遍) *Этот текст я читал 3 раза (не читал четвертый раз).*

Исходя из вышеприведенных примеров, мы можем увидеть, что частица 了₁ придает глаголу определенное грамматическое значение. Если при разговоре время, на которое указывает глагол, настоящее, то выражаемое глаголом действие или изменение уже являются фактами, свершившимися к данному моменту. Если при разговоре время, на которое указывает глагол, не относится к настоящему, то действие или изменение тоже станут свершившимся фактом относительно определенного времени, глагол будет иметь значение завершенности.

Также глагол с частицей 了₁ в определенных ситуациях может иметь еще несколько значений.

Например:

(10) 她哭红了眼睛。 *Она плакала так, что глаза покраснели.*

(11) 他俩说着说着就打了起来。 *Они вдвоем говорили, говорили и начали драться.*

(12) 终于过上了好日子。 *Наконец-то настала счастливая жизнь.*

В вышеуказанных примерах глагол с частицей 了₁ показывают «начало», «изменение», «осуществление». *Плакала так, что глаза покраснели* — изменение от «не красного» к «красному» уже произошло; *говорили, говорили и начали драться* — 起来 (начинаться) само по себе имеет значение «начала», от «не дрались» к «начали драться»; *Наконец-то настала счастливая жизнь* — «настала счастливая жизнь» показывает осуществление мечты.

Таким образом, основное значение 了₁ — завершенность, осуществление действия, но в некоторых ситуациях также может иметь значение изменения или начала действия, хотя подобные ситуации крайне редко описываются в учебниках.

Стоит отметить, что частица 了₁ не имеет отношения ко времени действия и может использоваться как в прошедшем времени, так и в будущем, так и к регулярно повторяющимся действиям. Например:

(13) 我昨天去了一趟学校。(过去) *Вчера я 1 раз сходил в школу* (прошедшее время).

(14) 你走了我再去找老师。(将来) *Когда ты уйдешь, я пойду к учителю* (будущее время).

(15) 我每天吃了晚饭就去跑步。(经常性动作) *Я каждый день после того, как поужинаю, иду на пробежку* (регулярно повторяющееся действие).

3.2. Грамматическое значение частицы 了 в конце предложения

Авторы данной статьи к частице 了 в конце предложения используют название 了₂ и выделяют следующие ее значения:

3.2.1. Показывает уже свершившееся действие (аналогично 了₁): *我吃饭了。Я поел.*

3.2.2. Показывает призыв к началу действия или призыв не делать что-то: *吃饭了! Пойдем кушать! 上课了! Урок начался! 别吃了! Не ешь!* (хватит есть!)

3.2.3. Показывает изменение: *他能吃饭了。Он уже может есть* (раньше не мог). *我没有钱了。У меня нет денег* (раньше были).

Здесь же можно отметить и конструкции «快...了», «要...了», «快要...了», которые тоже показывают изменение ситуации в скором времени.

3.2.4. Показывает отклонение: *衣服买大了。Купил большую одежду* (большого размера, который не подходит).

3.2.5. Показывает акцент на чем-либо: *这个办法最好了! Этот метод самый хороший!*

Сюда же можно отнести и конструкцию «太...了», имеющую значение чрезмерности, часто с негативным значением.

3.2.6. Показывает тактичность: 吃了饭再走。-----不了。 *Поешь, потом иди. ----- Не буду есть / не хочу есть* (тактичный отказ).

3.2.7. Использование в конструкциях, таких как «多了», «极了» и т. д.

Как видно из перечисленных примеров, в зависимости от ситуации частица 了₂ имеет много значений.

3.3. Грамматическое значение частицы 了, используемой одновременно в середине и в конце предложения

Люй Шусян в своей работе поднял вопрос о грамматическом значении употребления двух частиц 了 в предложении 这本书看了三天了 (*Эту книгу читаю три дня*). Обычно одновременное использование двух частиц 了 в подобных предложениях показывает, что действие или событие продолжается до момента разговора, или показывает ситуацию, завершившуюся или осуществленную к данному моменту, или отрезок времени, прошедший до данного момента, либо кратность действий и т. д. (吕1961: 27)

На основании статьи Люй Шусяна можно выделить следующие конструкции одновременного использования частиц 了 в начале и в конце предложения:

3.3.1. Глагол + 了₁ + дополнение + 了₂:

(16) 他打了电话了。 *Он позвонил по телефону.*

(17) 教室里来了人了。 *В аудиторию пришли люди.*

(18) 她红了脸了。 *Ее лицо покраснело.*

В данной ситуации одновременное использование двух частиц 了 помогает построить завершённое предложение как в смысловом, так и в грамматическом аспектах, подчеркивает завершенность действия и при этом показывает изменение ситуации.

3.3.2. Глагол + 了₁ + дополнительный член продолжительности действия + 了₂:

(19) 我在这儿住了三年了。 *Он живет здесь 3 года.*

(20) 这条狗我养了七八年了。 *Я держу собаку 7–8 лет.*

(21) 他俩已经忙了一早上了。 *Они вдвоем заняты уже все утро.*

Одновременное использование частиц 了₁ и 了₂ с дополнительным членом продолжительности действия показывает, что действие уже длится на протяжении какого-то времени.

3.3.3. Глагол + 了₁ + дополнительный член кратности действия + 了₂:

(22) 这本书我已经看了两遍了。 *Эту книгу я уже прочитал 2 раза.*

(23) 这个手机我已经修了三回了，还没修好。 *Этот телефон я уже ремонтировал 3 раза, все никак не отремонтирую.*

(24) 我都叫了他好几次了，他还不起床。 *Я звал его несколько раз, он так и не встал с постели.*

3.3.4. Глагол + 了₁ + количество + дополнение + 了₂:

(25) 他演的电影我看了十几部了。 *Я смотрел больше десяти фильмов, в которых он снимался.*

(26) 这本书我已经看了一百多页了。 *Я уже прочитал более ста страниц этой книги.*

(27) 今天的作业我已经完成了一半了。 *Я уже сделал половину сегодняшнего домашнего задания.*

В ситуациях 3.3.3. и 3.3.4. использование частиц 了₁ и 了₂ также показывает, что действие возможно будет еще продолжаться, но подчеркивается не время продолжительности действия как в пункте 3.3.2, а кратность или количество (объем) действия.

Иногда в устной речи можно встретить конструкцию «глагол + 了₁ + 去 + 了₂», которая имеет оттенок утрирования и подчеркивания действия. Например:

(28) 我刚准备出门就被小王叫了去了。 *Я как раз собирался выходить, когда Сяо Ван позвал меня.*

(29) 我新买了本书还没看，就被弟弟抢了去了。 *Я купил новую книгу и еще не успел прочитать ее, как мой брат отнял у меня.*

На основании вышеизложенного исследования мы можем сказать, что аспектная частица 了₁, используемая после глагола, показывает завершённое состояние, не имеет отношения ко времени осуществления действия, иногда может показывать изменение или начало ситуации. Модальная частица 了₂ ставится в конце предложения, показывает, что действие уже точно завершилось, произошли какие-то изменения; может показывать особую интонацию высказывания. Также возможно одновременное использование аспектной и модальной частиц 了 в предложении, которое в основном показывает продолжительность действия или акцентирование на завершённости действия или изменении ситуации.

4. Типология ошибок при использовании частицы 了

За продолжительное время преподавания китайского языка авторы обнаружили, что студенты разных уровней совершают разные ошибки в употреблении частицы 了. У студентов среднего и высокого уровня лучше

развита лингвистическая компетенция, они могут различать грамматические особенности частицы в зависимости от ее положения в предложении, совершают меньше ошибок при ее употреблении. Студенты начального уровня имеют относительно размытое представление о частице 了, у них еще недостаточно сформированы языковые и речевые навыки, в процессе составления предложений они неизбежно сталкиваются с проблемой языковой интерференции, поэтому совершают множество различных ошибок. Был проведен анализ письменных заданий студентов 1 и 2 года обучения, на основании которого можно выделить три типа ошибок, встречающихся у студентов, изучающих китайский язык на начальном этапе обучения. Примеры и типология ошибок приведены ниже.

4.1. Излишнее использование частицы 了

Под излишним подразумевается использование частицы 了 там, где не следует. Особенно это касается частицы 了₁. Когда преподаватель объясняет студентам, что 了₁ показывает завершенность или осуществление действия или состояния, студенты считают, что во всех ситуациях, когда действие произошло, необходимо использовать 了₁. Основные ситуации, где студенты допускают ошибки с излишним использованием 了:

4.1.1. В отрицаниях при использовании наречия 没(有) (не) одновременно используют 了:

(30) 我前天去了电影院, 昨天没去了。(×)

我前天去了电影院, 昨天没去。(√) *Позавчера я ходил в кинотеатр, вчера не ходил.*

Студенты знают, что в повествовательных предложениях после осуществлённого действия обычно ставится 了, но при составлении отрицательного предложения часто забывают убрать ее. Отрицание этого действия означает, что данное действие или состояние не осуществилось или не завершилось, таким образом, частица 了 не используется. При одновременном использовании наречия 没(有) и 了 возникает смысловое противоречие. Но при этом необходимо обращать внимание студентов на те случаи, когда в предложении встречается и отрицание, и частица 了:

(31) 我很久没见父母了。(√) *Я очень долго не видел родителей.*

(32) 我都三天没学习了。(√) *Я три дня не учил.*

(33) 从那以后, 我就再也没去过中国了。(√) *С тех пор я больше не ездил в Китай.*

Данные предложения вызывают у студентов недоумение: почему в одних случаях при отрицании нельзя использовать 了, а в других — можно?

Внимательно изучив примеры (31), (32), (33), можно обнаружить их общую характерную черту — в предложениях указывается отрезок времени: 很久 (*давно*), 三天 (*3 дня*), 从那以后 (到现在) (*с тех пор*). Это показывает, что «не видел родителей», «не учил», «не ездил в Китай» — данные состояния продолжались на протяжении определенного отрезка времени, поэтому одновременно можно встретить 没 и 了. А в примере (30) 没 показывает отрицание осуществления действия, поэтому нельзя использовать 了. Смысл этих двух типов предложений разный.

4.1.2. Используют 了 в предложениях, где после глагола имеется предикативное дополнение:

(34) 我听说了他去美国了。 (×)

我听说他去美国了。 (√) *Я слышал, он ездил в Америку.*

(35) 我发现了我非常喜欢汉语。 (×)

我发现我非常喜欢汉语。 (√) *Я понял, что очень люблю китайский язык.*

Когда сказуемыми являются слова типа 听说 (*слышал*), 发现 (*обнаружил*), 知道 (*узнал*), 问 (*спросил*), 判断 (*полагал*), а после них ставится предикативное дополнение, подобные предложения показывают, что основное значение в семантике предикативного дополнения, нет акцента на завершенность действия, поэтому после глагола-сказуемого не ставится 了.

4.1.3. Используют 了 в последовательно-связанном предложении после первого глагола типа 让 (*заставлять / просить*), 叫 (*звать / просить*), 请 (*просить*):

(36) 星期天有人请了我去吃饭。 (×)

星期天有人请我去吃饭。 (√) *В воскресенье один человек пригласил меня пойти покушать.*

(37) 老师让了我擦黑板。 (×)

老师让我擦黑板。 (√) *Учитель попросил меня вытереть доску.*

4.1.4. Используют 了 после глаголов, обозначающих действие, которое носит постоянный или повторяющийся характер:

(38) 在上大学的时候,我常常参加了篮球比赛。 (×)

在上大学的时候,我常常参加篮球比赛。 (√) *Во время учебы в университете я часто участвовал в соревнованиях по баскетболу.*

(39) 我每天都走了这条路去上学。 (×)

我每天都走这条路去上学。 (√) *Я каждый день хожу по этой дороге на учебу.*

(40) 去年我在中国学习了。 (×)

去年我在中国学习。 (√) *В прошлом году я учился в Китае.*

4.1.5. Используют частицу 了 при объективном описании прошедших событий, фактов или при характерном суждении и описании:

(41) 那天在聚会上我们都玩得很开心了。 (×)

那天在聚会上我们都玩得很开心。 (√) *В тот день на вечеринке мы хорошо провели время.*

(42) 姚明是了一个优秀的篮球运动员。 (×)

姚明是一个优秀的篮球运动员。 (√) *Яо Мин — отличный баскетболист.*

4.1.6. Используют частицу 了 в предложениях, содержащих в качестве обстоятельства наречия 刚, 刚刚, 刚才 (*только что*), показывающие, что действие произошло недавно:

(43) 你怎么不早点来呀, 他刚刚走了。 (×)

你怎么不早点来呀, 他刚刚走。 (√) *Почему ты раньше не пришёл, он только что ушел.*

4.1.7. Используют частицу 了 в предложениях с конструкциями ...的时候 (*в то время, как*) ...以前 (*до того, как*):

(44) 我早上到了教室的时候他刚走。 (×)

我早上到教室的时候他刚走。 (√) *Когда я утром пришел в аудиторию, он только ушел.*

(45) 你来了中国以前, 我就听说过你。 (×)

你来中国以前, 我就听说过你。 (√) *До приезда в Китай я слышал о тебе.*

4.1.8. Используют частицу 了 в конструкциях (是) + глагол / словосочетание + 的:

(46) 他是去年来了中国的。 (×)

他是去年来中国的。 (√) *Он в прошлом году приехал в Китай.*

(47) 你怎么去了中国? -----我坐飞机去了中国。 (×)

你怎么去的中国? -----我坐飞机去的中国。 (√) *Ты как приехал в Китай? — Я на самолете прилетел в Китай.*

Конструкция «(是) + глагол / словосочетание + 的» обычно подчеркивает время, место, способ, действующее лицо, причину, цель и т. д. События, описываемые в этих предложениях, уже произошли раньше, поэтому очень легко спутать с использованием 了, но акцентируется разный смысл.

4.1.9. Используют частицу 了 в предложениях со словами 在, 正, 正在,

показывающими продолженное действие:

(48) 你打电话的时候我正睡觉了。 (×)

你打电话的时候我正睡觉呢。 (√) *Когда ты позвонил мне, я спал.*

4.1.10. Используют частицу 了 в предложениях с модальными глаголами или с глаголами, показывающими психическое состояние:

(49) 你打算了毕业后去哪里工作? (×)

你打算毕业后去哪里工作? (√) *Ты решил, где будешь работать после окончания?*

(50) 你在中国生活了很长时间了, 感觉好不好? (×)

你在中国生活了很长时间了, 感觉了好不好? (√) *Ты в Китае живешь очень долго, как тебе?*

К подобным глаголам также относятся 认为 (*полагать*), 希望 (*надеяться*), 喜欢 (*нравиться*), 期待 (*ждать*) и т. д. Они обычно не показывают действие и не могут иметь значения завершенности, поэтому не используются с аспектной частицей 了.

4.2. Опущение частицы 了

В китайском языке встречаются предложения, которые только с частицей 了 считаются законченными, но многие студенты не совсем понимают данные способы употребления частицы, опускают ее, совершая ошибки. Основные ситуации, где студенты допускают подобные ошибки:

4.2.1. Опускают частицу 了 в предложениях, где встречается слово, указывающее на прошедшее время, и слово, указывающее на количество. Правильная конструкция предложения в основном выглядит как «прошедшее время + глагол + 了 + количество + дополнение»:

(51) 昨天我买一部新手机。 (×)

昨天我买了一部新手机。 (√) *Вчера я купил 1 новый телефон.*

(52) 昨天我打好几个电话, 你都没接。 (×)

昨天我打了好几个电话, 你都没接。 (√) *Вчера я звонил несколько раз, ты не отвечал.*

4.2.2. Опускают частицу 了 в предложениях, где указывается способ, состояние, причина или условие действия, которое происходит сейчас или происходило до этого:

(53) 下雨了, 同学们都回家。 (×)

下雨了, 同学们都回了家。 (√) *Пошел дождь, студенты вернулись домой.*

(54) 接到老师的电话, 我连忙去学校。 (×)

接到老师的电话, 我连忙去了学校。 (√) *После телефонного звонка учителя мы срочно пошли в школу.*

4.2.3. Опускают частицу 了 после глагола 1 в конструкции «глагол 1+了+就+ глагол 2»:

(55) 明天我到就给你打电话。 (×)

明天我到了就给你打电话。 (√) *Завтра я как доеду, сразу тебе позвоню.*

(56) 他昨天来我这儿喝一会儿茶就走了。 (×)

他昨天来我这儿喝了一会儿茶就走了。 (√) *Вчера он пришёл ко мне, попил чай и сразу ушел.*

В таких предложениях имеется два глагола и более, завершение действия глагола 1 влияет на совершение действия глагола 2, поэтому необходимо использовать 了 после глагола 1.

4.2.4. Опускают частицу 了 в конструкции «太 + прилагательное с положительным значением +了»:

(57) 这本书太吸引人。 (×)

这本书太吸引人了。 (√) *Эта книга очень интересная.*

(58) 你也太厉害, 每次考试都是第一名。 (×)

你也太厉害了, 每次考试都是第一名。 (√) *Ты тоже молодец, на всех экзаменах ты первый.*

Подобные ошибки допускаются, возможно, потому, что в некоторых случаях 了 можно опускать, если прилагательное имеет негативное значение. Обучающиеся часто не обращают на это внимание и считают, что можно данную конструкцию использовать и с частицей, и без нее.

4.2.5. Опускают частицу 了 в предложениях с конструкцией «更 + прилагательное +了», если при сравнении двух ситуаций произошли изменения:

(59) 已经三月了, 天气却比二月更冷。 (×)

已经三月了, 天气却比二月更冷了。 (√) *Уже март, а погода еще холоднее, чем в феврале.*

(60) 上了大学以后, 他学习比以前更努力。 (×)

上了大学以后, 他学习比以前更努力了。 (√) *После поступления в университет он стал учиться еще усерднее.*

Конструкция «更 + прилагательное» может иметь два значения:

1. Сравнение, например: 俄罗斯的天气比中国的更冷 (*Погода в России холоднее, чем в Китае*). В такой конструкции 了 не нужна.

2. Изменение, как например, в предложениях (59) и (60). В такой ситуации необходима 了.

4.2.6. В предложениях с конструкцией «不 (или 没) ... 了» наречие не

(или 没) показывает изменение ситуации, планов, желаний, поэтому в конце предложения необходимо использовать 了, однако студенты её опускают:

(61) 不刮风, 可以走了。 (×)

不刮风了, 可以走了。 (√) *Уже нет ветра, можно идти.*

(62) 水不热, 可以喝了。 (×)

水不热了, 可以喝了。 (√) *Вода уже не горячая, можно пить.*

Здесь частица 了 показывает возникновение новой ситуации, с помощью 不 образуется отрицательная форма: подул ветер — *уже нет ветра*; вода горячая — *вода уже не горячая* (остыла).

4.2.7. Опускают частицу 了 в устойчивых конструкциях «快/快要/就要/将要/终于 + глагол + 了», «就 + глагол + 了»:

(63) 快要下雨, 快点回家吧。 (×)

快要下雨了, 快点回家吧。 (√) *Скоро пойдет дождь, скорее пойдём домой.*

(64) 今天八点才上课, 你怎么七点就来? (×)

今天八点才上课, 你怎么七点就来了? (√) *Сегодня в 8 часов начинаются занятия, зачем ты в 7 часов уже пришел?*

4.2.8. Опускают частицу 了 в конструкции «别 + глагол + 了», имеющей значение утешения или убеждения. Необходимо отличать от конструкции «别 + глагол», которая показывает предупреждение, замечание, запрет. В данном случае 了 не используется:

(65) 明天要考试, 你别玩。 *Завтра будет экзамен, хватит играть* (запрет).

明天要考试, 你别玩了。 *Завтра будет экзамен, хватит играть* (убеждение не делать).

(66) 别说, 让我猜一猜。 (表禁止) *Не говори, дай мне отгадать* (запрет).

别说了, 我不想听。 (表劝阻) *Не говори, я не хочу слушать* (убеждение не делать).

4.3. Нарушение местоположения частицы 了 в предложении

Иногда в предложении имеется несколько глаголов или глагол содержит дополнение. Русскоязычные студенты часто не понимают, где именно необходимо поставить частицу 了. Обычно встречаются следующие ошибки:

4.3.1. В предложении с составным глагольным сказуемым между

глаголами бывают различные связи, 了 чаще ставится после второго глагола, однако студенты ставят после первого:

(67) 他来了中国学两年汉语。 (×)

他来中国学了两年汉语。 (√) *Он приехал в Китай и два года изучал китайский язык* (отношение между глаголами показывает цель).

(68) 昨天我们骑了车去郊区。 (×)

昨天我们骑车去了郊区。 (√) *Вчера мы на велосипеде ездили за город* (отношение между глаголами показывает способ).

(69) 我让他通知小王来开会。 (×)

我让他通知了小王来开会。 (√) *Я заставил его сообщить Сяо Вану прийти на собрание* (отношение между глаголами показывает приказ).

4.3.2. Если после глагола имеется какой-либо дополнительный член (补语), положение частицы 了 может быть разным. В зависимости от этого студенты допускают различные ошибки:

(70) 我想了好久才想了起这件事。 (×)

我想了好久才想起了这件事。 (√) *Я думал очень долго, и только потом это пришло мне в голову.*

(71) 他的病终于治了好。 (×)

他的病终于治好了。 (√) *В конце концов он вылечился.*

(72) 我借了来一本书, 很有意思。 (×)

我借来了一本书, 很有意思。 (√) *Я взял одну книгу, очень интересная.*

4.3.3. Ставят частицу 了 после второго глагола при удвоении глаголов:

(73) 我看看了表叫道: “啊! 都三点了!” (×)

我看了看表叫道: “啊! 都三点了!” (√) *Я посмотрел на часы и воскликнул: «А! Уже три часа!»*

5. Заключение

Основной причиной совершения ошибок студентами начального уровня являются затруднения в толковании грамматических особенностей частицы в зависимости от ее положения в предложении, а также различия в представленных классификациях и в объяснениях грамматических значений. Проведенный анализ показал, что наиболее понятной для русскоязычных студентов является классификация, представленная в учебнике «Практическая грамматика китайского языка для иностранцев» под редакцией Ли Дэцинь и Чэн Мэйчжэнь. Объяснение грамматических значений частицы 了, описанных Лю Шусяном, способствует лучшему усвоению

данного грамматического феномена.

Другой причиной совершения ошибок является языковая интерференция вследствие недостаточно сформированных языковых и речевых навыков.

Проведенный анализ классификаций типов частицы 了, ее грамматических значений, типология ошибок, их примеры и способы исправления помогут преподавателям при подготовке к занятиям для более эффективной подачи материала, а обучающимся — лучше понять грамматические особенности частицы 了, преодолеть трудности при ее изучении и избежать многочисленных ошибок.

Список литературы / References

- Агеев Н. Ю. О трудностях грамматики китайского языка: частица le 了 // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48, № 2. С. 933–948 [Ageev, Nikolaj. Yu. (2018) O trudnostyah grammatiki kitajskogo yazyka: chastica le 了 (On the Chinese Language Grammar Difficulties: Particle / Suffix le 了). *Society and State in China*, Vol. 48, 2, 933–948 (In Russian)].
- Бережа Е. В. Частицы в системе служебных слов современного китайского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 33–38. [Bereza, Evgeniya. V. (2018) Chasticy v sisteme sluzhebnyh slov sovremennogo kitajskogo yazyka (Particles in the System of Functional Words of the Modern Chinese Language). *Eurasian Humanitarian Journal*, 3, 33–38. (In Russian)].
- Бережа Е. В. Основные значения и особенности функционирования видо-временной частицы 了 le в современном китайском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2019а. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 22–30. [Bereza, Evgeniya. V. (2019a) Osnovnye znacheniya i osobennosti funkcionirovaniya vido-vremennoj chasticy 了 le v sovremennom kitajskom yazyke (Basic Meanings and Functioning Patterns of the Aspect Particle 了 le in Modern Chinese). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1 (423). Filologicheskie nauki, Iss. 115, 22–30. (In Russian)].
- Бережа Е. В. Грамматическая классификация частиц современного китайского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019б. Вып. 5. № 3. С. 24–40. [Bereza, Evgeniya. V. (2019b) Grammaticheskaya klassifikaciya chastic sovremennogo kitajskogo yazyka (Grammatical Classification of Particles in Modern Chinese). *Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (3), 24–40. (In Russian)].
- Ивченко Т. В., Мазо О. М. К проблеме преподавания служебного слова 了 // Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI в. Сборник статей и докладов участников I международной научно-практической конференции. Казань: Издательство: «ФЭН» АН РТ, 2017. С. 101–107. [Ivchenko, Taras V., Mazo, Olga M. (2017) K probleme prepodavaniya sluzhebного slova 了 (Some Aspects of Teaching Particle 了). *Aktual'nye voprosy prepodavaniya kitajskogo i drugih vostochnyh yazykov v XXI v. Sbornik statej i dokladov uchastnikov I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Topical Issues of Teaching Chinese and Other Eastern Languages in XXI Century. Collection of Papers and Reports

- of Participants of the I International Scientific and Practical Conference). Kazan: FEN AN RT, 101–107. (In Russian)].
- Ивченко Т. В., Мазо О. М., Ли Тао. Полный курс китайского языка для начинающих + CD. М.: Издательство АСТ, 2018. [Ivchenko, Taras V., Mazo, Olga M., Li Tao (2018). *Polnyj kurs kitajskogo yazyka dlya nachinayushchih + CD* (Complete Chinese Course for Beginners + CD). Moscow: AST. (In Russian)].
- Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г. Практический курс китайского языка: Т. 1. / под. ред. А. Ф. Кондрашевского. 11-е изд., испр. М.: Восточная книга, 2010а. [Kondrashevskij, Aleksandr F., Romyanceva, Marina V., Frolova, Margarita G. (2010a) *Prakticheskij kurs kitajskogo yazyka* (Practical Course of the Chinese Language), Vol. 1. 11th ed., revised. In Kondrashevskij, Aleksandr F. (ed.) Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russian)].
- Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г. Практический курс китайского языка: Т. 2. / под. ред. А. Ф. Кондрашевского. 11-е изд., испр. М.: Восточная книга, 2010б. [Kondrashevskij, Aleksandr F., Romyanceva, Marina V., Frolova, Margarita G. (2010b) *Prakticheskij kurs kitajskogo yazyka* (Practical Course of the Chinese Language), Vol. 2. 11th ed., revised. In Kondrashevskij, Aleksandr F. (ed.) Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russian)].
- Раубо К. В. Дифференциация аспектного маркера 了 и модальной частицы 了 в процессе обучения грамматике китайского языка // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2020. Т. 14. С. 196–201. [Raubo, Kseniya V. (2020) *Differenciaciya aspektnogo markera 了 i modal'noj chasticy 了 v processe obucheniya grammatike kitajskogo yazyka* (Differentiation of the Aspect Marker 了 and the Modal Particle 了 when Learning Chinese Grammar). *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* (Topical Issues of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages), Vol. 14, 196–201. (In Russian)].
- 陈杰. 对外汉语教学中汉语动态助词 // 《鞍山师范学院》, 2006: 21–26 [Chen Jie. (2006) *Dynamic Auxiliary Words in Teaching Chinese as a Foreign Language*. Anshan Normal University, 21–26. (In Chinese)].
- 程美珍. 汉语病句辨析九百例. 北京: 华语教学出版社, 2009 [Cheng Meizhen. (2009) *Error Analysis of 900 Sample Sentences*. Beijing: Chinese teaching press. (In Chinese)].
- 黎锦熙. 新著国语文法. 湖南: 湖南教育出版社, 2007年 [Li Jinxi. (2007) *New Works on Mandarin Grammar*. Hunan: Hunan Education Press. (In Chinese)].
- 李德津, 程美珍. 外国人实用汉语语法. 2版(修订版). –北京: 北京语言大学出版社, 2009 [Li Dejin, Cheng Meizhen. (2009) *A Practical Chinese Grammar for Foreigners*. 2nd Edition (Revised Edition). Beijing: Beijing Language and Culture University Press. (In Chinese)].
- 刘勋宁. 现代汉语的句子构造与词尾“了”的语法位置 // 《语言教学与研究》第3期 1999: 第56–61页 [Liu Xunning. (1999) *Sentence Structure of Modern Chinese and the Grammatical Position of the Suffix Le*. *Language Teaching and Research*, 3, 56–61. (In Chinese)].
- 刘勋宁. 现代汉语句尾“了”的语法意义及其与词尾“了”的联系 // 《世界汉语教学》, 2002年第3期: 第42–49页 [Liu Xunning. (2002) *The Grammatical Meaning of “Le” at the End of Modern Chinese Sentence and Its Relationship with “Le” at the End of Word*. *Teaching Chinese in the World*, 3, 42–49. (In Chinese)].
- 刘月华, 潘文焯. 使用现代汉语语法. —北京: 商务印书馆, 2002. [Liu Yuehua, Pan Wenyu. (2002) *Using Modern Chinese Grammar*. Beijing: Commercial Press. (In Chinese)].

- 刘月华 实用现代汉语语法 增订本 北京: 商务印书馆 2004 [Liu Yuehua. (2004) *Practical Modern Chinese Grammar*. New edition. Beijing: Commercial Press. (In Chinese)].
- 吕叔相 汉语研究者的当前任务. 人民教育出版社; 载《中国语文》, 1961 [Lu Shuxiang. (1961) *Current Tasks of Chinese Researchers*. People's education press; Chinese language. (In Chinese)].
- 吕叔相 现代汉语八百词 北京: 商务印书馆 1999 [Lu Shuxiang. (1999) *Eight Hundred Words of Modern Chinese*. Beijing: Commercial Press. (In Chinese)].
- 彭小川, 李守纪, 王红 对外汉语教学语法释疑201例 商务印书馆 2004 [Peng Xiaochuan, Li Shouji, Wang Hong. (2004) *201 Cases of Grammar Explanation in Teaching Chinese as a Foreign Language*. Commercial press. (In Chinese)].
- 史冠新 普方古视角下的“了1”、“了2”、“了3”研究// 东方论坛(青岛大学学报); 2006年6月; 共28页, 第53-59页 [Shi Guanxin. (2006) The Research of “le 1”, “le 2” and “le 3” from the Perspective of Pufanggu. *Oriental Forum* (Journal of Qingdao University), 53-59. (In Chinese)].
- 王维贤《现代汉语语法理论的研究》, 语文出版社出版 1997年12月 [Wang Weixian. (1997) *The Research of Modern Chinese Grammar Theory*. Chinese publishing house. (In Chinese)].
- 魏红 汉语动态助词语与对外汉语教学//《云南师范大学学报》第2期 1999: 41-52 [Wei Hong. (1999) Chinese Dynamic Auxiliary Words and Teaching Chinese as a Foreign Language. *Journal of Yunnan Normal University*, 2, 41-52. (In Chinese)].
- 郑懿德, 马盛铨, 刘月华, 杨开荣 汉语语法难点释疑 华语教学出版社, 北京2009, 第四次印刷 [Zheng Yide, Masheng Jingheng, Liu Yuehua, Yang Jiarong. (2009) *Difficult Points in Chinese Grammar*. Beijing: Chinese teaching press. (In Chinese)].
- 朱德熙《语法讲义》, 北京商务印书馆 1982 [Zhu Dexi. (1982) *Lecture Notes on Grammar*. Beijing: Commercial Press. (In Chinese)].

УДК 81

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-28-42

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИМПЕРАТИВА В ДИСКУРСЕ: ПРОСОДИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО «ГИБРИДИЗАЦИИ»

Ю. А. Ненашева

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Челябинск, Россия

Применение когнитивно-дискурсивного подхода в экспериментальном анализе интонации в дискурсе позволяет установить особенности поведения языковых единиц, обусловленные спецификой непосредственной коммуникативной ситуации. Когнитивный аспект применяемого подхода описывает работу человеческого сознания по адаптации процессов производства речи к изменяющимся условиям дискурсивной деятельности, приводящим к изменению функций используемых языковых единиц. Поскольку материальным результатом этой деятельности является текст в звуковой или знаковой форме, акустический анализ текста дает возможность оценить специфику модификации звуковой последовательности, составляющей текст, ее интонационные характеристики, фасилитирующие выполнение функций в дискурсе. Корпусный анализ позволяет оценить прагматические факторы, сопровождающие процессы производства речи, выявить степень их воздействия на используемые языковые единицы.

Актуальность исследования продиктована необходимостью более точного изучения поведения интонационных единиц в дискурсе, обусловленного особенностями протекания когнитивных процессов говорящего, что становится возможным с применением когнитивно-дискурсивного подхода и основанной на этом подходе методологии экспериментального анализа дискурса (ЭАД) в экспериментальном фонетическом исследовании. Предложенное исследование представляет результат использования методологии ЭАД для изучения «гибридизации» прямых императивных высказываний в дискурсе, ее способов и условий производства речи, в которых происходит этот процесс. Автор показывает, как функциональная вариативность языковой единицы обеспечивает возможность этой единицы в определенных дискурсивных условиях выражать дополнительные интенции отправителя высказывания за счет построения новой данности: «превращения» прямого императивного высказывания в междометие.

В процессах речепроизводства, сопровождающихся специфическими условиями речепорождения, наличием выраженной эмоциональной нагрузки в семантической структуре высказывания, психофизиологическими ограничениями органов речепроизводства и речевосприятия, механизмов обработки информации, в дискурсивной деятельности формируется своеобразный «гибрид», сочетающий характеристики прямого императива и междометия. «Гибридизация» прямых императивных высказываний может быть реализована в полной мере или частично. Полученная «гибридная» единица сохраняет иллюкутивную силу прямого императивного высказывания в силу формулообразной синтаксической структуры и интонационной организации высказывания, характеризующейся меньшей вариативностью, чем интонация междометий, и соответствующей

кодифицированной интонационной норме английского языка. Акустические характеристики таких высказываний соответствуют первообразным и непервообразным междометиям: «гибриды», соответствующие первообразным междометиям, представляют собой необычные звуки и звукосочетания, «гибриды», соответствующие непервообразным междометиям, сохраняют звуковой состав полностью или в значительной степени.

Ключевые слова: интонация; императив; междометие; когнитивно-дискурсивный подход; функциональная вариативность; просодия / просодика.

Functional Variation of the Imperative in Discourse: Prosodic Evidence of “Hybridization”

Yulia A. Nenasheva

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

The cognitive-discursive approach used in experimental research helps to reveal specific behavior of language units which is conditioned by particular characteristics of the immediate communicative situation. The cognitive aspect of this approach describes how the human mind works to adapt speech production processes to ever-changing conditions of communicative activity, which results in changes of the functions of language units used in these processes. Since, either in oral or written forms, texts are the material result of this activity, acoustic analysis helps to evaluate the character of modifications of sound sequences as well as to define their intonation structure that facilitates the performance of utterances in discourse. Corpus analysis helps to evaluate pragmatic factors that maintain speech production processes and to describe their influence in the usage of language units.

The relevance of the research lies in the need to have a better understanding and a more thorough description of the behavior of intonation language units in discourse as well as its correlation to the cognitive processes in speech production. With this goal in mind, the author applies the cognitive-discursive approach to experimental phonetic research of intonation in discourse. The paper presents the results of examining the process of “hybridization” of direct imperative utterances, identifying types of such “hybridization,” and looking at conditions of speakers’ activity which accompany this “hybridization.” Using the methodology of experimental discourse analysis, the author shows how functional variability of this particular language unit in specific discourse environments can lead to significant changes in the intentional meaning of the unit, i. e., to imperative utterances acting as interjections.

In specific discourse environments, accompanied by marked emphasis in the semantic structure of the utterances and constrained by psycho-physiological thresholds and limitations of information processing mechanisms, speech production processes form a “hybrid” which combines characteristics of both a direct imperative and an interjection. This “hybridization” can be complete or partial. The “hybrid” maintains the illocutionary force of an imperative utterance due to its formulaic syntactic structure and intonation, characterized by less variation than that of an interjection, and the intonation of such units complies with the codified intonation standard of the English language. At the same time, its acoustic features correspond to the acoustic features of 1st and 2nd type interjections: “hybrids” that correspond to 1st type interjections consist of rare sounds and sound sequences, while “hybrids” that correspond to 2nd type interjections retain their sound structure completely or partially.

Key words: intonation; imperative; interjection; cognitive-discursive approach; functional variation; prosody.

1. Введение

Когнитивно-дискурсивная парадигма как основа методологии современного лингвистического исследования обеспечивает адекватное описание и объяснение языкового явления, поскольку позволяет «не только поставить в соответствие каждой языковой форме ее когнитивный аналог, ее концептуальную или когнитивную структуру (объясняя тем самым значение или содержание формы через определенную когнитивную структуру, структуру мнения или знания), но и объяснить причины выбора или создания данной “упаковки” для данного содержания» (Кубрякова 2012: 33), то есть учитывать как неязыковые, так и внутриязыковые причины, обуславливающие использование той или иной языковой единицы в процессах речепроизводства (Арутюнова 1990; Кубрякова, Александрова 1997: 19). Это означает, что дискурсивными характеристиками следует считать не только характеристики, связанные с участниками процесса коммуникации и их ролями, но и характеристики речевой репрезентации информации в высказывании (Кубрякова 2012: 66). Элементы линейной конструкции в тексте и их сочетаемость отражают правила распределения информации в речевом сообщении, что находит выражение в специфике интонационной организации высказывания. Таким элементами в линейной речевой последовательности являются актуализаторы — единицы, выполняющие функцию преобразования языкового значения единицы в ситуативно обусловленное значение (Кацнельсон 2002: 214), и активирующие когнитивные процессы: выбор, с точки зрения говорящего, наиболее подходящей интонационной конструкции для выражения необходимого значения в дискурсе.

Согласно определению, в дискурсе «по мере осуществления речи строится за счет определенным образом выбираемых языковых средств новая данность, выражающая интенции ее отправителя и оказывающая воздействие на других участников коммуникативного акта» (Кубрякова 2012: 125). Возможность возникновения этих «новых данностей» обеспечивается функциональной вариативностью языковых единиц, которая представляет собой «общее свойство, заложенное в самом “устройстве” языковой системы, как способ существования и функционирования всех без исключения единиц языка, обнаруживающий специфические черты в пределах каждого уровня (Солнцев 1984: 31, 41). При этом идея вариативности как единства изменчивого и постоянного предполагает, что изменяющиеся языковые единицы одновременно и сохраняют некоторые существенные свойства, позволяя пользователю языка узнавать эти единицы в различных дискурсах, и приобретают новые свойства, которые определяют эту единицу как принадлежащую новому классу / категории / вариантному ряду (Там же: 32).

Изучение особенностей функциональной вариативности и того, как функциональная вариативность реализуется в дискурсе, становится задачей экспериментального лингвистического исследования интонационной организации высказывания в дискурсе. Представляется возможным сделать предположение, что функциональное варьирование в дискурсе включает в себя возникновение своеобразных «гибридов», в которых высокая степень аллофонической вариативности компенсируется иными, например интонационными, средствами. Такие гибридные единицы в дискурсе могут одновременно выполнять функцию, соответствующую исходной языковой единице «по умолчанию», и новую функцию, возникающую у этой единицы непосредственно в дискурсе. Представленные вниманию читателя результаты представляют собой часть более крупного исследования узусной интонационной нормы прямых повелительных высказываний в дискурсе: в ходе этого исследования было выявлено специфическое поведение интонационных характеристик прямых повелительных высказываний: прямые императивные высказывания приобретают в дискурсе просодические характеристики междометий и одновременно продолжают выполнять иллокутивную функцию «побуждения», что обеспечивается средствами интонации. Целью представленной работы является описание условий проявления этого процесса в дискурсе. В задачи исследования специфики интонационного поведения этих высказываний входит определение условий окружения этих высказываний в дискурсе, определяющих процесс рече-производства, выявление специфики и степени «гибридизации» исследуемых высказываний.

Типология императива, его семантика, императивные показатели и формы подробно рассмотрены в фундаментальных работах (Храковский, Володин 2002; Aikhenvald 2010, 2017; Jary, Kissine 2014; Kaufmann 2012; Гусев 2013 и др.), в этих же работах представлена обширная библиография по данной теме. Необходимо обратить внимание на некоторые моменты, которые представляются важными для настоящего исследования и обуславливают его новизну: 1) структурная / формальная близость императивных высказываний и междометий, 2) иллокутивная сила как определяющая характеристика императива.

Структурное соответствие повелительного наклонения и междометий, закрепление определенной формы как признака междометия отмечается в ряде работ, посвященных типологии императива (Гусев 2013; Храковский, Володин 2002; Aikhenvald 2010, 2017; Jary, Kissine 2014; Dobrushina 2003 и др.). В частности, в работе «Русская грамматика», представляющей собой коллективный труд по систематизации данных о русском языке, указывается, что научная интерпретация таких единиц с уста-

новленной, закрепленной формой неоднозначна: они могут быть определены как особая глагольная форма, например, усеченная форма со специфическим значением, или как «звуковой жест», не имеющий специфических глагольных свойств — междометие (Плотникова 1980: 622–623). При этом то, насколько крепкой является связь между значением этих единиц и их формой, определяет вид междометия: междометия, в которых форма и значение неразделимы, относятся к первообразным (Кручинина 1980: 735). Семантические функции междометий диффузны и могут быть модифицированы при помощи просодических средств в дискурсе.

Опираясь на определение данное императиву В. Ю. Гусевым (Гусев, 2013: 21–22), согласно которому главной характеристикой императива является каузация, которую В. Ю. Гусев соотносит с иллюкутивной силой (Серль 1986), в ходе работы выдвигается предположение, что «гибридизация» представляет собой модификацию иллюкутивной силы повелительного высказывания: от частичного изменения до полного исчезновения и превращения повелительного высказывания в междометие. Поскольку текст представляет собой результат дискурсивной деятельности, а близость структуры повелительного наклонения и междометий неоднократно отмечается в литературе, посвященной изучению этих единиц как значимый фактор, исследование акустической формы повелительных высказываний в дискурсе, сравнительно-сопоставительный анализ их письменной формы и акустической реализации позволит выявить процесс «гибридизации» императивного высказывания и описать дискурсивные условия, при которых этот процесс становится возможным.

2. Материалы и методы

Материалом экспериментального исследования поведения повелительных конструкций в дискурсе послужили художественные тексты в письменном варианте и аудиоварианте. Общий объем письменных текстов составляет 2 267 360 слов. Использование художественного текста обусловлено характером более крупного исследования, направленного на изучение узусной нормы интонационной организации повелительного высказывания в дискурсе и требующего изучения дискурсов разного рода; часть этого исследования представлена в данной работе. Письменный вариант был подвергнут корпусному исследованию для определения контекстного окружения высказываний, составляющих выборку исследования. Исследуемое контекстное окружение было представлено актуализаторами двух типов (Кацнельсон 2002; Почепцов 1968).

Аудиоварианты этих текстов (общая длительность более 130 часов) были использованы для составления сплошной выборки повелительных

высказываний (9117 высказываний в общем объеме звучания 3 ч. 22 мин.). Критерии повелительных высказываний, вошедших в выборку, были выработаны на основе анализа лингвистической литературы отечественных и зарубежных исследователей (Кибрик, Подлесская 2009; Aikhenvald 2010, 2017; Jary, Kissine 2014; Kaufmann 2012; Takahashi 2012; Храковский, Володин 2002; Храковский 1990 и др.). Выборку составили канонические императивы (*addressee-oriented imperatives*) (Aikhenvald 2010:47) со следующими характеристиками: 1) нормативная синтаксическая структура – повелительное наклонение, 2) адресованность второму лицу, 3) отсутствие подлежащего / обращения / иных дополнительных единиц.

Высказывания выборки были подвергнуты компьютерному акустическому анализу с помощью программы PRAAT (Voersma 2020), скрипт *Prosogram*, которая позволяет определять акустические характеристики высказываний и строить стилизованный интонационный контур на основе симулятора восприятия акустической информации среднестатистическим адресатом речи (Mertens 2004). Результаты компьютерного анализа были организованы в таблицы и подвергнуты статистической оценке.

3. Результаты и обсуждение

В результате проведенного компьютерного анализа был получен набор просодических единиц, включающий в себя данные о длительности высказываний, темпе речи, максимальном и минимальном значениях частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности, перцентилей распределения значений ЧОТ в высказывании, диапазона ЧОТ, локализации минимального и максимального значений ЧОТ и интенсивности в высказывании, стандартного отклонения значений ЧОТ и интенсивности в высказывании, а также построен стилизованный интонационный контур высказывания. Полученные данные показали, что предполагаемая «гибридизация» затрагивает определенную группу императивных высказываний, характеризующихся специфичными структурными особенностями: 1) обособленность знаками пунктуации и / или просодическими средствами (паузация); 2) наличие звуковой последовательности в высказывании; 3) программа автоматически выделила один ударный слог в звуковой последовательности (выделение ударного слога не представляет собой обязательный атрибут анализируемой звуковой последовательности). Общая доля таких высказываний составляет 7,3 % (670 выск.) от общей выборки исследования (9117 выск.).

Эти императивные высказывания были разделены на три группы: 1) в первой группе высказываний программа обнаружила только динамические характеристики звуковой последовательности — интенсивность; 2) во

второй группе высказываний программа выделила динамические и тональные характеристики, а также в большинстве случаев определила наличие одного автоматически определяемого ударного слога (АОУС), но не смогла построить стилизованный интонационный контур; 3) в третьей группе высказываний, содержащих один АОУС, программа выделила все просодические характеристики и построила стилизованные интонационные контуры.

В долевом соотношении высказывания первой группы представляют собой самую малочисленную группу (23 выск.) — 3,2 % от общего числа высказываний в исследуемой группе (670 выск.). Отсутствие тональных характеристик и наличие характеристик динамических сигнализирует о том, что данные высказывания содержат некоторые звуки, но в этих звуках отсутствует воспринимаемый тональный компонент, что, вероятно, обусловлено пороговым значением тональных изменений, а также пороговыми значениями восприятия длительности звучания (Hart't 1981). Среди других характеристик таких высказываний следует отметить следующие:

- лексический состав данных высказываний представлен односложными словами: *Quick* (6 выск.), *Shut up* (3 выск.), *Look* (3 выск.), *Out* (2 выск.), *Hush* (1 выск.) и т. д. Все высказывания этой группы представляют собой самостоятельные высказывания, обособленные собственными знаками препинания: в восьми высказываниях — восклицательные знаки, в десяти высказываниях — точки, в четырех высказываниях — запятые. Средняя длительность пауз — 0,42 сек;

- актуализаторами первого типа выступили глаголы речевой каузации: *hiss* (4 выск.), *said* (4 выск.), *growl* (2 выск.) и т. д. При этом глагол *said* сопровождался актуализаторами второго типа: *soft hissing voice / coldly / a rough voice / sharply*;

- среди высказываний группы пять высказываний маркированы как нейтральные, одиннадцать высказываний маркированы как имеющие выраженную эмоциональную нагрузку неясного характера, еще шесть высказываний маркированы как имеющие отрицательную эмоциональную нагрузку, и одно высказывание — как имеющее положительную эмоциональную нагрузку. В совокупности 18 высказываний, маркированных наличием выраженной эмоциональной нагрузки того или иного характера, составляют 79 % от общего числа высказываний первой группы.

Динамические характеристики этой группы показали следующие результаты: максимальной вариативностью отличается параметр минимального значения интенсивности: его стандартное отклонение составляет 14,34, а стандартная ошибка — 3,13. Максимальное значение

интенсивности характеризуется меньшей вариативностью: стандартное отклонение составляет 6,72, а стандартная ошибка — 1,47. Второй квантиль интенсивности в высказывании также характеризуется высокой вариативностью: стандартное отклонение — 7,12, а стандартная ошибка составляет 1,55. Значение стандартного отклонения интенсивности в высказывании также показывает значительную вариативность: стандартное отклонение равно 5,36, а стандартная ошибка составляет 1,17. В то же время все динамические параметры распределяются в выборке согласно закону нормального распределения. Максимальное и минимальное значения интенсивности в высказываниях были нормализованы относительно среднего значения интенсивности в высказывании. Данные показывают, что нормализованный минимум интенсивности в 75 % высказываний не превышает 0,5 от среднего значения интенсивности, тогда как нормализованный максимум интенсивности в 75 % высказываний составляет 1,12 от среднего значения интенсивности. Минимум нормализованного максимального значения интенсивности — 1,03. В высказывании значения интенсивности располагаются таким образом, что в 75 % высказываний значения второго квантиля интенсивности не превышают среднего значения интенсивности. В то же время в 25 % эти значения выше нормализованного минимума интенсивности и составляют 0,85 от значений средней интенсивности в высказывании.

В ходе анализа были также определены временные характеристики звуковой последовательности, составляющей высказывания: стандартное отклонение составило 0,18, а стандартная ошибка 0,039, что показывает невысокую вариативность данного параметра. Минимальное значение интенсивности в 75 % высказываний локализовано в четвертой четверти высказывания: 0,88 от значения длительности высказывания, тогда как максимальное значение интенсивности в 75 % высказываний расположено в пределах первых двух четвертей — от 0,18 до 0,43 от значения длительности высказывания.

На рисунке 1 представлен пример просодической структуры высказывания первой группы (см. Рис. 1). На рисунке отчетливо видно наличие звукового ряда, имеющего спектральные и динамические, но не тональные характеристики.

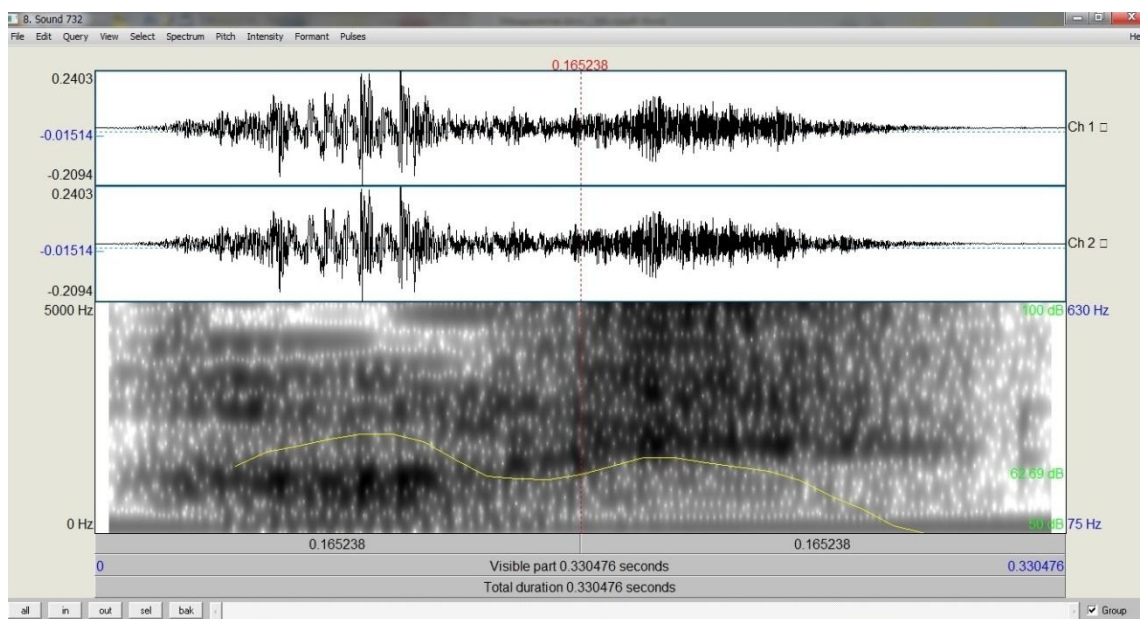

Рис. 1. Просодическая структура высказывания *Hush!*

Высказывания второй группы в количестве 56 высказываний составляют 8,3 % от количества высказываний в исследуемой группе (670 выск.). В этих высказываниях программа обнаружила тональные характеристики, однако в 28 высказываниях не смогла выделить АОУС. Во всех высказываниях второй группы не смогла построить стилизованный интонационный контур. Среди структурных характеристик высказываний этой группы следует отметить следующие:

- лексический состав данных высказываний представлен разными структурами: как отдельными высказываниями — 17 высказываний, так и частью большего высказывания, отделенной от остального паузой, — 12 высказываний. Наиболее часто повторяющейся была конструкция *Look* (7 выск.), остальные единицы, как то *Listen*, *Come*, *Trust me* и т. п., были представлены от 3 до 1 раза. Средняя длительность пауз — 0,37 сек;

- актуализаторами первого типа выступили глаголы речевой каузации, не связанные с обозначением особых условий звукопроизводства: *said* (18 выск.), остальные глаголы представлены однажды. Актуализаторы второго типа, сопровождающие глагол *said*, также регистрируются один раз;

- среди высказываний этой группы наблюдается меньшая асимметрия распределения: только 55,1 % высказываний маркированы наличием выраженной эмоциональной нагрузки.

Динамические характеристики этой группы показали следующие результаты: максимальной вариативностью отличается параметр максимального значения интенсивности: его стандартное отклонение

составляет 23,8, а стандартная ошибка — 3,18. Максимальное значение интенсивности характеризуется меньшей вариативностью: стандартное отклонение составляет 14,3, а стандартная ошибка — 1,91. Второй квантиль интенсивности в высказывании также характеризуется высокой вариативностью: стандартное отклонение — 6,6, а стандартная ошибка составляет 0,89. Значение стандартного отклонения интенсивности в высказывании не показывает вариативности, как в первой группе: стандартное отклонение равно 6,42, а стандартная ошибка составляет 0,85. Параметры вариативности динамических характеристик второй группы проявляют сходство с параметрами вариативности динамических характеристик первой группы, однако не все динамические параметры во второй группе распределяются согласно закону нормального распределения: значения максимальной интенсивности характеризуются удлиненным левым хвостом. Нормализованный минимум интенсивности в 75 % высказываний превышает 0,6 от среднего значения интенсивности, тогда как нормализованный максимум интенсивности в 75 % высказываний составляет 1,15 от среднего значения интенсивности. В высказывании значения интенсивности располагаются таким образом, что в 75 % высказываний значения второго квантиля интенсивности почти достигают среднего значения интенсивности — 0,92. В то же время в 25 % эти значения выше нормализованного минимума интенсивности и составляют 0,81 от значений средней интенсивности в высказывании.

В ходе анализа были также определены временные характеристики звуковой последовательности, составляющей высказывания: стандартное отклонение составило 0,24, а стандартная ошибка 0,03, что показывает невысокую вариативность данного параметра. Минимальное значение интенсивности даже в 25 % высказываний локализовано в четвертой четверти высказывания: 0,6 от значения длительности высказывания, тогда как максимальное значение интенсивности в 75 % высказываний расположено в пределах первой трети высказывания — 0,29 от значения длительности высказывания.

В третью группу входит 592 высказывания, в которых программа обнаружила все просодические характеристики, выделила 1 АОУС и построила стилизованный интонационный контур. К общим характеристикам высказываний третьей группы следует отнести следующее:

– лексический состав данных высказываний представлен как односложными словами, среди которых можно выделить наиболее частотные глагольные формы: *Tell! Push!*, так и сочетания двух слов: *Get up! Shut up! Go on*, а также двусложные слова, например, *Listen*. 85,3 %

(505 выск.) этой группы высказываний имеют полную синтаксическую структуру (Aikhenvald 2010; Jerry, Kissine 2014), 14,7 % (87 выск.) имеют неполную синтаксическую структуру — «abbreviated sentences» (Leech, Svartvik 2002: 128);

– актуализаторами первого типа послужили как глаголы речевой каузации, не связанные со специальными условиями звукопорождения, например, *said* (227 выск.), так и глаголы речевой каузации, обозначающие особый тип порождаемого звука (“a sibilant sound”): *whisper* (24 выск.), *hiss* (9 выск.), а также глаголы речевой каузации, обозначающие специфичные просодические характеристики говорения (“a loud sound”): *yell*, *roar*, *bellow* (74 выск.). В качестве актуализаторов второго типа выступили *angrily / sharply / harshly* etc. (21 выск.), *happily / eagerly* etc. (5 выск.), *quietly / softly* etc. (20 выск.);

– 58,1 % (344 выск.) этой группы маркирован наличием выраженной эмоциональной нагрузки.

Динамические характеристики этой группы показали следующие результаты: наибольшей степенью вариативности характеризуются параметры минимального (стандартное отклонение — 14,3) и максимального (стандартное отклонение — 26,7) значений интенсивности, второго квантиля интенсивности (стандартное отклонение — 8,8) и среднего значения интенсивности (стандартное отклонение — 7). Динамические характеристики в высказываниях этой группы показали отклонение от нормального распределения.

Сравнение тональных характеристик высказываний второй и третьей групп показало наличие статистически значимых различий в значениях минимальной, максимальной и средней F0 (пт), а также в значениях скорости тонального движения (пт/сек.) (U критерий Манна-Уитни соответственно — 0,003, < 0,001, < 0,001, 0,054). В 67,7 % высказываний слог реализуется на одном тональном уровне с малой степенью вариативности: стандартное отклонение — 0,19, в 25 % тональный уровень слога составляет 0,35 от среднего значения F0 в высказывании, в 75 % высказываний — 0,63 от среднего значения F0 в высказывании. В 32,2 % (191 выск.) в АОУС наблюдается сложное тональное движение (от двух до пяти изменений значений F0 в пределах слога), из них в 80,1 % — это движение общего нисходящего характера, в 4,1 % — это движение общего восходящего характера, в 10,4 % — движение нисходяще-восходящего характера, в 5,2 % — движение восходяще-нисходящего характера.

Опираясь на определение, данное первообразным междометиям, представляющим собой «редкие или даже необычные для данного языка звуки / звукосочетания — условные преднамеренные воспроизведения

звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом» (Кручинина 1980: 731), и результаты акустического анализа можно сделать вывод о том, что наше предположение о «гибридизации» императивных высказываний в дискурсе подтверждается:

– Высказывания первой группы представляют собой «гибриды», максимально приближенные к первообразным междометиям. Звуковой материал высказываний этой группы показывает отсутствие тональных характеристик, что не мешает данным единицам выполнять определенную функцию в дискурсе (Кибрик, Подлеская 2009: 61). Низкая частотность высказываний этой группы показывает, что полная «гибридизация» императивных высказываний происходит достаточно редко и сопровождается специфическими условиями речепроизводства, обусловленными наличием эмоциональной нагрузки семантической структуры этих единиц.

– Высказывания второй группы представляют собой переходные просодически специфичные «гибриды», звуковой материал которых обнаруживает тональные и динамические характеристики, но не всегда позволяет выделить ударный слог. Высказывания этой группы также не обладают выделяемым стилизованным интонационным контуром. Динамические характеристики высказываний этой группы отличаются от динамических характеристик высказываний первой группы, тональные характеристики высказываний этой группы отличаются от тональных характеристик высказываний третьей группы, что дает основание для определения высказываний второй группы как переходного этапа «гибридизации». Акустическое содержание императивных высказываний второй группы приближается к междометию: они представляют собой своеобразный звуковой жест, обладающий динамическими и тональными характеристиками, но не обладающий выделяемым интонационным рисунком.

– Высказывания третьей группы соотносятся с непервообразными междометиями, так как сохраняют формальную структуру, что выражается в обязательном наличии выделяемого ударного слога и стилизованного интонационного контура, совпадающего с интонационными контурами императивных высказываний, описанными в кодифицированной интонационной норме английского языка (O'Connor, Arnold 1973; Ladd 2008; Wells 2006; Warren 2016; Fery 2017; Büring 2016).

4. Заключение

Данные экспериментального исследования показывают, что полная «гибридизация» как результат функциональной вариативности в дискурсе довольно редка. Условиями, способствующими процессу «гибридизации», являются специфическая формальная структура высказываний, высокая степень эмоциональной нагрузки, особый характер речепроизводства, отраженные в актуализаторах. В большинстве случаев степень «гибридизации» достаточно невысока, что позволяет императивным высказываниям сохранить узнаваемость, а интонационная организация этих высказываний позволяет им продолжить выполнять иллюкутивную функцию, характерную для императивных высказываний. Формулообразный характер императивных высказываний определяет избирательность (преференции) говорящего / пользователя языка в отношении «гибридируемых» единиц.

Результаты представленного исследования позволяют определить направление дальнейшего изучения функциональной вариативности интонационных характеристик высказываний. Вариативность в дискурсе, определяемая коммуникативной потребностью, связана со значимостью свойств языковых единиц, используемых для выражения коммуникативного значения: дискурсивное значение языковой единицы реализуется как «новая данность», выстраиваемая в дискурсе по мере осуществления речи за счет определенным образом выбираемых и модифицируемых языковых средств. При исследовании вариативности языковых единиц в дискурсе следует иначе подходить к оценке значимости свойств используемой единицы: относительно малозначимое свойство языковой единицы может характеризоваться высокой значимостью в дискурсе и сыграть определенную роль в модификации дискурсивного значения этой единицы.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137. [Arutjunova, Nina. D. (1990) Diskurs (Discourse). In Yarceva, Viktoriya. N. (ed.) *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya, 136–137. (In Russian)].
- Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Gusev, Valentin Yu. (2013) *Tipologiya imperativa* (Typology of Imperatives). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russian)].
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М.: Едиториал УРСС, 2002. [Katsnel'son, Solomon D. (2002) *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* (Typology of Language and Speech Thinking). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].

- Кибрик А. А., Подлеская В. И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2009. [Kibrik, Andrey A., Podlesskaya, Vera I. (2009) *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* (Stories about Dreams: Corpus-based Research of Oral Russian Discourse). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian)].
- Кручинина И. Н. Междометие // Русская грамматика. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. Т. 1 М.: Наука, 1980. С. 731–735. [Kruchinina, Irina N. (1980) *Mezhdometie* (Interjection). In *Russkaya grammatika. Fonetika, fonologiya, udarenie, intonatsiya, slovoobrazovanie, morfologiya* (Russian Grammar: Phonetics, Phonology, Stress, Intonation, Word Formation, Morphology). V. 1. Moscow: Nauka, 731–735. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. С. 19–20. [Kubryakova, Elena S., Aleksandrova, Olga. V. (1997) *Vidy prostranstv teksta i diskursa* (Types of Spaces of Text and Discourse). In Kubryakova, Elena S. (ed.) *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya* (Categorization of the World: Space and Time). Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova, 19–20. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. [Kubryakova, Elena S. (2012) *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* (In Search of the Essence of a Language: Cognitiva Researches). М.: Znak. (In Russian)].
- Плотникова В. А. Категория наклонения // Русская грамматика. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. Т. 1 М.: Наука, 1980. С. 618–623. [Plotnikova, Vera. A. (1980) *Kategoriya nakloneniya* (Category of Mood). In *Russkaya grammatika. Fonetika, fonologiya, udarenie, intonatsiya, slovoobrazovanie, morfologiya* (Russian Grammar: Phonetics, Phonology, Stress, Intonation, Word Formation, Morphology). V. 1. Moscow: Nauka, 618–623. (In Russian)].
- Почепцов Г. Г. Об обязательном и факультативном окружении // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 145–148. [Pocheptsov, Georgij G. (1986) *Ob obyazatel'nom i fakul'tativnom okruzhenii* (On Obligatory and Optional Surrounding). *Voprosy yazykoznaniiya*, 1, 145–148. (In Russian)].
- Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194. [Searle, John R. (1986) *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* (Classification of Illocutive Acts). In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* (New in Foreign Linguistics). Issue XVII. Moscow: Progress, 170–194. (In Russian)].
- Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–43. [Solntsev, Vadim M. (1984) *Variativnost' kak obshchee svoystvo yazykovoy sistemy* (Variability as a Common Property of a Linguistic System). *Voprosy yazykoznaniiya* (Issues of Linguistics), 2, 31–43. (In Russian)].
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. М.: Едиториал УРСС, 2002. [Khrakovskiy, Viktor.S, Volodin, Aleksandr P. (2002) *Semantika i tipologiya imperativa: Russkiy imperativ* (Semantics and Typology of Imperatives: Russian Imperativ). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].

- Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 185–243. [Khrakovskiy, Viktor S. (1990) Povelitel'nost' (Imperativeness). In *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* (Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality). Leningrad: Nauka, 185–243. (In Russian)].
- Aikhenvald, Alexandra Y. (2010) *Imperatives and Commands*. Oxford: Oxford University Press.
- Aikhenvald, Alexandra Y. (2017) Imperatives and Commands: a Cross-linguistic View. In Aikhenvald, Alexandra Y. & Dixon, Robert M. W. (eds.) *Commands: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 1–45.
- Boersma, Paul, Weenink, David. (2020) *Praat: Doing Phonetics by Computer* (Computer Program). Version 6.1.30. Retrieved from <http://www.praat.org/>.
- Büring, Daniel. (2016) *Intonation and Meaning*. Oxford: Oxford University Press.
- Dobrushina, Nina. (2003) Imperative Deictic Reduction. In: Suihkonen, Pirkko and Comrie, Bernard (eds.) *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia*. Collection of Papers. Izhevsk, Leipzig: Udmurt State University; Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Department of Linguistics, 66–83.
- Fery, Caroline. (2017) *Intonation and Prosodic Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hart, 't Johan. (1981) Differential Sensitivity to Pitch Distance, Particularly in Speech. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 69 (3), 811–821.
- Jary, Mark, Kissine, Mikhail. (2014) *Imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaufmann, Magdalena. (2012) *Interpreting Imperatives*. Dordrecht: Springer.
- Ladd, Robert D. (2008) *Intonational Phonology*. Cambridge Studies in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leech, Geoffrey, Svartvik, Jan. (2002) *A Communicative Grammar of English*. London: Pearson Education Limited.
- Mertens, Piet. (2004) The Prosogram: Semi-Automatic Transcription of Prosody based on a Tonal Perception Model. In *Proceedings of Speech Prosody 2004, 23–26 March*, Nara (Japan).
- O'Connor, Joseph D., Arnold, Gordon F. (1973) *Intonation of Colloquial English. A practical handbook*. London: Longman.
- Takahashi, Hidemitsu. (2012) *A Cognitive Linguistic Analysis of the English Imperative. With special reference to Japanese imperatives*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Warren, Paul. (2016) *Uptalk: The Phenomenon of Rising Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wells, John C. (2006) *English Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 801.73

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-43-57

**РАСКОЛЬНИКОВ НА ПУТИ К «СВЯТОЙ РУСИ»:
ГЕРМЕНЕВТИКА ОБРАЗА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

С. Г. Павлов¹, С. Б. Королева²

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, Нижний Новгород, Россия

²Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Образ Раскольникова в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского исследовался многократно. Предлагаемый в статье подход (герменевтическая лингвистика), а также концентрация на проблеме святости позволяют уточнить существующие научные представления о содержании образа, направленности его развития и внутреннем сюжете Эпилога романа. Цель статьи — выявить в образе Родиона Раскольникова маркеры идеи «Святой Руси» и определить роль символики святости в развитии образа главного героя и, в связи с этим, в сюжете романа. Особое внимание уделено интертекстуальным связям произведения с новозаветным текстом и текстами молитв; темпоральной и топической религиозной символике. В статье ставится вопрос о соотношении идеалов «Святой Руси» и «русской идеи» в развитии сюжета и образа главного героя романа; уточняется представление о воплощении в тексте «русской идеи» в связи с изображением духовного падения и возрождения русского интеллигента.

Герменевтическое исследование образа Раскольникова показывает, что Достоевский не только проводит своего героя через бездну «теоретического» соблазна, внутреннего раскола и каторжных страданий, но и обнаруживает в нем силы, которые способны стать источником преобразования его души и жизни на началах святости. Образ Раскольникова оказывается «заряжен» смысловыми импульсами идеи «Святой Руси» как в плане индивидуального преобразования (обретения пути к святости), так и в плане государственно-общественного воплощения «русской идеи» (обращения России к жертвенному служению ради любви во Христе).

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; образ Раскольникова; идеалы «Святой Руси»; «русская идея»; герменевтическая лингвистика; культурно-исторический и биографический контекст.

**Raskolnikov on the Way to 'Holy Russia':
Hermeneutics of Raskolnikov's Image in F. M. Dostoevsky's *Crime and Punishment***

Sergei G. Pavlov¹, Svetlana B. Koroleva²

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

²N.A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The image of Raskolnikov in F. M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* has been widely researched and commented upon. However, suggesting a particular approach to the material — that of hermeneutic linguistics — and focusing on the problem of holiness (two essential principles of this article) provide new results in understanding the content of Raskolnikov's image, the direction of its development, and the inner plot of the novel's epilogue. The paper focuses on defining markers of the idea of 'Holy Russia' in the image of Rodion Raskolnikov as well as the role of 'holy' symbols both in its own development, and, through it, in the novel's overall plot. Particular attention is paid to intertextual connections of the novel with the New Testament and established prayers, as well as to temporal and topic religious symbols referring to the hero. The paper argues that both the ideals of 'Holy Russia' and Dostoevsky's 'Russian idea' play a significant role in the development of the plot and the hero's character. It also analyzes the connection of the hero's inner journey (his spiritual and moral fall and his later rebirth) with embodying the 'Russian idea' in the image of an intellectual in the novel.

The hermeneutic research demonstrates that Dostoevsky, bringing his hero through the abyss of 'theoretical' temptation, inner schism, and jail, discovers in him those powers that can become sources of transformation for his soul and his life, putting him on the way to holiness. The image of Raskolnikov appears to be charged with meanings connected with the ideals of 'Holy Russia' both in terms of individual transformation (the way to holiness) and in terms of social unity (the way to self-sacrificial service, mutual Christian love, and the common good).

Key words: F. M. Dostoevsky; the image of Raskolnikov; ideals of 'Holy Russia'; 'Russian idea'; Hermeneutic linguistics; cultural, historic and biographical context.

1. Введение

Идеалы «Святой Руси» в творчестве Ф. М. Достоевского связаны с носителями официально признанной или явленной святости — Сергием Радонежским, Феодосием Печерским, Тихоном Задонским (Достоевский 1981: 43); крестьянином Мареем (Достоевский 1981: 46–50); князем Мышкиным («Идиот»), старцем Зосимой и Алешей Карамазовым («Братья Карамазовы»). При этом «русская идея» как государственно-историческое воплощение индивидуально-авторского варианта концепта «Святая Русь» представлена у Достоевского не столько в ретроспективе и наличной данности, сколько в ее обращенности в будущее. Не случайно, описывая эту идею в первый раз, он облакает ее в форму предположения: «<...> русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» (Достоевский 1978: 37). Взгляд на «русскую идею» как на долго-

срочный футурально ориентированный проект, а также как на особую форму воплощения идеалов «Святой Руси» способен дать новые импульсы изучению романа «Преступление и наказание» и образа его главного героя.

После публикации романа Н. Н. Страхов писал о Достоевском: «По своему всегдашнему обычаю, он представил нам человека в самом убийце, как умел отыскать *людей* и во всех блудницах, пьяницах и других жалких лицах, которыми обставил своего героя» (цит. по: Фридлиндер 1989: 553). Достоевский, по словам Страхова, признал его правоту: «Вы один меня поняли» (Там же). В советском литературоведении эта несколько абстрактная трактовка не могла быть уточнена в связи с отрицательным отношением к религиозной проблематике. Не связанные секулярными установками зарубежные (Berry 1989; Сильвестроне 2001; Hudspith 2003; Appolonio 2009; Vercken 2011; Givens 2011; Sanz 2017) и постсоветские (Касаткина 2004; Тихомиров 2005; Сыромятников 2014; Касаткина 2015) исследования смогли проникнуть в христоцентричное сознание Достоевского — в частности, открыть в образе Раскольникова топику святости и перспективу «русской идеи». Исследование в этом направлении следует продолжить рассмотрением образа Раскольникова в свете «русской идеи» как *особого государственно-исторического аспекта идеалов «Святой Руси»* в творчестве Достоевского. Цель настоящей статьи — аргументировать мысль о том, что в развитии образа Родиона Раскольникова представлен путь русского интеллигента, призванного стать провозвестником народных идеалов «Святой Руси», а также желанный для писателя прогностический путь воплощения «русской идеи» в историческом бытии русского народа.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Основным материалом исследования является роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1865–1866). Текст рассматривается в тесной связи с другими зрелыми произведениями, а также публицистическими высказываниями писателя, имеющими отношение к концепту «Святой Руси» и «русской идее» в его творчестве. Методологической базой исследования является герменевтический метод, совмещающий лингвоцентричные технологии работы с художественным текстом, направленные на выявление его имплицитной информации, и экстралингвистический анализ культурно-исторического и биографического материала. Особое место в работе занимают процедуры толкования текста на основе анализа языковых единиц (Павлов, Бударagina 2020; Павлов 2021).

Современная герменевтика ставит задачу понимания и вербализации таких аспектов текста, которые не могут быть формализованы, в то время как в своем определении художественности Достоевский настаивает на не-

обходимости адекватной интерпретации авторской мысли: «...Художественность <...> есть способность до того ясно выразить в лицах и образах романа свою мысль, что читатель, прочтя роман, совершенно так же понимает мысль писателя, как сам писатель понимал ее, создавая свое произведение» (Достоевский 1978: 80). Принимая во внимание и этот критерий, и современные герменевтические принципы, диапазон адекватных толкований следует специально оговорить. Интерпретация текста не обязана быть задокументирована прямыми комментариями автора, но она по меньшей мере должна согласовываться с его мировоззрением и творческим методом.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В богословски терминологическом смысле под святостью понимается качество души людей, получающее со временем официальное подтверждение в акте церковной канонизации. При этом Церковь смотрит на святость шире. На литургии причастники призываются возгласом священника: «Святая святым». Святые дары преподаются покаянием подготовившихся к таинству грешникам для их освящения. Словом «святость» обозначается и актуальное состояние, и само стремление к нему.

Интуиции Достоевского относительно «Святой Руси» находятся в русле церковного представления о святости как интенциональном феномене: «Нет, судите наш народ не потому, чем он есть, а потому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы...» (Достоевский 1981: 43). По Достоевскому, стремление к святости (не только в народе, но и в самых разных слоях общества) может стать источником будущего благополучия России в ее историческом развитии. «Святая Русь» у него мыслится энтелехией реальной России, святой и грешной одновременно, его же «русская идея» есть исторически-мессианская перспектива «Святой Руси», устремлённой в будущее. Представители «Святой Руси» святы православной верой и стремлением освятиться. В творчестве Достоевского, в том числе и в романе «Преступление и наказание», представлена репрезентация концепта «Святая Русь» в аспектах нравственных идеалов и индивидуального выбора русского человека, а также исторического пути русского народа.

Исходным пунктом герменевтики образа главного героя является его фамилия. Раскольников расколот на два полярных аксиологических начала: «<...> Точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются», — говорит о нём Разумихин. Крещальное имя Раскольникова *Иродион* фонетически совмещает обе стороны его личности (Все цитаты из романа приводятся по изданию: [Достоевский 2002]). Оно созвучно с име-

нем *Ирод* и корнем *род-*, имеющим многочисленные дериваты с мелиоративными ассоциациями и семантикой.

Демоническое начало в Раскольникове доведено до логического предела — до сатанинской гордости и убийства. Второе представлено менее отчетливо, однако текст дает основания говорить о типологических признаках святости героя. Одни из них присутствуют в большей степени (сострадание, бескорыстие, готовность к жертве), другие — в меньшей (вера, покаяние). Вопрос в том, какое из этих начал составляет сущностную сторону личности героя. К. Мочульский приходит к выводу, что «Раскольников — демон, воплотившийся в гуманиста» (Мочульский 1947: 234). Герменевтическая интерпретация текста приводит к другому выводу: герой романа — заблудившийся под влиянием демона «гуманист».

Имманентное, сущностное открывается в спонтанной реакции. Внешнее, наносное есть результат интеллектуальной работы, рефлексии. Первично непосредственное чувство. Рефлексия вторична и может быть результатом случайных факторов. У Раскольникова первой реакцией на проблемы и скорби людей всегда является самоотверженная сострадательность. Лишь потом *теория* подавляет непосредственное проявление его глубинных запросов и стремлений.

Во-вторых, чуждость и как бы даже иноприродность зла в Раскольникове показана целым рядом средств: в минуту просветления Раскольников чувствует: «Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения!»; он узнает, что Елизаветы не будет дома: «<...> всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли; как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественною силой, без возражений»; в момент первого удара топором: «Силы его тут как бы не было»; признавшись Соне, Раскольников говорит: «<...> черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить»; «А старушонку эту черт убил, а не я».

При этом Достоевский нисколько не снимает ответственности со своего героя. Напротив, он полемизирует с популярной идеей «среда заела», о которой упоминает в романе Разумихин. По Достоевскому, не внешние обстоятельства, а внутрличностный конфликт порождает преступление.

В контексте интенционально понимаемой святости и футурально ориентированной «русской идеи» ключом к образу Раскольникова становится мотив пути, который вводится упоминанием Казанской иконы Божией матери, написанной по типу Одигитрия (греч. *Οδηγήτρια*, букв. «Указующая путь, Путеводительница»). Эта икона стоит у матери Раскольнико-

ва в спальне. Когда-то перед ней молился и сам Родя: «Ты лепетал молитвы свои у меня на коленях», — напоминает ему в письме мать. Петербург во время написания романа был разделён на 12 полицейских частей. Раскольников живет в Казанской части, названной по Казанскому собору (Тихомиров 2005: 161). 8 июля, в день празднования Казанской иконы, Раскольников читает материнское письмо и молится у Тучкова моста: «Господи! <...> покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!». Назавтра он совершает преступление. Через несколько дней Раскольников подводит под свое преступление теоретическую базу, развивая перед Порфирием Петровичем и Разумихиным мысль, что нужно устранить людей, мешающих гениям. Дальнейший путь Раскольникова должен стать возвращением к себе, к своей детской вере и в конечном итоге к людям.

В отношении контекстуальной антонимии к слову «путь» вступает слово «поконченный», которым характеризует себя Порфирий Петрович: «Я поконченный человек, больше ничего». Причастие «поконченный» является семантическим дериватом от глагола «покончить» в значении: «2. Положить конец, предел чему-либо, прекратить, оборвать что-либо» (Чернышев, Обнорский, Виноградов 1960). В данном случае реализовано контекстуально обусловленное значение 'не способный уже на большое дело'. Раскольников сильнее Порфирия. Он ниже его в своем настоящем падении и выше его в будущем духовном взлете. И это показывает «проба».

«Пробу» Раскольников мыслит проверкой способности к убийству негодного человека ради блага остальных. В контексте всего романа лексема «проба» получает и другую референцию, связанную с первой как следствие с причиной. Раскольников говорит Соне о своем проекте помощи человечеству: «Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя!» Проба для него — это и проверка способности пострадать за людей. В убийстве парадоксально совмещаются обе референции. Проба удалась, поскольку Раскольников смог переступить нравственный закон в себе и, убив, пострадать нравственно и телесно за людей. Парадоксальным образом она удалась и по другой причине: через нее совесть и жизненные обстоятельства привели героя к Богу.

Порфирий Петрович, глубже всех понимающий Раскольникова, спрашивает: «Ну что ж, что вы в другой разряд людей перейдете?» Слово-сочетание «другой разряд» обычно воспринимается как оппозиция к разряду избранных, «право имеющих». Но можно полагать, что речь идет не о разряде «тварей дрожащих». В романе два разряда избранных: «властелины (наполеоны)» и «чистые» (из последнего сна Раскольникова). Будущий

«ссылно-каторжный второго разряда» Родион Раскольников потенциально принадлежит к «чистым».

После аттестации себя «поконченным» Порфирий дает намек на избранничество своего собеседника, добавляя: «А вы — другая статья». Чуть позже следователь говорит о потенциальной святости вполне эксплицитно: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем». У лексемы «солнце» в русской культуре устойчивые ассоциативно-метафорические связи: «солнце правды» (Христос), «солнце Земли Русской» (Александр Невский), «солнце русской поэзии» (Пушкин). По своим духовным задаткам Раскольников принадлежит к людям, которым много дано и с которых много спросится. Следует согласиться с О. И. Сыромятниковым в том, что Достоевский в образе своего героя утверждает статус человека как образа Божия (Сыромятников 2008: 287). Добавим, что эти аллюзии указывают на духовный потенциал Раскольникова, имеющего *талант сказать в среде своей новое слово*, как он сам говорит о превратно им понимаемом «высшем» разряде.

В черновых набросках романа потенциальная святость Раскольникова более репрезентативна. Под грифом «капитальное» стоят его слова Со-не: «Да разве я не люблю, коль такой ужас решился взять на себя? Что чужая-то кровь, а не своя? Да разве бы не отдал я всю мою кровь, если б надо?» Он задумался. «Перед Богом, меня видящим, и перед моей совестью здесь сам с собою говоря, говорю: я б отдал» (Достоевский 1973: 195).

Некоторые исследователи считают счастливый эпилог искусственным и написанным Достоевским исключительно из желания угодить общественному мнению или мнению отдельных групп: «Роман кончается туманным предсказанием “обновления” героя. Оно обещано, но не показано. Мы слишком хорошо знаем Раскольникова, чтобы поверить в эту “благочестивую ложь”» (Мочульский 1947: 255). Однако целостное развитие образа главного героя указывает на необходимость иной интерпретативной оценки эпилога.

Раскольников любил останавливаться на Николаевском мосту и смотреть на городскую панораму. При этом «духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина...». Выражение «духом немым и глухим» отсылает к евангельскому эпизоду исцеления бесноватого: «Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него» (Мк. 9:25). Не столько Петербург заражен этим духом, сколько сам Раскольников: «<...> Все было глухо и мертво, как камни, по которым он ступал, для него мертво, для него одного». В этой евангельской интертекстеме содержится ключевая герменевтическая проблема образа Раскольникова.

Николаевский мост, расположенный между Васильевским островом и Благовещенской площадью, до 1855 года носил название Благовещенского. Стоя на Николаевском мосту и смотря на сияющий купол Исаакиевского собора, Раскольников дважды в притчевой форме получает благовестие о своем исцелении, но, одержимый «духом немым и глухим», не может его услышать. Сначала Раскольников словно бы возносится над землей: «В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами, показалось ему теперь все это прежнее прошлое... Казалось, он улетал куда-то вверх и все исчезало в глазах его...». Затем купеческая дочь под «зеленым зонтом» подает Раскольникову «ради Христа» двугривенный. Т. А. Касаткина отметила символичность зеленого зонта, связав его с кладбищенским храмом с зеленым куполом, куда в детстве ходил с родителями Родя, и с зеленым платком Сони (Касаткина 2004: 323). Зеленые купол, зонт и платок, действительно, складываются в цепочку маркеров, указывающих на источники спасения Раскольникова. Однако важно то, что зеленый цвет символизирует в православии Святой Дух, а храмы с зелеными куполами чаще всего освящены в честь Святой Троицы, Которая есть символ неразрывного единства и взаимной любви.

Раскольников не придает значения своему «вознесению» и выбрасывает милостыню. С учетом того, что ему очень нужны деньги, жест явно символический. Приняв монету, он «пристально поглядел» на нее. На аверсе монет того времени изображался российский герб, в центре которого святой Георгий поражает копьём змея. На обеих сторонах фигурировала увенчанная Крестом Корона Российской империи. Вероятно, именно священная атрибутика воспринимается Раскольниковым болезненно. Он бросает монету в Неву, как бы демонстративно отказываясь от креста и Христа. А затем вместо того, чтобы прямо пойти домой, он бессознательно делает крюк и оказывается в средоточии значных мест — на Сенной площади. Точно так же 8-го июля он не смог услышать отклика на свою молитву у Тучкова моста, построенного на деньги купца Авраама Тучкова, «закадровое» имя которого делает мост символом перехода к праведной жизни. В Петербурге Раскольников не нашел для этого сил.

Действие романа происходит в июле 1865 года. Эпилог переносит действие в 1867-й: «Со дня преступления его прошло почти полтора года». Пасха в 1867 г. пришлась на 16 апреля (все даты приводятся по старому стилю), а 8-го апреля, в именины Раскольникова (день памяти апостола от 70-ти Иродиона), была Лазарева суббота, что, конечно, неслучайно в контексте связи образа героя с притчей о четверодневном Лазаре. Раскольников находился в госпитале весь конец поста и Святую, а на второй неделе после Святой к воротам госпиталя приходит Соня. Лексема «Святая» в

языке XIX в. имела значения «Пасха» и «Святая (Пасхальная, Светлая) неделя» — неделя после Пасхи. Винительный падеж («святую») и контекстуальное окружение порождают неустранимую двусмысленность. Однако временной масштаб фразы Достоевского заставляет предполагать, что Святой здесь названа не Пасха, а Светлая седмица. После обозначения продолжительного срока (конец поста) в сочинительной конструкции естественнее выглядит соизмеримый ему временной отрезок, а не один день. Это же значение должно быть и в предложно-падежной форме «после Святой»: маловероятно, что Достоевский допустил различную референциальную отнесенность во взаимоподобных и неоднозначно прочитываемых случаях. Идентификация второй недели «после Святой» как «Фоминой недели» (Тихомиров 2005: 438) представляется менее предпочтительной.

Уточненная датировка открывает новые исследовательские перспективы: в неверии Раскольникова нет скепсиса апостола Фомы по отношению к предлагаемой информации. Скорее, он страдает неверием отца отрока, исцеленного от «духа глухого и немого»: «Верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:24). Раскольников молится, Порфирию Петровичу отвечает, что верит в воскресение Лазаря, но в то же время говорит Соне: «Да, может, и Бога-то совсем нет».

Если отнести название «Святой» к Светлой седмице, то второй неделей после нее будет неделя, следующая за днем жен-мироносиц (второе воскресенье после Пасхи). Следовательно, Соня, приходящая под окна госпиталя на второй неделе «после Святой», уподобляется в романе евангельской мироносице. В остроге духовная болезнь Раскольникова усугубляется: он «несловоохотлив, молчит по целым дням» и наконец, заболев «от уязвленной гордости», оказывается на больничной койке. И вот из окна он видит Соню: «Она стояла и как бы чего-то ждала. Что-то как бы пронзило в ту минуту его сердце...». Двукратное, предельно компактное использование неопределенного местоимения «что-то» с союзом «как бы» наталкивает на мысль о тождестве референта данного местоимения. Ожидание Соней «чего-то» и «что-то», пронзившее Раскольникова, должны описывать одно и то же чувство. В описании момента «воскресения» Раскольникова конструкция «что-то» с союзом «как бы» дублируется: «Вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам». Не остается сомнений, что любовь Раскольникова чувствует уже в госпитале; выходит же он оттуда отчасти выздоровевшим и в духовном отношении.

Два дня Соня не появляется. Дальнейшая темпоральная лексика не дает возможности точно установить хронологию: «наконец» Раскольникова выписали, и в остроге он узнает, что Соня заболела; «скоро» становится известно, что болезнь ее неопасна; Соня сообщает, что «скоро, очень ско-

ро, придет повидаться с ним на работу». Таким образом, решающая встреча Раскольников с Соней и начало его преображения происходят никак не раньше четвертой недели Пятидесятницы. Обращает на себя внимание почти дословное совпадение записки Сони со словами молитвы из утреннего правила: «предвари скоро, скоро, погибохъ». Далее следует обещание Богу «поработати (Ему) без лености тощно, якоже поработахъ прежде сатане лъстивому». Косвенным признаком сознательной апелляции Достоевского к тексту молитвы является невынужденная запятая после словосочетания «очень скоро». В молитве ее необходимость обусловлена грамматически: аорист «погибохъ» не сочетается с наречием времени «скоро». Во фразе Достоевского запятая может быть опущена без изменения смысла.

Раскольников «отправился на работу» в сарай «ранним утром, часов в шесть». В этом высказывании содержится имплицитная перекличка с Евангелием о женах-мироносицах: «По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб» (Мф. 28:1). Достоевский синтезирует романное время, сводя в одну временную точку несколько евангельских событий, и фокусирует в образе Сони проекции двух евангельских Марий: Марии Магдалины, изображаемой преданием бывшей блудницей, и Богородицы, которую авторитетный экзегет Феофилакт Болгарский видит в «другой Марии». (О богородичных чертах в образе Сони Мармеладовой см.: [Касаткина 2004: 228 и далее]). Хотя арестанты пришли с конвойными, Достоевский пишет, что Раскольников отправился на работу, подчеркивая его свободное волеизъявление поработати Богу, заново поверить в Которого ему еще только предстоит. Как мироносицы приходят к пустому гробу, так и Соня не застаёт Раскольникова в сарае. После госпиталя Раскольников уже не мертв, хотя еще и не вполне жив. Он выходит из сарая на берег, и здесь Соня способствует его второму рождению.

«Апокалиптический», как его нередко называют, сон Раскольникова апокалиптического содержания не несет. Во сне изображается состояние общества не перед «концом света», а перед появлением «избранных» людей и воцарением «новой жизни»: «Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса». В людях из последнего сна Раскольникова представлены обе ипостаси его личности: данная (демоническая) и заданная (святая). Он один из зараженных трихинами безумцев, у каждого из которых своя правда. Но он и тот избранный, которым обновится земля. Смысл плеонастического выражения

«слова и голоса», выглядящего логической аномалией, скрыт в библейском интертексте.

На Николаевском мосту Раскольников не расслышал благовестия. Теперь он смотрит на «широкую и пустынную реку» (Иртыш), за которой словно бы остановилось время «Авраама и стад его». В этой сцене возникает аксиологическая диада «Петербург (камень, смерть) vs степь (природа, жизнь)», распадающаяся на ряд частных оппозиций: Петербург (греч. *πέτρος* 'камень') vs степь; каменные дома, каменные берега Невы vs деревянные сарай и бревна на берегу Иртыша; каменный «Исаак» vs время Авраама; каменный мост vs значимое отсутствие знака. Отсутствием моста показано, что переход совершается не столько человеческими усилиями, сколько благодатью Божией, доступной только верующему сердцу.

В данных оппозициях не только «каморка» Раскольникова, но и весь Петербург предстает его каменным гробом, из которого он путем греха и нравственных и телесных наказаний-страданий последовательно выходит сначала в острог («на свободу»), потом в госпиталь (где его пронзает любовь к Соне), а затем на «высокий берег» Иртыша. «Вознесение» на Николаевском мосту не было началом преобразования: оно лишь определило возможность такового в будущем. Настоящее «вознесение»-преобразование героя совершается в ссылке — тогда, когда Раскольников внутренне готов к нему. Он сидит на «высоком берегу», и в открывающейся перед ним картине нет места «духу немому и глухому: мысль его переходила в грезы, в созерцание». За рекой слышится песня и простирается солнечная степь: «Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних». Раскольников в Петербурге жаждал свободы и власти; он обрел эти сокровища в ссылке — в христианском, нравственном, освобожденном от демонической теории прочтении. Достоевский, видевший в православии религию свободы и смирения, ставит своего героя напротив Авраама — «отца всех верующих» (Рим. 4:11). Авраам ждет возвращения блудного сына в зеленеющей степи, на противоположной стороне границы между добром и злом. «Вознесение» над Невой показало Раскольникову его прошлое, «вознесение» же над Иртышом — его будущее, свободную жизнь верующего человека, умеющего властвовать над своими страстями.

Отказ Раскольникова от милостыни, протянутой из-под зеленого зонта, становится отказом от замены подачкой-подаванием решения проблемы несправедливого общественного устройства. Вместе с тем зонт в качестве иконического субститута церковного купола уподобляется паллиативной мере подавания. Раскольников нуждается не в материальной помощи: на берегу он припадает к ногам Сони, зеленый платок которой становится символом его нового рождения — во Христе. Для осуществления

этого рождения Раскольников должен избавиться от «духа немого» и обрести голос покаяния: «Поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: «Я убил!» Тогда Бог опять тебе жизни пошлет», — определяет этот путь Соня.

На берегу Иртыша происходит исцеление Раскольникова от одержимости «духом немым». Результат исцеления обнаруживается сразу же: «В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково». Характеристика «бывшие», как и появившаяся способность полноценно общаться с каторжными ясно указывает на то, что и внутренний его раскол (сердца с разумом, совести с рассудком), и внешний (с окружающими его «ближними») героем преодолен. Слово «показалось» здесь, видимо, призвано указать на неправдоподобие случившейся перемены в глазах Раскольникова: он как будто не может поверить в произошедшее чудо.

Если в одержимости «духом немым и глухим» выражен предел коммуникативной изолированности, то в наитии Святого Духа коммуникативные возможности представлены расширенными до бесконечности. Полюбив Соню и вернувшись к людям, Раскольников прошел лишь половину пути. Ему осталось принять ее веру, освободившись от духовной глухоты (Ср.: «...Вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10:17)). Знаменательно, что в этот же день Раскольников достает из-под подушки Евангелие, в которое пока так и не заглянул. С 4-й по 5-ю среды Пятидесятницы длится праздник Преполовения, отмечаемый на 25-й день после Пасхи. Его ведущей литургической темой служит призыв ко Христу. Хронология событий допускает, что исцеление главного героя происходит именно в дни празднования Преполовения, в преддверии Вознесения (40-й день после Пасхи) и Троицы, предуказанной храмом с зеленым куполом.

Раскольников еще в Петербурге поклонился Соне в ноги как олицетворению человеческого страдания: «Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился». Точно так же старец Зосима неожиданно кланяется в ноги Дмитрию Карамазову, а на следующий день поясняет Алеше: «Я вчера великому будущему страданию его поклонился». Случайна ли дословная перекличка? Достоевский говорит, что Раскольникову надо будет заплатить за свое спасение «великим, будущим подвигом, что могло бы составить тему нового рассказа». Рассматривая творчество писателя как единый метатекст, можно полагать, что в образе старца Зосимы выведен намеченный уже в первом романе «великого пятикнижия» тип святого, отдавшего себя служению Христу и людям.

Можно утверждать, что в эпилоге романа ясно обозначено начало пути Родиона Раскольникова к той безграничной вере в Христа и к тому великому смирению, которые уже достигнуты Соней Мармеладовой. Смирившись и уверовав, герой — уже за пределами рассказанной Достоевским истории — получит «иной язык» — голос, которым будет провозвещено в среде русской интеллигенции новое слово — идеалы «Святой Руси».

4. Заключение

Герменевтическая интерпретация образа Раскольникова учитывает биографические, культурно-исторические и мировоззренческие аспекты творчества Достоевского. Переживший искусства интеллигентского рационализма и революционных теорий, впитавший тяжкий опыт телесных и нравственных страданий и радость духовных прозрений, писатель приходит к вере в идеалы русского народа, в возможность исполнения им высокой всемирно-братской миссии в своем государственно-историческом бытии. Сходным образом, он проводит своего героя через бездну «теоретического» соблазна, внутреннего раскола и каторжных страданий, обнаруживая в нем силы, которые способны стать источником преобразования его души и жизни на новых началах. Образ Раскольникова оказывается «заряжен» смысловыми импульсами идеи «Святой Руси» и в плане индивидуального преобразования — обретения пути к святости, и в плане общего обращения современной писателю России к мессианскому служению и братской любви во Христе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00310. The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00310.

Список литературы / References

- Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом. М.: ЭКСМО, 2002. [*Dostoevsky, Fyodor M. (2002) Prestuplenie i nakazanie: Roman v shesti chastyah s epilogom (Crime and Punishment: a Novel In Six Parts With an Epilogue). Moscow: EKSMO. (In Russian)*].
- Достоевский Ф. М.* О любви к народу. Необходимый контракт с народом // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972–1990. Т. 22, 1981. С. 42–45. [*Dostoevsky, Fyodor M. (1981) O l'ubvi k narodu. Neobkhodimy kontrakt s narodom (On Love for People. Necessary Agreement with People). In Dostoevsky, Fyodor M. Polnoye sobranie sochineniy (Complete Collection of Works): in 30 vols. Leningrad: Nauka. Leningr. otd., 1972–1990, Vol. 22, 42–45. (In Russian)*].
- Достоевский Ф. М.* Мужик Марей // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 22, 1981. С. 46–50. [*Dostoevsky, Fyodor M. (1981) Muzhik Marei (The Lad Marei). In Dostoevsky, Fedor M. Polnoye sobranie sochineniy (Complete*

- Collection of Works): in 30 vols. Leningrad: Nauka, 1972–1990, Vol. 22, 46–50. (In Russian)].
- Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание: Рукописные редакции // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. 1973. [Dostoevsky, Fyodor M. (1973) *Prestuplenie i nakazanie: Rukopisnyje redaktsii* (Crime and Punishment: Manuscripts). In Dostoevsky, Fyodor M. *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Collection of Work): in 30 vols, Vol. 7. (In Russian)].
- Достоевский Ф. М.* Ряд статей о русской литературе // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 18. 1978. С. 41–103. [Dostoevsky, Fyodor M. (1978) *Ryad statej o russkoj literature* (A Series Papers on Russian Literature). In Dostoyevskiy, Fedor M. *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Collection of Works): in 30 vols. Leningrad: Nauka, 1972–1990. Vol. 18, 41–103. (In Russian)].
- Касаткина Т. А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. [Kasatkina, Tatiana A. (2004) *O tvor'ashhei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F. M. Dostoevskogo kak osnova «realizma v vysshem smysle»* (About the Creative Power of a Word. The Ontological Meaning of a Word as the Basis of 'Realism in the Higher Perspective' in F. M. Dostoyevsky's Works). Moscow: IMLI RAN. (In Russian)].
- Касаткина Т. А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. [Kasatkina, Tatiana A. (2015) *Sv'ashhennoye v povsednevnom: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniyah F. M. Dostoevskogo* (Sacred in Profane: Two-part Images in F. M. Dostoyevsky's Works). Moscow: IMLI RAN. (In Russian)].
- Мочульский К.* Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: YMCA-PRESS, 1947. [Mochul'skiy, Konstantin. (1947) *Dostoevsky. Zhizn' i tvorchestvo* (Dostoevsky. Life and Works). Paris: YMCA-PRESS. (In Russian)].
- Павлов С. Г., Бударagina Е. И.* И. Бродский. «На смерть Жукова»: опыт лингвистической герменевтики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 210–216. [Pavlov, Sergey G., Budaragina, Elena I. (2020) I. Brodsky. «Na smert' Zhukova»: opyt lingvisticheskoi germenevtiki (I. Brodsky's 'To Zhukov's Death': Experience of Linguistic Hermeneutics). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 4, 210–216. (In Russian)].
- Павлов С. Г.* А. Ахматова. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»: опыт лингвистической герменевтики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21, № 2. С. 70–80. [Pavlov, Sergei G. (2021) A. Akhmatova. «Dvadtsat' pervoye. Noch. Ponedel'nik...»: opyt lingvisticheskoi germenevtiki (A. Akhmatova's 'The Twenty First. Night. Monday...': Experience of Linguistic Hermeneutics). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nyie nauki, Vol. 21, 2, 70–80. (In Russian)]. DOI: 10.37482/2687-1505-V089.
- Сильвестроне С.* Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб.: Академический проект, 2001. [Sil'vestrone, S. (2001) *Bibleiskkiye i sv'atootecheskkiye istochniki romanov Dostoevskogo* (The Bible and Works of Russian Saints as Sources of Dostoevsky's Novels). Saint Petersburg: Akademicheskij projekt. (In Russian)].
- Сыромятников О. И.* Православие в художественном мире романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Нижегородского университета им.

- Н. И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 283–289. [Syrom'atnikov, Oleg I. (2008) Pravoslaviye v hudozhestvennom mire romana F. M. Dostoyevskogo «Prestuplenie i nakazanie» (Orthodoxy in the Artistic World of F. M. Dostoevsky's Novel 'Crime and Punishment'). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6, 283–289. (In Russian)].
- Сыром'ятников О. И. Поэтика русской идеи в великом пятикнижии Ф. М. Достоевского. Монография. СПб.: Маматов, 2014. [Syrom'atnikov, Oleg I. (2014) *Poetika russkoi idei v velikom p'atknizhii F. M. Dostoyevskogo. Monografiya* (The Poetics of Russian Idea in F. M. Dostoevsky's Five Great Novels). Saint Petersburg: Mamatov. (In Russian)].
- Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. [Tikhomirov, Boris N. (2005) 'Lazar'! gr'adi von'. Roman F. M. Dostoyevskogo 'Prestuplenie i nakazanie' v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy ('Lazarus, come out!' F. M. Dostoyevsky's Novel Crime and Punishment in Modern Interpretation: Book of Commentary). Saint Petersburg: Serebrjanyj vek. (In Russian)].
- Фридлиндер Г. М. Примечания // Собрание сочинений: в 15 томах. Т. 5. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. [Fridlender, Georgiy M. (1989) Primechaniya. In Dostoyevsky, Fyodor M. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works): in 15 vols. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdeleniye, Vol. 5. (In Russian)].
- Чернышев В. И., Обнорский С. П., Виноградов В. В. (и др.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 10: По–поясочек. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 1774 стб. [Chernyshev, Vasily I., Obnorsky, Sergei P., Vinogradov, Viktor V. (and others). (1960) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* (Dictionary of the Contemporary Russian Language): in 17 vols. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Vol. 10: Po–pojasochek, 1774 stb. (In Russian)].
- Appolonio, Carol. (2009) *Dostoevsky's Religion: Words, Images, and the Seed of Charity*. Dostoevsky Studies. New Series, Vol. XIII, 23–35.
- Bercken, Wil van den. (2011) Christian Themes in 'Crime and Punishment'. In Bercken, Wil van den. *Christian Fiction and Religious Realism in the Novels of Dostoevsky*. London; New York; Delhi: Anthem Press, 23–32.
- Berry, Thomas. (1989) Dostoyevsky and St Tikhon Zadonsky. *New Zealand Slavonic Journal*, 67–72.
- Givens, John. (2011) *A Narrow Escape into Faith? Dostoevsky's 'Idiot' and the Christology of Comedy*. Russian Review, Issue 70 (1), 95–117.
- Hudspith, Sarah. (2003) *Dostoevsky and the Idea of Russianness. A New Perspective on Unity and Brotherhood*. London: Routledge.
- Sanz, Sara G. (2017) Dostoevsky and the religious experience. An analysis of 'The Possessed'. *Church, Communication and Culture*, Vol. 2, Issue 3: Special Issue on Dostoevsky, 292–299.

УДК 811.112.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-58-76

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ У. ШТУМПФ „KRÄUTER: GEFÄHRTEN AM WEGESRAND“) И ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЕЮ НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Е. П. Привалова

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Предметом настоящей статьи являются аспекты лингвокультурологической поэтики немецкого научно-популярного текста, формирующие национально-культурную специфику текста и влияющие на процесс перевода текста на русский язык. Научно-популярный текст, являясь особым гибридным образованием, отличается насыщенностью включенных в него типов текста, присутствием интертекста, использованием широкого спектра лексико-стилистических средств. Научно-популярный текст создает особое информационное пространство, в котором значительное место отводится национально-культурной специфике. В статье представлены результаты лингвостилистического и лингвокультурологического анализа немецкого научно-популярного труда по ботанике У. Штумпф *Kräuter: Gefährten am Wegesrand*. Особенность данной сферы знаний, а именно знаний о травах, опирающейся на открытия древних исследователей и авторов, а также во многом основанной как на народных знаниях, так и на личном опыте автора обуславливает наиболее яркую выраженность лингвокультурологической поэтики такого текста. На лексическом уровне лингвокультурологическая специфика наиболее ярко проявляется в номинациях растений — фитонимах, представляющих интерес с точки зрения этимологии, образуемых ими синонимических рядов, а также формируемых ими лакун, выявляемых в процессе перевода. Находясь на стыке научного, публицистического и художественного текстов, научно-популярный текст обладает особенностями данных стилей, что также обуславливает насыщенность лингвокультурологической поэтики текста. В статье приводится перевод контекстов на русский язык, в том числе, с целью демонстрации задач и трудностей, с которыми сталкивается переводчик при переводе научно-популярного текста с учетом его национально-культурной специфики.

Результаты исследования могут использоваться как в практике преподавания немецкого языка как иностранного, так и в курсах по письменному переводу на всех уровнях общего и профессионального образования, при создании учебных пособий, тематических словарей, глоссариев по теме «ботаника».

Ключевые слова: научно-популярный текст; лингвокультурологическая поэтика; фитоним; интертекст; лакуна.

Linguistic and Cultural Poetics of German Popular Science Texts (based on U. Stumpf's "Kräuter: Gefährten am Wegesrand") and Resultant Translation Challenges

Elena P. Privalova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

The article examines several aspects of linguistic and cultural poetics of German popular science texts, which in many ways shape national and cultural specifics of such texts and thus influence the process of translating them into Russian. As a distinct hybrid, popular science texts are characterized by high information density, intertextuality, and a wide range of vocabulary and style. Popular science texts create a special information space in which national and cultural specifics play a significant role. The article presents the results of the linguistic, stylistic, and cultural analysis of the German popular science work on botany by W. Stumpf "Kräuter: Gefährten am Wegesrand." The strongly marked linguistic and cultural poetics of this text is largely determined by the peculiarity of botany as a field of knowledge: namely the knowledge of herbs, based on discoveries of ancient botanists, on folk knowledge, and on the personal experience of the author. At the lexical level, the linguo-cultural specifics are most clearly manifested in the nominations of plants: etymologically interesting phytonyms, their synonymic chains, and lexical gaps identified in the translation process. As a cross between scientific, journalistic, and literary texts, popular science texts display features of all these styles, which also determines the density of their linguistic and cultural poetics. The article provides a translation of several passages into Russian in order to demonstrate some of the challenges in translating popular science texts while taking into account their national and cultural specifics.

The results of the study can be used both in teaching German as a foreign language and in translation courses at all levels of general and professional education as well as in developing textbooks, thematic dictionaries, and botanical glossaries.

Key words: popular science text; linguistic and cultural poetics; phytonym; intertextuality; lexical gap.

1. Введение

В толковании понятия «лингвокультурологическая поэтика» мы опираемся на исследования Н. В. Крицкой в области поэтики, которая выделяет данный тип поэтики наряду с литературоведческой, лингвистической, семиотической и психопоэтикой, определяя лингвокультурологическую поэтику текста как «область научного познания, в рамках которой изучается совокупность языковых и стилистических особенностей, а также тропов и фигур, ритма, свойственных речи поэта, в их тесной связи с культурой народа» (Крицкая 2015: 165). Функция лингвокультурологической поэтики заключается в том, что она «учит правильно понимать смысл текста, включая его в систему ценностно-культурных ориентиров нации; она толкует не просто значения слов, из которых состоит текст, но художественное значение всего текста...» (Данич, Крицкая 2018: 62). Утверждение Н. В. Крицкой о

том, что «для адекватного восприятия художественного текста важно, чтобы реципиент владел определенным объемом культурного фонда, так как именно на знаниях из сферы культурного фонда строит свое общение с читателем автор художественного произведения» (Крицкая 2015: 164), оказывается актуальным и в отношении научно-популярного текста.

Научно-популярный текст является сложным образованием с неопределенным окончательно статусом. А. Ю. Киселев, рассуждая о научно-популярном дискурсе, определяет его как гибридное образование, сформированное «интерференцией собственно научного и публицистического типов дискурса» (Киселев 2012: 4).

О. С. Муранова, исследуя реализацию языковой картины мира в научно-популярных текстах, выделяет следующие текстовые категории, обладающие наибольшей релевантностью для текста научно-популярной статьи: категории информативности, адресованности, эмотивности, позиции автора, модальности и интертекстуальности (Муранова 2009: 5). Реализация перечисленных категорий обусловлена разнообразием функций, которые выполняет научно-популярный текст, а именно: информативная, аргументирующая, оценочная, интригующая функции, функция убеждения и т. д.) (Муранова 2009: 6).

Л. Г. Хакимова отмечает одновременное сближение научно-популярного текста с научным и с художественным: «Содержание научно-популярных произведений, с одной стороны, позволяет констатировать их сходство с чисто научной литературой (по объекту информации и точности передачи научных данных), а с другой стороны — с художественной литературой, представляющей окружающий мир через призму индивидуального авторского восприятия и его эмоциональных состояний» (Хакимова 1993: 8). Согласно Л. Г. Хакимовой, научно-популярная литература сближается к художественной литературой и отдаляется от научной по типу аудитории читателей: в то время как научная литература «обслуживает относительно однородную группу читателей, характеризующуюся примерно одинаковым уровнем знаний», то есть предназначена для узкого круга специалистов, научно-популярная литература не знает ограничений аудитории и предназначена для широкого круга читателей (Там же).

Для анализа, проводимого в настоящей статье, актуальны следующие приводимые Л. Г. Хакимовой приемы изложения, применяемые автором научно-популярного текста: приемы научного изложения, так как автор является «носителем нового научного знания», придающие тексту «научность, объективность, достоверность и точность»; приемы художественного изложения, «так как он представляет эти знания не в

сухой безэмоциональной форме, свойственной языку науки, а пропускает его через себя, заражая читателей своим интересом к предмету изложения, и использует при этом средства образности и эмоциональности», что способствует созданию «образности, иллюстративности и занимательности»; приемы газетно-публицистического изложения, отвечающие «задачи формирования у массовой читательской аудитории зрелой гражданской позиции и нравственных идеалов» и обуславливающие возникновение таких стилевых черт, как «доступность, субъективность, эмоциональность». Путем обращения к разговорному стилю автор научно-популярного текста создает особую атмосферу общения путем внесения в нее «элементов неофициальности, непосредственности, интимности» (Хакимова 1993: 8–10). При этом особую роль играет авторитет автора в глазах читателя: читатель научно-популярного текста должен доверять изложенным в тексте фактам. М. Навратил говорит о «двойном авторитете автора на стыке художественного вымысла и фактов» (Navratil 2021: 165).

В трактовке научно-популярного текста нам близко определение, предложенное Л. Г. Хакимовой, согласно которому «научно-популярная литература представляет собой бессюжетные литературные произведения, предметом описания которых является наука» (Хакимова 1993: 10). К этому определению приближается и трактовка научно-популярного произведения (*Sachbuch*) в немецкой традиции. Обобщая различные толкования понятия *Sachbuch*, У. Дидерихс отмечает, что *Sachbuch* занимает характерное место именно среди литературных произведений, предлагая, с одной стороны, надежную фактическую информацию заинтересованным в определенной сфере читателям и, с другой стороны, формируя определенные установки и критический взгляд на объект, что свидетельствует о потенциале многообразного, «мультивалентного» применения *Sachbuch* (Diederichs 2010: 24–27).

О взаимовлиянии естественно-научного и художественного текстов рассуждают в своей статье П. Пабиш и Х.-Г. Ролофф (Pabisch, Roloff 2020: 273).

В настоящей статье впервые проводится подробный анализ немецкого научно-популярного произведения с точки зрения лингвокультурологической специфики текста.

2. Лингвокультурологическая поэтика в произведении У. Штумпф „Kräuter: Gefährten am Wegesrand“ / «Травы: спутники с обочины»

2.1. Общая характеристика исследуемого произведения и методы исследования

Книга У. Штумпф *Kräuter: Gefährten am Wegesrand* представляет собой один из томов в серии издательства Kosmos Verlag, объединённой заголовком *Naturzeit*, и посвящена дикорастущим травам. Книга разделена на главы, предметом описания каждой из которых служит отдельное дикорастущее растение. Интересен принцип расположения глав в книге: растения систематизированы не по алфавиту, как принято располагать информацию в справочниках для облегчения поиска необходимого раздела, а по времени начала цветения, что усиливает присутствие в тексте личности автора: начало цветения определено самим автором путем его наблюдений за природой, и в своей книге автор приглашает читателя на воображаемую прогулку, цель которой — исследование мира дикорастущих трав. Таким образом, в повествовании создается особая атмосфера интимности и доверительных отношений.

В качестве заголовков глав используется немецкое название растения, в роли подзаголовка — его латинское соответствие (например: *Huflattich. Tussilago farfara; Grosser Sauerampfer. Rumex acetosa*).

Каждая глава имеет схожее строение: она начинается с общей информации о растении, представляющей собой художественное описание в сочетании с дневниковыми записями и публицистическими заметками. Далее следует историческая справка и научное описание строения растения и его свойств. В качестве иллюстративного материала приводятся цитаты из трудов ученых, врачей и целителей различных эпох, начиная с древних времен и заканчивая современностью; цитаты из поэтических произведений классиков, воспевающих то или иное растение. Каждая глава сопровождается типичными для работы по ботанике детальными зарисовками растения и его отдельных частей.

Для анализа научно-популярного текста используются основные методы лингвостилистического анализа текста: метод контекстуального анализа, метод системного описания, метод интерпретации текста.

2.2. Анализ признаков различных типов текста, установленных в анализируемом научно-популярном тексте

Анализируемое научно-популярное произведение представляет собой справочник-путеводитель по травам, включающий следующие основные типы текста:

- 1) энциклопедическая статья;

- 2) личный дневник;
- 3) рецепты и рекомендации по применению растения;
- 4) цитаты (здесь рассматриваются как тип текста);
- 5) легенды, притчи;
- 6) поэтическое произведение.

Далее рассмотрим признаки различных типов текста, свойственные тексту анализируемого произведения.

2.2.1. Энциклопедическая статья

Анализируемому произведению свойственны некоторые черты энциклопедической статьи, а именно: описательный характер, объяснение понятий и фактов, объективность и (относительная) нейтральность, высокая надежность предоставляемой информации, наличие иллюстративного материала.

Признаки энциклопедической статьи прослеживаются в описании строения растения и его свойств. В таких разделах текста необходимо отметить наличие:

– ботанической терминологии:

(1) *Die aufrechten Stängel sind manchmal grün, manchmal braunrot überlaufen, je nachdem, wie viel Sonne sie getankt haben. Ihre Blätter sind stark gefiedert und haben spitze Zipfel. Ihre Oberseite ist dunkelgrün und kahl, die Unterseite silbrig-grau behaart. Und hier treffen wir Artemis in dem Beifuß wieder, die Göttin des Mondes zeigt sich in der Farbe ihres Lichtes. Diese silbergraue Blattunterseite haben alte Pflanzen-Astrologen dem Mond zugeordnet, der ja ebenfalls so schön silbrig leuchtet. Die einzelnen Beifuß-Blüten bestehen nur aus Röhrenblüten und sind sehr klein, etwa nur zwei bis drei Millimeter groß...* (Stumpf 2018: 59).

Прямые стебли иногда бывают зеленого, иногда краснокоричневого цвета, в зависимости от количества полученного солнечного света. *Листья многократно перистые, с острыми кончиками. Их верхняя сторона темно-зеленая и голая, нижняя — серебристо-серая опушенная. И вот здесь мы в полыни встречаем Артемиду: богиня луны показывается в своем свете. Эту нижнюю серебристо-серую сторону листа все астрологи-ботаники приписывали луне, которая светится таким же прекрасным серебряным светом. Отдельные цветки полыни состоят только из трубчатых цветков и имеют очень малый размер: от двух до трех миллиметров...* (Здесь и далее перевод наш. — Е. П.);

– медицинской терминологии:

(2) *Löwenzahn überträgt seine Lebenskraft auf jene Menschen, die ihn aprilfrisch zu sich nehmen. Seine Bitterstoffe kurbeln die Verdauungskräfte des Körpers an, unterstützen Magen und Bauchspeicheldrüse, stärken, nähren*

und reinigen die Leber, helfen beim Aufbau neuer Leberzellen, lassen die Galle sprudeln und sorgen für einen aufgeräumten Darm. Nebenbei ersetzt er jede Vitamin- und Mineralstoffpille. Löwenzahn-Wurzeln stabilisieren zudem die Blutzuckerwerte, fangen freie Radikale, helfen bei Viruserkrankungen und senken den Cholesterinspiegel... (Stumpf 2018: 59).

Одуванчик передает жизненную энергию тем людям, которые собирают его в апреле, когда он молод и свеж. Горькие вещества в его составе улучшают процессы пищеварения, способствуют работе желудка и поджелудочной железы, укрепляют, питают и очищают печень, помогают при строительстве новых клеток печени, действует как желчегонное средство, очищают кишечник. Одновременно одуванчик служит источником витаминов и минеральных веществ. Кроме того, корень одуванчика стабилизирует уровень сахара в крови, снижает уровень свободных радикалов, помогает в борьбе с вирусами и способствует снижению уровня холестерина в крови...;

– точной фактической информации:

(3) Auf einer Seereise von Vasco Da Gama nach Indien in den Jahren 1497–1499 starben von 160 Mann Besatzung etwa 100 Mann durch Skorbut (Stumpf 2018: 34).

Во время одной из морских экспедиций Васко да Гамы в Индию в 1497–1499 гг. из 160 человек команды около 100 человек погибли от цинги;

– этимологической информации.

Особенностью распространенных растений, широко используемых в народной практике в качестве лекарственных растений, является наличие у них множества народных номинаций. В анализируемой работе У. Штумпф таким номинациям уделяется пристальное внимание. Автор исследует этимологию народных названий растений, рассматривая ряды фитонимов. Сам термин «фитоним» требует пояснения. С одной стороны, согласно словарному определению, «фитоним» обозначает «название растения» (Варбот, Журавлев 1998). С другой стороны, в научной литературе, посвященной фитонимам, сам термин может использоваться в значении «народной номинации растения». Мы ориентируемся в понимании данного термина на определение, предложенное в диссертации А. М. Летовой: «семантическая общность наименований деревьев, трав, кустарников, цветов, ягод, овощных и иных культур» (Летова 2012: 8). При этом фитоним понимается также как «фольклорное слово» (Летова 2012: 9).

Фитонимы являются важнейшими носителями лингвокультурологической информации, именно в их семантике заключается культурная специфика, обусловленная исторической

спецификой. Фитонимы часто являются уникальными для культуры и, следовательно, приводят к возникновению лакун, вызывая сложности при переводе текстов на другие языки.

Рассуждая об этимологии фитонимов, И. Кранц обращается к такой области знаний, как *literarische Botanik* / «литературная ботаника» (Kranz 2019). Также И. Кранц отмечает типичное для немецкого языка многообразие номинаций растений, обусловленное диалектальными и прочими территориальными факторами. Кроме того, рассуждая о поэтике ботаники, автор подчеркивает потенциал исследований в связи с интересом, который представляют растения для литературоведения и культурологии (Jacobs, Kranz 2017: 85).

В качестве типичного представителя «литературной ботаники» приведем Р. Гебауэр и ее работу, в которой исследование фитонимов (Gebauer 2015) открывает целый пласт лингвокультурологической информации.

С. Жу подходит к этимологии фитонимов с точки зрения когнитивной семантики, предполагая существование способов языковой реализации определенных ментальных концептов независимо от конкретных языков.

Существенную обусловленность номинаций растений культурно-историческими факторами отмечает Ф. Зауэрхофф (Sauerhoff 2001: 24).

О значимости растительных образов для формирования картины мира свидетельствует термин «вегетативный код», который Т. В. Цивьян характеризует как один из кодов, служащих основой для модели мира народа (Цивьян 2006: 44 и далее).

Анализируя концептосферу «Мир растений» как объект лингвистических исследований, П. В. Кропотухина изучает использование растительных образов в различных текстах и дискурсах и отмечает их культурную специфику, а также лингвокультурологический потенциал фитонимов (Кропотухина 2014: 36–37). Ф. Г. Фаткуллина и Г. Г. Кульсарина характеризуют фитонимию как «один из фрагментов фольклорной языковой картины мира», которая «содержит в себе этнокультурную информацию о народном восприятии растительных реалий, их аксиологическом и стереотипном осмыслении (Фаткуллина, Кульсарина 2016: 92).

В статье «О реализации темпорального признака в номинациях лекарственных растений» Е. Л. Кузнецова приводит следующие характеристики, служащие основой для номинации фитонимов: 1) органолептические признаки (особенности строения, свойства); 2) особенности жизненной формы или жизнедеятельности (способность перемещаться, способность виться и т. п.); предназначение (медицинское, бытовое, магическое; воздействие растения на человека, животных) (Кузнецова 2015: 45). Эти и другие характеристики прослеживаются и в немецких номинациях расте-

ний. Приведем примеры:

1. Номинация по органолептическим свойствам.

В главе, посвященной одуванчику, описывается мотивация, лежащая в основе немецких фитонимов *Löwenzahn*, *Pustebblume*, *Mönchplatte*. Далее в тексте дается характеристика еще нескольких номинаций, выступающих в роли синонима фитонима «одуванчик», и уточняется, что в немецком языке существует около 500 народных названий этого растения.

(4) *Wohl alle Menschen kennen diese Pflanze seit ihrer Kindheit und sehen — mit dem magischen Kinderblick — echte Löwenzähne in den gezähnten Pflanzenblättern. Und die Löwenmähne der Blüte ist ja auch nicht zu übersehen...Später im Jahr wandelt sich der Löwenzahn zur Pustebblume.... Kleine und große Kinder übernehmen gern das Pusten. Manchmal befragen sie das Orakel dabei und zählen die Fallschirmchen, die auf dem Blütenboden sitzen geblieben sind. Dann wissen sie, wie viele Jahre sie noch auf den Traumpartner warten müssen, wie viele Kinder sie eines Tages bekommen oder wie viele Jahre sie noch zu leben haben.*

Was nach dem Pusten übrig bleibt, ist eine Mönchsplatte. Ist sie weiß, kommt man in den Himmel, ist sie schwarz, dann muss der Pustende wohl mit einem Umweg über das Fegefeuer rechnen (Stumpf 2018: 55–56).

Пожалуй, это растение знают все люди с детства. В немецком языке одуванчик называется «львиный зуб», и дети, наделенные волшебным взглядом, действительно могут различить львиные зубы в этих зубчатых листиках... Позднее одуванчик превращается в пушок и, пожалуй, он известен большинству людей именно в этой форме. Большие и маленькие дети с удовольствием дуют на цветки. Иногда они при этом гадают и считают парашютики, оставшиеся в цветоложе. Тогда они узнают, сколько лет им предстоит ждать встречи со своей судьбой, сколько детей у них будет и сколько им осталось жить. Если сдуть парашютики, остается «тонзура», как у монаха, или «попова плешь». Если она белая, то попадешь на небо; если черная — нужно рассчитывать на то, что придется заглянуть в чистилище.

Некоторые народные номинации имеют близкие соответствия в других языках, но большинство народных фитонимов являются культурно-специфическими, сосредотачивая в себе целый пласт лингвокультурологической информации. Приведенные народные названия, а также связанные с цветком народные поверья являются культурно-специфическими явлениями и не совпадают с образами и традициями в русской культуре, что вызывает сложности в процессе перевода.

2. Номинация по особенностям жизненной формы, в частности, по месту произрастания.

(5) *Karwendel hieß er damals und verrät damit einen seiner Lieblingswachstumsorte. Wurde das Karwendelgebirge nach ihm benannt oder war es umgekehrt?* (Stumpf 2018: 178).

В то время его называли «карвендель», что свидетельствовало о его излюбленном месте произрастания. Получили ли горы Карвендель свое название по названию растения или наоборот?

3. Номинация по предназначению:

а) медицинскому

(6) *Beinwell verrät mit seinem Namen sofort seine Wirkung: Bein ist das althochdeutsche Wort für Knochen und wallen heißt zusammenheilen* (Stumpf 2018: 55–56).

Немецкое название Beinwell также содержит указание на эффект средства: Bein — это древневерхненемецкое слово, означающее «кость», а wallen в переводе звучит «заживать».

В данном случае речь идет о фитониме «окопник», который в русском языке имеет аналогичное соответствие по медицинскому предназначению — «живокост»;

б) бытовому (Stumpf 2018: 21)

(7) *Und als Butterblätter dienten sie zum Einwickeln und Frischhalten von Butterkugeln.*

Масляным цветком зовут ее [мать-и-мачеху] потому, что в её листья заворачивали для хранения сливочное масло.

2.2.2. Дневниковые записи

Дневниковые записи представляют собой фактически внутреннюю речь рассказчика. Включение их в текст научно-популярного труда способствует сокращению дистанции между автором и читателем, созданию эффекта диалога с читателем, усилению эффекта достоверности описываемого опыта. Кроме того, дневниковые записи как воспоминания носителя немецкого языка и культуры содержат большую концентрацию лингвокультурологической информации. Дневниковые записи сближают научно-популярный текст с художественным по характеру перцепции, в первую очередь, в связи с эмоциями, которые он вызывает у читателя (ср. Wimmer 2014: 58).

В каждой главе анализируемой книги автор обращается к собственным воспоминаниям, делится личным опытом сбора и применения того или иного растения. Таким элементам «дневникового» характера свойственно наличие темпоральных маркеров (*als Kinder haben wir...; die Sommerferien...; im Juni; vor vielen Jahren im Mai; Es war Ende April; am 1. Mai*), пространственных маркеров, топонимов (*in Schleswig-Holstein; an der Nordseeküste; quer durch Deutschland von Kiel nach Konstanz; in Meersburg;*

in Südhessen; ab Baden-Württemberg); наименования валюты (*zehn Pfennig*); использование лексических элементов лексико-семантического поля «воспоминания» (*Die habe ich noch in angenehmer Erinnerung, Sehr gut erinnere ich mich an einen Urlaub*); описание личных ощущений (пример в контексте ниже).

(8) *Sehr gut erinnere ich mich an einen Urlaub, den wir vor vielen Jahren im Mai an der dänischen Nordseeküste verbrachten. Es war dort noch richtig kalt, sogar Schneeflocken fielen vom Himmel... Also gingen wir auf die Wiese und sammelten im kalten Westwind mit klammen Fingern die ersten, winzigen Sauerampfer-Blättchen, die nur wenig aus dem sie umgebenden Gras herausguckten. Einige Hände voll genügten als Zutat für eine wirklich leckere Sahnesoße. Es war zwar etwas mühsam, sie zu putzen und zu waschen und die kleinen Grashalme herauszuklauben, aber niemals wieder hat mir ein Schollen-Gericht so gut geschmeckt wie dieses.* (Stumpf 2018: 33).

Я очень хорошо помню один отпуск в мае, который мы много лет назад проводили на побережье Северного моря. Было ещё холодно, даже шёл снег.... Тогда мы отправились на луг и там на холодном западном ветру окоченевшими пальцами собирали первые листики щавеля, которые только-только выглянули из окружавшей их травы. Нескольких пригоршней оказалось достаточно для приготовления вкуснейшего сметанного соуса. И хотя потребовалось приложить усилия, чтобы почистить и промыть щавель, а ещё отделить маленькие стебли, но зато с тех пор я не ела блюда из камбалы вкуснее этого!

2.2.3. Рецепты и рекомендации по применению

Научно-популярный текст содержит в себе как полные тексты рецептов, так и отдельные выдержки в форме рекомендаций, а также цитируемые рецепты других авторов, древних ученых или современных автору целителей и специалистов по народной медицине. Лингвокультурологическая специфика текста проявляется также в отсылках к упоминанию трав в близких к рецептам заговорных текстах (Топорова 1996; Заговорный текст 2005).

Конкретные указания по приготовлению напитка или отвара (*etwa 15 Minuten lang köcheln lassen*) сопровождаются несвойственными рецепту рекомендациями по его применению (*Diesen Tee können Sie unbedenklich für lange Zeit trinken*), а также оценочными характеристиками полученного продукта, его вкусовых свойств (*Er ist ein wohlschmeckender, trinkbarer Kiesel*) (Stumpf 2018: 31).

Рекомендации по применению могут быть представлены в форме дополнительного комментария:

(9) *Übrigens: Tee, Tinktur oder Shampoo aus oder mit Huflattich beseiti-*

gen Juckreiz und Schuppen nachhaltig (Stumpf 2018: 20).

Кстати: чай, настойка или шампунь, приготовленный с применением мать-и-мачехи, помогает устранить зуд и перхоть на длительный срок.

Рекомендации и рецепты, заимствованные из трудов древних авторов, несут в себе особую культурную специфику и вызывают особенный интерес и доверие читателя:

(10) *Die Huflattich-Blätter halfen schon vielen Generationen vor uns bei Husten jeglicher Art. Schon vor 2.000 Jahren notierte der berühmte Pharmakologe und Militärarzt Dioskurides: „Der Rauch von den angezündeten, gedörrten Blättern durch einen Trichter mit offenem Mund empfangen, heilt den trockenen Husten und den kurzen, schweren Atem, bei welchem der Mensch allein sitzend atmen muss, und er bricht auch durch die Geschwüre der Brust“* (Stumpf 2018: 23).

Листья мать-и-мачехи помогали от разных типов кашля многим поколениям, жившим до нас. Уже 2 тысячи лет назад известный фармаколог и военный врач Диоскурид отмечал: «При сухом кашле и отрывистом тяжелом дыхании вдыхать дым подожженных сушёных листьев через воронку, при этом исключительно сидя. Дым же проникает в грудь даже сквозь язвы».

2.3. Интертекстуальность научно-популярного текста

А. Терне прослеживает взаимосвязь между интертекстуальностью и социальной, коллективной, а также культурной памятью народа (Ternés 2016: 27–28), таким образом обосновывая лингвокультурологическую функцию интертекста.

Анализируемые в дальнейшем типы текста, применяемые в научно-популярном тексте, связаны с использованием приема интертекстуальности. Наиболее часто в тексте используются прямые цитаты из научных и художественных произведений, а также в текст научно-популярного изложения включаются тексты легенд и притчей.

2.3.1. Цитаты

У. Штумпф ссылается на такие авторитетные исторические источники, как труд *Contrafayt Kreuterbuch* Отто Брунфельса (1488–1534), *Kreütter Buch* («Травник») Иеронимуса Бока (1498–1554) и *New Kreuterbuch* («Новый травник») Леонхарта Фукса (1501–1566). При этом цитаты приводятся в оригинале, без перевода на современный немецкий язык, например, приводится цитата из Иеронимуса Бока:

(11) *Die gantz gemein Chamill ist der Doktor Recipe eins, denn ohn dise Blum koennen sie nit viel außrichten. Es ist bei allen menschen kein breuchlicher kraut in der artzney als eben Chamillenblumen, dann sie werden beinah zu*

allen presten (Gebrechen) gebraucht (Stumpf 2018: 175).

«Аптечная ромашка — первый рецепт у докторов, ибо без этого цветка не многое они могут вылечить. Для всех людей нет чаще применяемой травы в лечении, чем ромашка, которую используют почти при всех недугах».

Такие цитаты из исторических источников обладают особой национально-культурной спецификой и придают большую достоверность научно-популярному тексту. Для переводчика такие цитаты представляют собой определенную сложность, так как требуют знаний и навыков в области истории языка.

Цитаты из работ Й. В. фон Гёте открывают читателю великого поэта, важнейшего деятеля немецкой литературы и мыслителя, а также ученого в области естествознания (Goethe 1998). Такие цитаты содержат не только информацию об объекте исследования, но и заключают в себе культурный код немецкой нации:

(12) *„Jede Pflanze verkündet dir nun die ew'gen Gesetze, Jede Blume, sie spricht lauter und lauter mit dir. Aber entzifferst du hier der Göttin heilige Lettern, Überall siehst du sie dann, auch in verändertem Zug“. Johann Wolfgang von Goethe (Stumpf 2018: 17).*

«Каждое растение сообщает тебе вечные законы, Каждый цветок говорит с тобой все громче и громче. Но здесь ты разгадаешь священные знаки богини. Ты будешь видеть их повсюду, даже в другом проявлении». Иоганн Вольфганг фон Гёте.

2.3.2. Легенды, притчи

С растениями, служащими объектом исследования в анализируемом научно-популярном произведении, зачастую связаны такие формы народного творчества, как легенды и притчи, что подчеркивает их значимость для немецкой культуры. Так, например, в книге приводится текст легенды, объясняющий появление на земле одуванчика:

WIE KAM DER LÖWENZAHN AUF DIE ERDE?

(13) *Einer alten Geschichte zufolge war es so: Einst bewohnten der Sonnenmann und die Mondenfrau mit ihren Sternenkindern das ganze unendlich große Firmament. Doch leider hielt die Liebe nicht ewig (aber das ist eine andere Geschichte ...) und die beiden trennten sich... Ihre Mutter konnte sie lediglich in Blumen verwandeln, die sich in der Erde fest verwurzelten.*

Und so stehen sie bis heute auf den Wiesen, kleine, goldgelb leuchtende Blütensonnen, die ihrem Vater ähnlich sehen. Wenn die Samen reif sind, zeigt sich die Ähnlichkeit mit ihrer Mondenmutter in der silberweißen Kugel ihrer Samen. Und wenn die gereift sind, löst sie ein Windstoß und trägt sie wie weiße

zarte Sternchen zurück in den Himmel (Stumpf 2018: 56).

КАК ОДУВАНЧИК ПОПАЛ НА ЗЕМЛЮ?

Согласно одной древней истории, дело было так: однажды на бескрайнем поднебесье жили отец-солнце и мать-луна со своими детьми-звездами. К сожалению, любовь оказалась не вечна (но это другая история...), и они расстались. Их мать смогла только превратить их в цветы, которые пустили корни на земле. Там они и растут до сих пор на лугах — маленькие, яркие золотисто-желтые цветочки-солнышки, похожие на своего отца. Когда семена созревают, они становятся похожи на свою мать-луну серебристо-белыми шариками. Созревшие семена срывает порыв ветра и уносит их, словно нежные белые звездочки, обратно в небо.

2.3.3. Поэтические произведения

Полное или частичное включение в текст научно-популярного текста поэтических произведений с указанием их авторов представляет собой случаи эксплицитного использования приема интертекстуальности. Использование художественного поэтического слова, объектом которого становится растение, позволяет образно подчеркнуть те или иные свойства растения, а также, безусловно, свидетельствует о национально-культурной значимости растения.

(14) *Arm Kräutlein*

*Ein Sauerampfer auf dem Damm
Stand zwischen Bahngleisen,
Machte vor jedem D-Zug stramm,
Sah viele Menschen reisen
Und stand verstaubt, und schluckte
Qualm
Schwindsüchtig und verloren,
Ein armes Kraut, ein schwacher Halm,
Mit Augen, Herz und Ohren.
Sah Züge schwinden, Züge nahn.
Der arme Sauerampfer
Sah Eisenbahn um Eisenbahn
Sah niemals einen Dampfer.
Joachim Ringelnatz
(Stumpf 2018: 39)*

Бедная травинка

*Щавель стоял на насыпи
Меж двух полотен,
Людей и скорых поездов
Видал он много сотен.
Потерянный, вдыхал он чад,
Кружилась голова,
Бедняга, слабая травинка,
Он выстоял едва.
Мелькали мимо поезда,
Стоял щавель в пыли.
Лишь поезда —
И никогда не плыли корабли.
(Йоахим Рингельнац)*

Перевод таких поэтических произведений, присутствующих в научно-популярных текстах, ставит перед переводчиком дополнительную

сложную творческую задачу.

2.4. Стилистические особенности научно-популярного текста

Как уже отмечалось, научно-популярный текст находится на стыке научного, публицистического и художественного текста. Стилистический анализ научно-популярного текста позволил выявить некоторые черты, присущие, как правило, публицистическому и еще в большей степени — художественному тексту. Установленные особенности повышают литературную ценность такого текста и одновременно выражают его лингвокультурологическую специфику.

Приведем некоторые примеры стилистических приемов, установленных в тексте.

2.4.1. Метафоры

(15) *An den ersten warmen Frühlingstagen sind die Bauern früher über die Wiesen gelaufen und haben nach dem Sauerampfer Ausschau gehalten. Sie brauchten dringend Vitamin C, um **die Schwere des Winters** aus dem Körper zu vertreiben* (Stumpf 2018: 34).

Раньше в первые тёплые весенние дни крестьяне выходили на луг в поисках щавеля. Им срочно требовался витамин С, чтобы освободить организм от зимней тяжести.

Метафоризация устанавливается в номинациях растений:

(16) *Freyas Mantel hieß diese Pflanze in vergangenen Zeiten* (Stumpf 2018: 119).

«Манжетка Фрейи» — так называлось это растение в немецком языке в прежние времена.

2.4.2. Персонафикация

Персонафикация как вид метафоры также прослеживается в номинациях:

а) в главе, посвященной мать-и-мачехе, поясняется мотивация номинации через медицинское предназначение, при этом автор использует речь от первого лица, таким образом, наделяя растение свойствами одушевленного существа:

(17) *Frei übersetzt bedeutet Tussilago farfara: **Ich vertreibe den Husten mit meinen bemehlten Blättern*** (Stumpf 2018: 20).

*Вольный перевод названия Tussilago farfara может звучать так: **Я прогоняю кашель с помощью моих листьев, присыпанных мукой;***

б) фитоним, существующий в народной номенклатуре, сам по себе может представлять собой наименование человека (здесь: имя, род занятий):

(18) *Schon im Mai überragen sie als **Roter Ritter oder Roter Heinrich Gras und Blüten der Wiesen*** (Stumpf 2018: 34).

Уже в мае щавель возвышается над лугами, именуемый «красным рыцарем», «Красным Генрихом» или «цветами лугов». Эти народные названия щавеля существуют только в Германии и являются культурно-специфичными.

2.4.3. Сравнения

Применяемые в тексте сравнения дают возможность автору создавать яркие образы, поясняют происхождение фитонимов, позволяют читателю взглянуть на растение глазами своих соотечественников, в том числе из прежних эпох. Таким образом, сравнения заключают в себе ценную лингвокультурологическую информацию.

(19) *Er ist dann genauso effektiv wie eine After-Sun-Creme* (Stumpf 2018: 20).

Его действие такое же мощное, как у солнцезащитного крема, применяемого после загара...

(20) *Freya trug ... eine Halskette ... wie die Perlenkette am Rande eines Frauenmantel-Blattes* (Stumpf 2018: 119).

Фрейя носила... ожерелье... как жемчужную нитку по краю листа манжетки.

(21) *Dabei ist die ganze Pflanze groß, stark, ein wenig plump und ergreifend wie ein Bär* (Stumpf 2018: 119).

Однако это удивительное растение отличается размером, силой и в некоторой степени неуклюжестью медведя.

3. Заключение

Комплексный анализ научно-популярного текста с точки зрения лингвокультурологической поэтики позволяет сделать вывод о высокой насыщенности такого текста лингвокультурологической информацией, содержащейся на различных его уровнях. Лингвокультурологическая специфика проявляется на уровне используемых автором лексико-стилистических средств, а также через интертекстуальность. Такие обусловленные лингвокультурологической спецификой явления, как реалии, культурно-специфические понятия, приводят к формированию лакун и вызывают особые сложности при переводе на русский язык. Интертекстуальные элементы, в частности афоризмы, поэтические произведения, цитаты из работ авторов различных эпох, обогащают текст и ставят специальные задачи перед переводчиком в процессе перевода научно-популярного текста.

Список литературы / References

- Варбот Ж. Ж., Журавлев А. Ф.* Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии [Электронный ресурс] // Этимология и история слов русского языка. Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf. [Varbot, Zhanna Zh., Zhuravl'jov, Anatolij F. (1998) *Kratkij ponjatijno-terminologicheskij spravocchnik po etimologii i istoricheskoj leksikologii* (A Concise Guide Book of Concepts and Terms on Etymology and Historical Lexicography). *Etimologiya i istoriya slov russkogo yazyka* (Etymology and History of Words of the Russian Language) Russian Academy of Sciences, V. V. Vinogradov RAS Russian Language Institute. Retrieved from http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf. (In Russian)].
- Данич О. В., Крицкая Н. В.* Лингвокультурологическая поэтика как вид лингвопоэтики // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». 2018. Т. 27. С. 62–67. [Danich, Oksana V., Kritskaja, Natalia V. (2018) *Linguokulturologicheskaja poetika kak vid linguopoetiki* (Linguoculturology of Poetry as a Form of Linguopoetry). *Uchjonije zapiski VSU named after P. M. Masherov*, 27, 62–67. (In Russian)].
- Заговорный текст. Генезис и структура. М.: «Индрик», 2005. [*Zagovornij text. Genesis i struktura* (2005) (A Voodoo Text. Genesis and Structure). Moscow: Indrik. (In Russian)].
- Киселев А. Ю.* Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2012. [Kisel'jov, Anton Yu. (2012) *Adresnije strategiji v nauchno-popul'arnom diskurse (na materiale nemetskogo jazika)* (Addressing Strategies in Scientific and Popular Science Discourse (a Case of German)). PhD Thesis (in Philology) Synopsis. Samara. (In Russian)].
- Крицкая Н. В.* Пути развития поэтики // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. № 10. С. 157–166. [Kritskaja, Natalia V. (2015) *Puti razvitija poetiki* (Way of Poetry Development). *Novij vzgl'ad. Mezhdunarodnij nauchnij vestnik* (New Look. International Scientific Bulletin), 10, 157–166. (In Russian)].
- Кропотухина П. В.* Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистических исследований // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 35–39. [Kropotukhina, Polina V. (2014) *Konzeptosfera "Mir rastenij" kak object linguisticheskikh issledovanij* (Conceptual Domain "Plants" as an Object of Linguistic Study). *Pedagogical Education in Russia*, 6, 35–39. (In Russian)].
- Кузнецова Е. Л.* О реализации темпорального признака в номинациях лекарственных растений // Філалагічныя штудыі = *Studia philologica*. Вып. 8. Мінск, 2015. С. 45–49. [Kuznetsova, Elena L. (2015) *O realizatsiji temporalnogo priznaka v nominatsijach lekarstvennich rastenij* (On Realization of Temporal Feature in Nominations of Medicinal Plants). Minsk: *Studia philologica*, 8, 45–49. (In Russian)].
- Летова А. М.* Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. [Letova, Anna M. (2012) *Semanticheskije osobennosti fitonimov v russkom folklore* (Semantic Characteristics of Phytonyms in Russian Folklore): PhD Thesis (in Philology) Synopsis. Moscow. (In Russian)].
- Муранова О. С.* Языковая картина мира в тексте научно-популярной статьи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. [Muranova, Olga S. (2009). *Jazikovaja kartina mira v tekste nauchno-popul'arnoj statji* (Linguistic Picture of the

- World in a Popular Science Text). PhD Thesis (in Philology) Synopsis. Saint Petersburg. (In Russian)].
- Топорова Т. В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. М.: Эдиториал УРСС, 1996. [Toporova, Tatyana V. (1996) *Yazyk i stil' drevnegermanskich zagovorov* (Language and Style of Old Germanic Voodoo Texts). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].
- Фаткуллина Ф. Г., Кульсарина Г. Г. Национальные особенности функционирования фитонимов в фольклорных текстах // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 92–105. [Fatkullina, Flyuza G., Kulsarina, Gulnur G. (2016) Nationalnije osobennosti funkcionirovaniya fitonimov v folklornikh tekstakh (National Peculiarities of Phytonyms Functioning in Folklore Texts). *Nauchnyi Dialog*, 2017, 7 (55), 92–105 (In Russian)].
- Хакимова Л. Г. Научно-популярный стиль в русском и испанском языках (на материале текстов научно-популярной биографии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1993. [Khakimova, Leyla G. (1993) *Nauchno-populjarnij stil v rusском i ispanском jazykakh (na materiale tekstov nauchno-populjarnoj biografii)* (Popular Scientific Style in Russian and Spanish (a Case of Popular Scientific Biography Texts)). PhD Thesis (in Philology) Synopsis. Moscow. (In Russian)].
- Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. [Tsivjan, Tatjana V. (2006). *Model' mira i ejo lingvisticheskie osnovy* (World Model and Its Linguistics Principles). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Diederichs, Ulf. (2010) Annäherungen an das Sachbuch. Zur Geschichte und Definition eines umstrittenen Begriffs. In *Arbeitsblätter für die Sachbuchforschung*, 18. *Historische Reihe*, 6. Herausgegeben vom Forschungsprojekt „Das populäre deutschsprachige Sachbuch im 20 Jahrhundert“. Berlin: Hildesheim. (In German).
- Gebauer, Rosemarie. (2015) *Jungfer im Grünen und Tausendgüldenkraut: Vom Zauber alter Pflanzennamen*. Transfer Verlag. (In German).
- Goethe von, Johann Wolfgang. (1998) Die Metamorphose der Pflanzen. In *Goethes Werke. Hamburger Ausgabe*, Band XIII, Naturwissenschaftliche Schriften I. München: C. H. Beck. (In German).
- Jacobs, Joela, Kranz, Isabela. (2017) Leben der Pflanzen Einleitung: Das literarische: Poetiken des Botanischen. In *Literatur für Leser*, 2/17. Berlin: Peter Lang. (In German).
- Kranz, Isabel (2019) Zur Poetik der Pflanzennamen in der Botanik: Carl von Linné. In *Poetica*, 50, 96–118. DOI: 10.30965/25890530-05001005. (In German).
- Navratil, Michael. (2021) Die doppelte Autorität der Autoren zwischen Fiktionalität und Faktualität. Die Causa Robert Menasse und Juli Zehs Dystopien. In *PhiN-Beiheft*, 25, 163–188. (In German).
- Pabisch, Peter; Roloff, Hans-Gert. (2020) Vorschläge für Rahmenthemen „Medizin und Naturwissenschaften in deutscher Literatur“. In *Jahrbuch für Internationale Germanistik Jahrgang*, LII, Heft 1. Bern: Peter Lang, 273–274. (In German).
- Sauerhoff, Friedhelm. (2001) *Pflanzennamen im Vergleich: Studien zur Benennungstheorie und Etymologie*. ZDL Beihefte 113. Stuttgart: Steiner. (In German).
- Stumpf, Ursula, Dougalis, Paschalis. (2018) *Kräuter: Gefährten am Wegesrand*. Kosmos. (In German).
- Ternés, Anabel. (2016) *Intertextualität. Der Text als Collage*. Wiesbaden: Springer. (In German).
- Zhu, Sylvia. (2012) *Romanische Pflanzennamen und kognitive Semantik*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie, Universität Bo-

chum. (In German).

Wimmer, Lena. (2014) *Das ästhetische Paradox bei der Verarbeitung von fiktionalen vs. nicht-fiktionalen Texten*. Inauguraldissertation zur Erlangung des akademischen Doktorgrades (Dr. phil.). Heidelberg. (In German).

УДК 81'373.47

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-77-88

РИТОРИЧЕСКИЕ КОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА АКРОТЕЗЫ

Е. С. Ступина

Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки,
Нижний Новгород, Россия

Прагматика и выразительность произведения формируется благодаря риторическим приемам. Однако при оценке возможностей приема следует учитывать дискурсионные характеристики текста. Современная лингвистика обращает внимание на суггестивный характер риторических приемов, формирующих структуру речевого произведения. В связи с этим возрастает интерес к исследованиям, поднимающим вопрос об углубленном анализе риторических приемов, используемых для реализации воздействующих стратегий. Систематическое исследование приемов в рамках определенного дискурса дает представление о принципах построения стратегии. Понимание стратегии возникает при изучении приема с учетом прагматики и жанра произведения. Таким образом, информация о приеме преобразуется из отдельных фактов о нем в обусловленное знаковое единство, или код. Учитывая дискурсионную специфику кода, лингвисты используют определение *риторический*. В результате анализа текста исследователь получает определенный риторический код рассматриваемого дискурса. Чем больше будет рассмотрено приемов, используемых в дискурсе, тем большим количеством риторических кодов можно будет оперировать для образования новых речевых стратегий. В данной статье мы рассматриваем реализацию акротезы в политическом дискурсе. Акротеза — это риторический прием, который основан на отношениях утверждения одного за счет отрицания противоположного. Она реализована конструкцией однородных членов предложения при обязательном отрицании противоположного по смыслу. Восприятие структуры и содержания риторического приема раскрывает перлокутивную цель высказывания. Возникает эффект детализации предмета речи, что позволяет представить разными словами одну и ту же оценку. Данный прием имеет ресурс амплификации. Акротеза может быть оформлена в виде вывода. Этот вывод предваряется рассуждением о желаемых и реализованных результатах, а также акротеза манифестирует идею ложного ожидания и указывает очевидность выбора предполагаемых альтернатив. Анализ риторического приема позволяет понять его свойства и выявить, какие речевые стратегии реализуются с помощью акротезы. Это, прежде всего, стратегии убеждения, уговаривания и манипулирования. Принцип воплощения речевых стратегий представляется важным для понимания структуры политического дискурса.

Ключевые слова: риторический код; политический дискурс; речевая стратегия; риторический прием; акротеза; перлокутивность.

Rhetorical Codes of Political Discourse: the Realization of the Strategic Potential of Acrothesis

Ekaterina S. Stupina

M. I. Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire, Nizhny Novgorod, Russia

Pragmatics and expressiveness of texts are formed through rhetorical devices. However, when evaluating the potential of specific rhetorical devices, one should consider the discourse characteristics of the text. Modern linguistics draws attention to the suggestive nature of the rhetorical devices that form the structure of utterances. In this regard, there is an increasing interest in in-depth analysis of rhetorical techniques used to implement high impact strategies. A systematic study of rhetorical devices within a certain discourse would give a clearer idea of their rhetorical function. Specific strategies can be understood by examining rhetorical devices in the context of the pragmatics and the genre of a given text. Thus, information about a specific rhetorical device is converted from separate independent facts into a conditional sign unity, or a code. Given the discourse specificity of this code, linguists describe it as “*rhetorical*.” By analyzing the text, we identify the rhetorical code of the discourse in question. The more rhetorical devices used in the discourse are considered, the more rhetorical codes can be used to form new speech strategies. In this article, we consider the implementation of acrothesis in political discourse. Acrothesis is a rhetorical device based on the relationship of affirming something at the expense of denying its opposite. It is implemented through utilizing homogeneous members of the sentence with the obligatory negation of the opposite in meaning. Perceiving the structure and content of the rhetorical device reveals the perlocutionary purpose of the utterance, and analyzing the rhetorical device allows us to understand its properties and to identify which speech strategies are implemented by using acrothesis. Primarily, these are strategies of persuasion, persuasion, and manipulation. Principles of implementing speech strategies are important for understanding the structure of political discourse.

Key words: rhetorical code, political discourse, speech strategy, rhetorical device, acrothesis, perlocution.

1. Введение

Риторические приемы, используемые в тексте, определяют не только выразительно-изобразительные качества произведения речи, но и формируют его прагматику. При этом стоит отметить, что функциональная нагрузка риторического приема устанавливается тем, в каком он использован дискурсе и какой риторический код формирует стратегический ресурс этого дискурса.

Учитывая многозначность термина «дискурс», укажем, что под дискурсом мы будем понимать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» (Арутюнова 1998). Чаще всего риторическими приемами насыщены дискурсы художественного текста, политический дискурс, рекламный дискурс, педагогический дискурс.

Например, благодаря риторическим приемам в дискурсе художест-

венного произведения реализуется, прежде всего, эстетическое начало. В результате сочетания и взаимодействия слов воплощается их многозначность, происходит изменение семантической структуры, возникают различные подтексты, воплощающие идею передачи прекрасного в авторском понимании.

В политическом дискурсе, в «широком понимании как политической коммуникации, включающей любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики», риторический прием используется в иных коммуникативных целях (Шейгал 2000: 35). Содержание политического произведения направлено, прежде всего, на представление точки зрения говорящего или пишущего. Также в политическом дискурсе важна идея убеждения. Эстетическая сторона выразительного средства остается на втором плане, поэтому для формирования смысла используются риторические приемы, демонстрирующие очевидный подтекст. М. А. Зайцева считает, что «восприятие дискурса как политического предполагает оценку того, как языковые средства организованы в нем в целях достижения наибольшего перлокутивного эффекта» (Зайцева 2010). Здесь можно позволить следующее замечание: сложные каламбурные образования требуют некоторых интеллектуальных усилий, чтобы понять назначение приема. Речевое воздействие оказывается максимально эффективным, «если имеются четкие смысловые связи, которые отражают последовательность в изложении мысли» (Балыхина, Нетесина 2012: 266). Таким образом, процесс «угадывания» в политическом дискурсе становится невостребованным.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Современная лингвистика обращает внимание на суггестивный характер риторических приемов, формирующих структуру речевого произведения политического дискурса. В связи с этим возрастает интерес к исследованиям, поднимающим вопрос об углубленном анализе риторических приемов, используемых для реализации воздействующих стратегий, что и объясняет причины обращения к данной проблематике в предлагаемой статье. По мнению В. Н. Степанова, совокупность эмоционально-экспрессивных средств (традиционные тропы и фигуры речи) и речевых жанров (провокационные стратегии и жанры) представляют риторические коды (Степанов 2012). Мы будем рассматривать риторический код через призму воплощения воздействующих стратегий с помощью риторического приема в жанре политических публичных выступлений. Проблема применения этих риторических кодов в политическом дискурсе отражена в ряде работ. Так, по мнению исследователей, наиболее продуктивными приема-

ми с точки зрения воздействия в политическом дискурсе являются повтор, инверсия, эллипсис, антитеза (см. работы Д. В. Игнатова [Игнатов 2017] Т. М. Грушевой и Т. Б. Самарской [Грушевская, Самарская 2011], Т. М. Балыхиной и М. С. Нетёсиной [Балыхина, Нетёсина 2012]). Можно продолжить перечисление подобных приемов. Однако в работах нет общего описания конкретного приема, отсутствует представление о реализуемых им стратегиях, основанных на данном приеме. Это доказывает актуальность предложенной проблематики. Настоящее исследование акцентирует внимание на необходимости комплексного анализа риторического приема с целью получения целостного представления об уровне суггестивности приема и эффективности создаваемой стратегии.

В нашей работе мы проанализируем функционально-стратегический потенциал такого риторического приема, как акротеза. Безусловно, названный прием актуализируется в газетном, публицистическом, рекламном дискурсах. Мы писали о функциональных возможностях акротезы в художественных текстах (см. [Корюкина 2011, 2013]). Однако политический дискурс раскрывает специфический прагматический потенциал акротезы, воплощаемый в различных коммуникативных стратегиях, что представляет научный интерес с точки зрения изучения политического дискурса, оформления его кода и, как следствие, речевой организации политического текста. Материалом исследования являются тексты политического характера (выступления политиков, статьи), опубликованные в 2007–2020 гг. Анализ структуры и содержания высказывания позволяют точно интерпретировать текст (Кухаренко 1988.) Исследование выдержано в рамках принципов анализа содержательной структуры текстового пространства, с подключением описательного метода и метода контекстного анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Термин «акротеза» был предложен Л. А. Введенской, которая трактует акротезу как подчёркнутое утверждение одного из признаков или явлений реальной действительности за счёт отрицания противоположного (Введенская 2005: 19). Например: *Я понял, что всё виденное мною происходило не наяву, а во сне* (Н. С. Лесков «Неразменный рубль»). Таким образом, антонимы реализуют отношения отрицания одного признака, действия, предмета за счет утверждения противоположного.

В политическом дискурсе мы находим такой пример акротезы: *Тем, кто хочет и в состоянии видеть и слышать, стало ясно, что курс, навязанный стране, — это курс в никуда. Это курс не созидания, а разрушения* (Выступление Г. А. Зюганова, 23 апреля 2010). В данной отрицательно-утвердительной конструкции реализуется идея убеждения реципиента в

том, что грядущий процесс разрушения экономики страны не соответствует изначально предполагаемому курсу созидания.

Обратимся к значению слов **созидать** и **разрушить**, производящие лексем **созидание** и **разрушение**, образующих акротезу. Согласно БТС **созидать** является вариантом стилистически высокого **создать**, то есть ‘сделать возможным появление, возникновение чего-либо, обеспечить что-либо’ (БТС). **Разрушить** — ‘привести в упадок, ввергнуть в тяжелое состояние’ (БТС). Следовательно, в позиции отрицания находится стилистически высокое слово, а в утвердительной — нейтральное, что важно для понимания смысла высказывания. Риторическая диагностика речи в политическом дискурсе складывается благодаря оценке значения образующих высказывание компонентов (Купина, Мингалеева 1996).

Таким образом, прагматический рисунок акротеzy показывает, что отрицается не просто первичная идеальная теория развития страны, опровергается благородный замысел, который, с точки зрения говорящего, был или излишне оптимистичным, или осознаваемо ложным. Политик в своей речи акцентирует внимание на том, что люди, поверившие в созидание, были обмануты. Создается впечатление обреченной трагичности сложившейся ситуации. Эмоционально-экспрессивный аспект риторического приема помогает выразить горечь, сочувствие по отношению к людям, ибо на смену мечтам пришла реальность. При этом в тексте выступления нет точного разъяснения, в чем заключается обозначенное разрушение. Так представляется субъективная оценка событий, которая воспринимается слушающими как установленный факт. Конечно, большое значение имеет личность оратора. Отсутствие аргументированного доказанного вывода является распространенным приемом манипулирования в политическом дискурсе. В данном случае акротеzy, основанная на антонимах **созидание** — **разрушение**, не только формирует особый подтекст, но и является средством стратегии манипуляции.

Восприятие структуры и содержания риторического приема позволяет оценить эффективность перлокутивной цели речи в целом.

Подчеркнем, что акротеzy обычно оформляется конструкцией однородных членов предложения, но отрицание является обязательным условием акротеzy. В политической речи идея акротеzy может быть выражена не только традиционными схемами **не А, а Б** или **Б, а не А**. Например: *Должны ощутимо вырасти доходы населения: не маленькой узкой группы, а широких слоев* (В. Федоров «Счастье — это здоровье и семья», «АиФ»); *Но неужели нам нужна еще одна, третья мировая встряска, чтобы понять, насколько сейчас необходимо сотрудничество, а не конфронтация* (Выступление Д. А. Медведева на Мюнхенской конференции, 2016). Воз-

можно другие варианты акротезы. Например: *Путь вперед не бывает простым, это всегда сложный поиск* (Выступление В. В. Путина 7 мая 2018). В схеме отсутствует противительный союз *а*, антонимы *простой – сложный* расположены в разных частях сложного предложения, благодаря чему степень категоричности отрицаемого и утверждаемого снижается. Однородные члены обнаруживают более высокий уровень смысловой близости по сравнению с рассматриваемым вариантом. Таким образом воплощается стратегия уговаривания. В данном примере целью речи становится желание настроить реципиентов на готовность к трудностям, на понимание естественности и неизбежности потерь, социальных и политических изменений.

При этом обратим внимание на тот факт, что в речи используются языковые антонимы *простой — сложный*, осознаваемые как противоположности большинством носителей языка. Это объясняется тем, что инаугурационная речь адресована широкому кругу людей с разными взглядами, интересами, с разным уровнем интеллекта. Мы видим, насколько функциональная реализация акротезы определяется жанровой спецификой политического текста.

Отметим также, что схема построения акротезы устанавливает ситуационную важность того, что утверждается, а что отрицается. Если на первом месте стоит утверждаемое, то формируется стратегия уговаривания, убеждения.

Формат этой стратегии можно обнаружить и в следующем примере: *Россия выдвигает позитивную повестку дня, которая призвана объединять, а не изолировать кого бы то ни было, которая нацелена на мирное урегулирование конфликтов...* (Выступление С. Лаврова 15 марта 2018). Здесь в акротезе репрезентируются контекстуальные антонимы *объединять — изолировать*. Контекстуальная антонимия в политическом дискурсе эксплуатируется для внедрения в сознание слушателей той или иной оценки событий, поскольку создается эффект эмоционального представления противоположных фактов, оценочность формируется контекстом. С помощью акротезы указывается очевидность выбора предполагаемых альтернатив — объединять и изолировать. То есть воплощается стратегия убеждения. Происходит нивелирование различий в интерпретации указанных действий, потому что совершение одного из этих действий (изолировать) заведомо не получит одобрения со стороны тех, кому речь адресована. Таким образом, говорящий контролирует ход мысли реципиентов, моделируя установочную картину мира. Это стратегия направленного манипулирования.

Отрицание одного ради утверждения противоположного в акротезе

предполагает детализацию: «материал» преподносится под разными углами зрения. Как отмечает Е. В. Клюев, использование приёма «предлагает не столько лепку целого из частей, сколько многократное предъявление одного и того же целого со всех возможных сторон» (Клюев 1999: 309). Например: *Вы своим решением показали всему миру, что такое настоящая, а не показная демократия* (Выступление В. В. Путина в Севастополе 14 марта 2018). В тексте иллюстрируется усиление осознаваемого демократического события — присоединения Крыма к России. Манифестируется идеологическая демонстрация данного факта. Акротеза позволяет представить разными словами одну и ту же оценку. По этой причине акротезу относят к явлениям амплификации (Штафун 2008).

Таким образом, создается впечатление значимости, весомости, эпохальности события. В этом случае представляется стратегия укрупнения события. Кроме того, отрицание прилагательного *показной* позволяет превентивно исключить обвинения со стороны недоброжелателей, а также создает эффект сравнения уровня *настоящей* демократии в России и *показной* демократии других государств. В результате формируется мысль об оппозиционности идеологий, складывается впечатление диалогичности речи. Высказывание, содержащее акротезу, воспринимается как ответная реплика, в которой отрицается точка зрения собеседника и утверждается собственная, противоположная. Подобное же впечатление акротеза создает в следующем примере: *Судите сами: войн, локальных и региональных конфликтов меньше не стало. Господин Тельчик об этом очень мягко упомянул. Людей в этих конфликтах гибнет не меньше, а даже больше, чем раньше. Значительно больше — значительно больше!* (Мюнхенская речь В. В. Путина 10 февраля 2007).

Следовательно, мотивированная избыточность речи, возникающая с помощью акротезы, создаёт диалогичность высказывания (о производимом эффекте диалогичности акротезы см. также [Бочина 2002]). Акротеза предполагает наличие воображаемых оппонентов в момент речи: что-то отрицается, но в качестве альтернативы предлагается противоположное. Представляется столкновение мнений, взглядов, того, что есть, и того, что будет, ожидаемого и реального: *Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации* (Выступление В. В. Путина в ООН 28 сентября 2015). Здесь существенную роль играют образы, связанные с субъективным отношением политика к ситуации в обществе. Оценка противоположных процессов формируется на основе произвольной трактовки фактов и событий. В данном фрагменте выступления конструкция

акротеzy позволяет усилить риторический эффект, реализующийся благодаря смысловым отношениям слов **прогресс** и **деградация**. А именно: отрицание прогнозируемого оптимистичного исхода социальных экспериментов и утверждение очевидных, с точки зрения говорящего, трагических последствий деградации. Таким образом, прогресс идентифицируется как социальный эксперимент и переменна, а деградация как трагические последствия. В итоге происходит контекстуальное обновление семантического содержания лексем. Акротеzy помогает представить стратегию прогнозирования.

Прием акротеzy в данном случае оформлен в виде вывода. Этот вывод предваряется рассуждением о желаемых и реализованных результатах. Это подчеркивается повтором слова *приводили*. Происходит постепенная подготовка реципиентов к главной мысли. Говорящий, оппонировав идеологам политических экспериментов и выражая личную оценку описываемых событий, формулирует сентенцию, которая ожидаема для слушателей — совершается не предполагаемый прогресс, а деградация. Подобная реализация акротеzy наблюдается и в следующем примере: *Подчеркну, нам нужны такие фискальные решения, которые обеспечат пополнение всех бюджетов, причем всех уровней, а также исполнение всех социальных обязательств и при этом будут **не сдерживать, а стимулировать** экономический рост* (Послание В. В. Путина Федеральному Собранию 2018).

Иногда с помощью акротеzy в политическом дискурсе можно выразить идею ложного ожидания: *Санкции нанесли определённый ущерб, идет **не рост, а падение ВВП**, чего мы не отрицаем* (Интервью С. Иванова 19 октября 2015). В примере иллюстрируется мысль о том, что предполагаемый рост ВВП не был реализован. На практике произошло падение показателей. Очевидным кажется ущерб от введенных санкций, однако употребление прилагательного *определённый*, то есть ‘некоторый, известный, тот или иной’ (БТС), реализует эффект непонятого, неконкретного действия. Создается впечатление, что слушающие знали о возможном ущербе, но надеялись на благоприятный исход. Кроме того, формируется размытость представления о реальных убытках. Фактическая информация кажется завуалированной, поэтому обоснование падения ВВП оказывается туманным. Так, акротеzy позволяет реализовать стратегию неясного представления ситуации, смягчения впечатления от негативной информации.

Окказиональные антонимы в акротеze расширяют границы представляемого предмета речи. Например: *Зато любим президента, потому что он неоднократно доказал, что для него приоритет — Россия, ее народ, и он готов пойти за них до конца. Доказал, что работает **не на свой карман, а на всю страну*** (В. Федоров «Счастье — это здоровье и семья»),

«АиФ»). В данном контексте противоположность выражают словосочетания *свой карман — вся страна*. Глава ВЦИОМ, говоря о деятельности президента и желая выделить его заслуги в управлении страной, с помощью акротезы подчеркивает не только масштабность проводимых реформ, но и, прежде всего, честность руководителя государства перед гражданами. Благодаря окказиональной антонимичной паре создаются типичные народные образы ворующего госслужащего, что, с точки зрения большинства обывателей, очень распространено, и честного управленца-патриота, готового все силы направить на рост благосостояния людей. Таким образом, усиливается выразительность приема, а следовательно, результативность его воздействия на целевую аудиторию. Обращение к устойчивому выражению *положить себе в карман*, характерному для разговорной речи, в сочетании с возвышенным *вся страна* создает стилистический контраст в высказывании и позволяет установить, с какими языковыми антонимами коррелирует указанная пара. Здесь можно обнаружить соотношение с несколькими антонимами, поскольку говорящий апеллирует и к честности (*бесчестный — честный*), и к всеобщности интересов (*частный — общий, индивидуальный — коллективный*), и к масштабам деятельности (*мало — много*), и к оценке деятельности (*плохо — хорошо*). Итак, создается эффект, с помощью которого формируется такой образ президента, которому хочется верить и который близок к своему народу. С помощью акротезы представляется стратегия моделирования образа.

4. Заключение

Подводя итог нашему исследованию, обратим внимание на то, что в политическом дискурсе акротеза выступает основой разнообразных коммуникативных стратегий, в первую очередь касающихся умения манипулировать, балансируя между реальным фактом и субъективным представлением этого факта. В перспективе анализ риторических приемов, основанных, как и акротеза, на антонимии, позволит представить риторический код политического дискурса в аспекте противоположностей. В настоящей работе мы показали, что выразительность антонимов достигается изначально за счет экспрессивной синтаксической конструкции, благодаря чему создаются моделируемые коммуникативные стратегии.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137. [Arutyunova, Natalia D. (1998) Diskurs (Discourse). In Yarceva, Viktoria N. (ed.) *Yazykoznanie. Bol'shoj entsiklopedicheskij slovar'* (Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary). 2nd edition. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya entsiklopedia, 136–

137. (In Russian)].
- Балыхина Т. М., Немёсина М. С. Выразительные средства синтаксиса современного политического дискурса // Вестник науки Сибири. Серия Филология. Педагогика. 2012. № 3 (4). С. 264–268. [Baly'khina Tat'yana M., Netyosina, Marina S. (2012) Vyrazitel'nye sredstva sintaksisa sovremennogo politicheskogo diskursa (Expressive Means of Syntax of Modern Political Discourse). *Siberian Journal of Science. Series Philology. Pedagogy*, 3(4), 264–268. (In Russian)].
- Бочина Т. Г. О диалогичности русской пословицы: сб. науч. тр. Казань: Унипресс, 2002. С. 17. [Bochina, Tatyana G. (2002) *O dialogichnosti russkoj posloivitsy*: sb. nauch. tr. (About the Dialogic Nature of the Russian Proverb: Collection of Scientific Papers). Kazan: Unipress, 17. (In Russian)].
- Грушевская Т. М., Самарская Т. Б. Политический газетный дискурс сквозь призму языковых средств представления информации. 2011. Вып. 2 // Сфера услуг: инновации и качество: научно-практический журнал [Электронный ресурс]. URL:<http://journal.kfrgteu.ru/avtors.php?avtor=Грушевская%20Т.М.> (дата обращения: 25.09.2018). [Grushevskaya, Tatyana M., Samarskaya, Tatyana B. (2011) (2018, September 25) *Politicheskij gazetnyj diskurs skvoz' prizmu yazykovykh sredstv predstavleniya informatsii* (Political Newspaper Discourse through the Prism of Linguistic Means of Presenting Information). *Sfera uslug: innovatsii i kachestvo: nauchno-prakticheskij zhurnal* (Service Industry: Innovation and Quality: Scientific and Practical Journal). Retrieved from <http://journal.kfrgteu.ru/avtors.php?avtor=Грушевская%20Т.М.> (In Russian)].
- Игнатов Д. В. Экспрессивно-выразительные средства языка в политическом дискурсе (на материале текстов выступлений Х. Клинтон и Д. Трампа) // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: сборник статей. М.: РУДН, 2017. С. 88–97. [Ignatov, Dmitriy V. (2017) *Ekspressivno-vyrazitel'nye sredstva yazyka v politicheskom diskurse* (Expressive and Expressive Means of Language in Political Discourse). *Mirovoe kul'turno-yazykovoe i politicheskoe prostranstvo: innovatsii v kommunikatsii* (World Cultural–Linguistic and Political Space: Innovations in Communication): Collection of papers. Moscow: RUDN, 88–97. (In Russian)].
- Клюев Е. Р. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М.: «Издательство ПРИОР», 1999. [Klyuev, Evgeny R. (1999) *Ritorika (Inventsiya. Dispozitsiya. Elokutsiya)* (Rhetoric (Invention. Disposition. Elocution)): Textbook for Universities. Moscow: "Izdatel'stvo PRIOR". (In Russian)].
- Корюкина Е. С. Риторические возможности лексических антонимов // Вестник ННГУ. Серия «Филология». 2011. № 6. Часть 2. С. 309–313. [Koryukina, Ekaterina S. (2011) *Ritoricheskie vozmozhnosti leksicheskikh antonimov* (Rhetorical Potential of Lexical Antonyms). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod Bulletin of UNN. Series "Philology"*, 6, Part 2, 309–313. (In Russian)].
- Корюкина Е. С. Теоретическое обоснование для классификации риторических приёмов, основанных на антонимии // Вестник ННГУ. Серия «Филология» 2013. № 6 (2). С. 111–113. [Koryukina, Ekaterina S. (2013) *Teoreticheskoe obosnovanie dlya klassifikatsii ritoricheskikh priemov, osnovannykh na antonimii* (Theoretical Substantiation for the Classification of Rhetorical Techniques Based on Antonymy). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod Bulletin of UNN. Series "Philology"*, № 6 (2), 111–113. (In Russian)].

- Купина Н. А., Мингалеева Э. Ф. Лингвориторическая диагностика политической речи // Общество, язык, личность: Материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 23–26 окт. 1996 г.). М.: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1996. Вып. 1. С. 50–51. [Kupina, Natalia.A., Mingaleeva, Elena F. (1996) Lingvoritoricheskaya diagnostika politicheskoy rechi (Linguistic Diagnostics of Political Speech). *Obshchestvo, yazyk, lichnost': Materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii (Penza, 23–26 okt. 1996)* (Society, Language, Personality: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Penza, October 23–26, 1996). Moscow: In-t yazykoznanija RAN, PGPU im. V. G. Belinskogo, 1, 50–51. (In Russian)].
- Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. [Kukharenko, Vladimir A. (1988) *Interpretatsiya teksta* (Interpretation of the Text). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Степанов В. Н. Семиотические коды в рекламном тексте // Аналитика культурологии. 2012. № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskie-kody-v-reklamnom-tekste> (дата обращения: 06.10.2018). [Stepanov, Valentin N. (2012) (2018, October 06) Semioticheskie kody v reklamnom tekste (Semiotic Codes in Advertising Text). *Analitika kul'turologii* (Analytics of Cultural Studies), 24. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskie-kody-v-reklamnom-tekste> (In Russian)].
- Шейгал Е. И. Структура и границы политического дискурса // Филология – Philologica. 1998. № 14. С.22–29 [Shejgal, Elena I. (1998) *Struktura i granitsy politicheskogo diskursa* (The Structure and Boundaries of Political Discourse). *Philologica*, 14, 22–29. (In Russian)].
- Шейгал Е. И. Семиотическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России — 3: Материалы раб. совещ. (Москва, 27–28 марта 1999 года) / Под ред. Ю. А. Сорокина и В. Н. Базылева. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 114–123. [Shejgal, Elena I. (1999) *Semioticheskoe prostranstvo politicheskogo diskursa* (Semiotic Space of Political Discourse).) In Sorokin, Yuri A., Bazylev, Vladimir N. (eds.) *Politicheskij diskurs v Rossii — 3: Materialy rab. soveshch. (Moscow, 27–28 marta 1999 goda)* (Political Discourse in Russia: Proceedins of the Work Meeting. (Moscow, March 27–28, 1999)). Moscow: Dialog-MGU, 114–123. (In Russian)].
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Дис. ... д-ра. филол. наук. Волгоград, 2000 [Shejgal, Elena I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* (Semiotics of Political Discourse). Advanced Doctor Thesis (in Philology). Volgograd. (In Russian)].
- Штафун Н. В. Амплификация в произведениях В. С. Высоцкого «Гамлетовского периода», 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://vv.mediaplanet.ru/static/upload/Stafun%202008.doc> (дата обращения: 17.04.2013). [Shtafun, Natalia V. (2008) (2013, April 17) *Amplifikatsiya v proizvedeniyakh V. S. Vysotskogo "Gamletovskogo perioda"* (Amplification in the Works of V. S. Vysotsky's "Hamlet Period"). Retrieved from <http://vv.mediaplanet.ru/static/upload/Stafun%202008.doc> (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

Еженедельник «Аргументы и факты» (Weekly magazine “Arguments and Facts”).

Газета «РБК» Политика (RBC newspaper Politika).

Информационное агентство ТАСС (TASS: <https://tass.ru/politika>).

Российская газета (<https://rg.ru>).

Газета. Ру (<https://www.gazeta.ru/politics>).

Официальный сайт президента РФ (<https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/>).

Словари / Dictionaries

БТС: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «НОРИНТ», 2000. [Kuznetsov, Sergey A. (ed.) (2000) *BTS: Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* (Great Dictionary of the Russian Language). Saint Petersburg: «NORINT». (In Russian)].

Введенская Л. А. Учебный словарь антонимов русского языка. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. [Vvedenskaya, Liudmila A. (2005) *Uchebnyj slovar' antonimov russkogo yazyka* (Educational Dictionary of Antonyms of the Russian Language). Moscow: IKCz «MarT», Rostov-on-Don: Izdatel'skij tsentr «MarT». (In Russian)].

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-89-106

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В СПЕЦИАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Р. М. Шамилов, А. В. Кириллова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В настоящей статье рассматривается прагматическая адаптация в разрезе коммуникативно-функциональной концепции перевода. Обосновывается применимость прагматической адаптации в качестве переводческой тактики и при переводе специальных (нехудожественных) текстов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения экстралингвистических и лингвистических факторов, детерминирующих обращение к прагматической адаптации при осуществлении специального перевода в определенной коммуникативной ситуации. Несмотря на наличие в переводоведении точек зрения, справедливо усматривающих в прагматической адаптации переводческое решение, которое может найти применение абсолютно на всех уровнях языка, авторы исследования предназначение прагматической адаптации традиционно видят в решении проблем прежде всего лексического плана благодаря использованию различных переводческих операций (добавление, опущение, генерализация, конкретизация, замена). Такой подход позволяет авторам предложить собственную типологию прагматической адаптации, которая включает аддитивную прагматическую адаптацию, оmissивную прагматическую адаптацию и субститутивную прагматическую адаптацию.

Ключевые слова: специальный перевод; прагматическая адаптация; аддитивная прагматическая адаптация; оmissивная прагматическая адаптация; субститутивная прагматическая адаптация.

On Typology of Pragmatic Adaptation in Specialized Translation

Raviddin M. Shamilov, Arina V. Kirillova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The paper views pragmatic adaptation through the prism of the communicative and functional theory of translation. It substantiates the applicability of pragmatic adaptation as a translation tactic in translating not only literary but also specialized (non-fiction) texts. The relevance of this research lies in the need to identify linguistic and extralinguistic factors which determine the use of pragmatic adaptation when translating a specialized text in a certain communicative situation. Although some translation studies experts justly consider pragmatic adaptation to be a translation solution applicable at any language level, the authors of this paper share the traditional point of view which sees pragmatic adaptation as a means aimed at solving primarily lexical problems by using various translation operations (addition, omission, generalization, concretization, and substitution). This approach allows the authors to offer their own typology

of pragmatic adaptation, which comprises additive, omissive, and substitutive pragmatic adaptation.

Key words: specialized translation; pragmatic adaptation; additive pragmatic adaptation; omissive pragmatic adaptation; substitutive pragmatic adaptation.

1. Введение

Вопросу прагматической адаптации в науке о переводе посвящено немало работ. И преимущественно эта операция рассматривается как важнейшая в контексте перевода художественных текстов, содержание которых, как полагают, по сравнению с текстами нехудожественными (специальными) отличается возможным избытком национально-культурных реалий или явлений, присущих сугубо исходной культуре. Однако практика показывает, что прагматическая адаптация может находить свое применение и при переводе специальных текстов, и это применение может быть обусловлено абсолютно теми же факторами, что и в случае с переводом художественных текстов. Согласно коммуникативно-функциональному подходу к переводу, все переводческие операции, направленные на решение проблем прагматического характера, объединяются в отдельную тактику — тактику прагматической адаптации. Как и в случае с переводом художественных текстов, тактика прагматической адаптации в ситуациях осуществления специального перевода направлена на реализацию стратегии коммуникативно-равноценного перевода. Однако есть основания полагать, что прагматическая адаптация может войти в состав набора переводческих тактик, способствующего реализации стратегии переадресации. Учитывая тот факт, что применение прагматической адаптации так или иначе отражается на содержании текста, вернее, на составе элементов информации, передаваемой в тексте, думается, что применительно к специальному переводу можно предложить типологию прагматической адаптации, взяв в качестве критерия конкретную переводческую операцию и фактор переноса / непереноса исходного национально или культурно специфичного элемента (реалии) в текст перевода.

2. Материал и методы исследования

Для решения поставленных задач необходимо провести анализ различных точек зрения на проблему определения прагматической адаптации и выделения различных способов ее реализации, высказанных отечественными и зарубежными исследователями перевода. Особенно эффективным этот метод представляется при оценке воззрений переводоведов, которые допускают возможность использования прагматической адаптации и в области специального перевода, и чьи работы могут способствовать дости-

жению основной цели исследования — построению типологии прагматической адаптации. В качестве материалов, иллюстрирующих теоретические воззрения авторов, использованы фрагменты специальных текстов различной тематики и их переводы на русский язык.

3. Результаты исследования

3.1. Понятие прагматической адаптации

Интерес переводоведов к явлению прагматической адаптации чуть ли не с самого начала формирования науки о переводе вполне естественен и объясняется тем фактом, что всякому тексту как знаковому образованию присущ такой аспект, как прагматика. Под термином *прагматика*, введенным американским исследователем Чарльзом Моррисом в рамках теории знака наряду с понятиями семантика и синтактика, в самом широком смысле понимается «отношения между знаками и говорящим» (Норман 2009: 5). Если же говорить о *прагматике текста* как об отдельном направлении в лингвистике, то оно в качестве своего предмета исследования рассматривает целый комплекс вопросов, «связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием, речевую тактику и типы поведения, правила речевого общения, которое осуществляется на текстовой основе» (Жеребило 2010: 273). Вполне естественно, что для перевода как сложного вида языкового посредничества, имеющего своей целью обеспечение успешного межъязыкового и межкультурного взаимодействия, такой важный аспект не мог остаться вне поле зрения исследователей перевода и не быть изучен в контексте тех вопросов и задач, которым предполагается найти ответы и решения в теории перевода. Важность учета этого аспекта при осуществлении переводческой деятельности подтверждается выделением в рамках теории перевода отдельного раздела — *прагматики перевода*, посвященного изучению влияния прагматических параметров исходного текста на результат перевода и их адекватной передачи на переводящем языке (Захарова 2010b).

Как отношение между знаком и участниками коммуникации, прагматика обязательно характеризуется двусторонней структурой, поскольку сообщение оказывается обращенным как к его отправителю, так и к получателю. И как справедливо отмечает Н. К. Гарбовский, «<...> В переводе, где появляются новые участники коммуникации (переводчик и получатель переведенного сообщения), структура прагматических отношений знака становится еще более сложной» (Гарбовский 2007: 394). Переводчик, будучи одновременно получателем исходного сообщения и автором будущего текста перевода, не может не учитывать при

осуществлении перевода детерминируемое прагматическими отношениями так называемое *прагматическое значение* исходного текста. Под понятием прагматического значения понимают то, каким образом заключенную в языковом высказывании информацию воспринимают различные получатели или группы получателей (Нелюбин 2003: 163). Другими словами, подразумевается определенная реакция получателя текста на содержащуюся в нем информацию, и задача переводчика, разумеется, должна заключаться в том, чтобы обеспечить аналогичную реакцию (по крайней мере, максимально приближенную к ней) на воспроизводимую в тексте перевода информацию со стороны получателя перевода.

Исходный текст (ИТ), порожденный и функционирующий в исходной культуре и изначально рассчитанный на носителей исходного языка, может быть маркирован культурно- и национально-специфичными элементами, препятствующими достижению в переводе той же реакции со стороны получателей перевода, что вызывает у своих читателей текст оригинала. Препятствием на пути к достижению одинаковой реакции со стороны получателей оригинала и текста перевода являются также их принадлежность к разным культурам и возможные различия социального, психологического, профессионального и др. плана. Эта проблема, однако, вовсе не является неразрешимой и, как показывает анализ теоретических работ, для ее решения предлагаются различные переводческие приемы. Независимо от того, какой именно переводческий прием используется в каждом конкретном случае, все они направлены на осуществление так называемой *прагматической адаптации*. Прагматическая адаптация — одно из ключевых понятий переводоведения, которому разными исследователями предлагаются во многом схожие по своему смысловому наполнению определения.

А. Д. Швейцер под прагматической адаптацией понимает «внесение определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинального и переводного текста» (Швейцер 1973: 242). Вводя поправки на вышеуказанные различия, «переводчик стремится найти не просто смысловые эквиваленты, т. е. единицы, обозначающие те же явления действительности, а те функциональные соответствия, которые способны вызвать у иноязычного получателя реакцию, сходную с той, которую данное сообщение вызывает у тех, кто читает или слышит его в подлиннике» (Швейцер 1973: 242).

В. Н. Комиссаров определяет прагматическую адаптацию как «изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного Рецептора перевода» (Комиссаров 1990:

249).

Согласно точке зрения финской исследовательницы Инкери Вехмас-Лехто, прагматическая адаптация подразумевает внесение изменений в отношении тех элементов исходного текста, которые «если их перевести как есть, не будут выполнять исходных функций в тексте на переводящем языке» (перевод наш. — *Авт.*) (цит. по [Nazemi, Taik 2017: 9]) и будут препятствовать полноценному пониманию текста перевода (ПТ) его получателями.

По мнению Кинги Клауди, прагматическая адаптация должна быть направлена на то, чтобы адаптировать исходный текст в соответствии с ожиданиями аудитории переводящего языка (Klaudy 2007: 229).

В понимании Иевы Зауберга прагматическая адаптация должна иметь своей целью модификацию содержания или формы исходного текста с учетом особенностей культуры переводящего языка, чтобы добиться адекватной реакции получателей текста перевода (Zauberga 1994: 29).

Сущность прагматической адаптации отражается в полной мере и в определении, предложенном Л. Д. Захаровой: система действий переводчика с использованием приемов, направленных на приспособление текста на переводящем языке к восприятию его адресатом, являющимся носителем другой культуры (Захарова 2010а: 142).

Помимо указанных выше определений, которые, несмотря на незначительные отличия в формулировках все же, совпадают по своей сути, встречаются и иные точки зрения на прагматическую адаптацию. Стоит отметить, что иное, отличное от общеизвестных, определение прагматической адаптации считается вполне обоснованным, если взглянуть на него сквозь призму той концепции, в рамках которой это определение предлагается. Например, Р. К. Миньяр-Белоручев, известный своим учением об информационных запасах (подробнее см. [Миньяр-Белоручев 1996]), предназначение прагматической адаптации усматривает в преобразовании исходного текста с учетом информационного запаса получателя (Миньяр-Белоручев 1996: 196).

3.2. Коммуникативно-функциональный взгляд на прагматическую адаптацию

В соответствии с коммуникативно-функциональным подходом к переводу, в рамках которого проводится настоящее исследование, прагматическую адаптацию следует рассматривать как отдельную переводческую тактику (подробнее см. [Сдобников 2015; Шамилов 2018]). Как и любая другая переводческая тактика, *тактика прагматической адаптации* используется исключительно в совокупности с другими

тактиками перевода и направлена на реализацию стратегии перевода, избранной для данной конкретной коммуникативной ситуации с использованием перевода. Если быть конкретнее, тактика прагматической адаптации текста используется в наборе тактик для осуществления стратегии коммуникативно-равноценного перевода (Сдобников 2015: 257–258; 278–294). Как отмечает В. В. Сдобников, необходимость в прагматической адаптации возникает «в связи с различиями в объеме фоновых знаний носителей ИЯ и ПЯ, с разным отношением с их стороны к явлениям реального мира, с неодинаковой интерпретацией одного и того же явления представителями разных культур» (Сдобников 2015: 414). Многочисленные примеры из реальной переводческой деятельности подтверждают, что прагматическая адаптация может быть использована для обеспечения реализации также стратегии переадресации. Напомним, что в области специального перевода в результате применения стратегии коммуникативно-равноценного перевода и стратегии переадресации на ПЯ создается функциональный аналог ИТ и перевод осуществляется с той же целью, с которой был создан подлинник. Единственная разница заключается лишь в том, что при использовании стратегии переадресации, как следует из ее названия, исходный текст, предназначенный изначально специалистам из соответствующей предметной области, переводится в расчете на неспециалистов и для обеспечения полноценного восприятия передаваемой в нем информации, ожидаемо претерпевает определенного рода модификации на уровне композиционной, семантической и синтаксической структур (подробнее см. [Сдобников 2015]).

Переводческие операции, используемые для осуществления тактики прагматической адаптации, включают перечень из пяти приемов, выделенных в свое время В. Н. Комиссаровым и продолжающих оставаться наиболее авторитетными в отечественном переводоведении:

- внесение в текст дополнений и разъяснений с целью эксплицирования подразумеваемой информации;
- опущение некоторых деталей в переводе, неизвестных читателю перевода;
- замена непонятого элемента исходного сообщения добавочной информацией;
- генерализация;
- конкретизация (Комиссаров 1990: 211–214).

Все вышеуказанные способы прагматической адаптации служат для «сглаживания» национально-культурных различий между исходной аудиторией и читателями перевода, с тем «чтобы текст в переводе воспринимался так же естественно, как и в оригинале, чтобы внимание

читателя перевода не отвлекалось на незнакомые ему реалии, которых при чтении не замечает читатель оригинала, поскольку они ему хорошо знакомы» (Сдобников, Петрова 2007: 370).

Если в коммуникативно-функциональной концепции прагматической адаптации отводят роль одной из многочисленных тактик перевода, то Эндрю Честерман и Эмма Вагнер рассматривают прагматическую адаптацию в качестве отдельной стратегии (Chesterman, Wagner 2002). В качестве операций, вернее, тактик осуществления стратегии прагматической адаптации (*pragmatic strategies*) Э. Честерман и Э. Вагнер предлагают следующие переводческие действия (Chesterman, Wagner 2002: 62–63):

- культурная фильтрация (*culture filtering*). Под культурной фильтрацией понимается «перевод элементов, специфичных для исходного языка, а в частности, культурно-специфичных элементов культурными или функциональными эквивалентами переводящего языка с целью обеспечения их соответствия нормам переводящего языка» (перевод наш. — *Авт.*) (Chesterman Wagner 2002: 62). Этот прием особенно актуален во время реализации так называемых стратегий натурализации (*naturalization*), доместикации (*domestication*) и адаптации (*adaptation*);

- эксплицирование / имплицирование (*explicitness change*). Как следует из самого названия, эта операция подразумевает либо эксплицирование информации, если имплицитно выраженная в оригинале информация недостаточно понятна для получателя перевода, либо наоборот — имплицирование информации, например, путем ее опущения, если получатель перевода понимает, о чем идет речь в подлиннике;

- информационная модификация (*information change*). Использование этого приема подразумевает «либо добавление новой (не вытекающей из общего предметно-логического содержания текста) информации, которая будет коммуникативно-релевантна для аудитории перевода, но которой нет в исходном тексте, либо — опущение содержащейся в исходном тексте информации, являющейся коммуникативно-нерелевантной» (перевод наш. — *Авт.*) (Chesterman Wagner 2002: 63);

- межличностная модификация (*interpersonal change*). Под этой операцией подразумеваются действия корректирующего плана, как, например, при переводе коммерческих писем, когда необходимо изменить уровень официальности, степень эмоциональности и вовлеченности автора исходного текста;

- иллокутивная модификация (*illocutionary change*). Эта операция включает такие действия, как изменение наклонения глагола (например,

изъявительного на повелительное), изменение в структуре риторических вопросов и восклицаний, замена прямой речи косвенной и наоборот;

– когерентная модификация (*coherence change*). Эта операция предполагает внесение изменений в структуру и логическое построение (например, изменение последовательности абзацев / разделов) исходного текста;

– частичный перевод (*partial translation*). Подразумевается выполнение любого вида частичного перевода: реферативного перевода, транскрипции, перевода только звуков;

– модификация видимости (*visibility change*). Включает операции, направленные на увеличение степени «видимости» в переводе автора исходного текста, или же — самого переводчика за счет использования подстрочных примечаний, внутритекстовых комментариев и т. д.;

– трансредактирование (*transediting*). Включает радикальное преобразование исходного текста.

Очевидная разница между вышеприведенными переводческими тактиками в концепции Э. Честермана и Э. Вагнер и приемами, предлагаемыми В. Н. Комиссаровым и используемыми в качестве способов реализации тактики прагматической адаптации в коммуникативно-функциональной теории В. В. Сдобникова, заключается в том, что последние выполняются исключительно на лексическом уровне. Признавая справедливость теоретических воззрений зарубежных переводоведов, мы тем не менее в рамках нашего исследования будем придерживаться мнения о прагматической адаптации как о тактике, находящей свое применение исключительно в отношении культурно и национально окрашенных лексических единиц.

3.3. Тактика прагматической адаптации и специальный перевод.

Типология прагматической адаптации

Как заявлено в теме нашего исследования, прагматическая адаптация нами будет рассмотрена в качестве тактики, которая может найти свое применение и при осуществлении перевода специальных текстов. Вопреки распространенному мнению, специальный текст также может быть культурно окрашенным. Как и художественный текст, специальный текст «<...> “рождается” и “живет” в исходной культуре, и автор исходного текста создает его, находясь <...> в системе координат своей собственной культуры. Оттого и в специальном тексте, как и в художественном, могут найти применение культурные реалии, вероятность появления которых может варьировать в зависимости от тематики конкретного текста <...>» (Шамилов 2020: 22). Необходимость использования тактики прагматической адаптации возникает из-за принадлежности получателей

ИТ и ПТ к разным культурам и, как следствие, различий в фоновых знаниях. Другими словами, «у получателей [специального] перевода может не быть тех знаний, которыми располагают автор и получатели оригинала, либо их представление об определенном сегменте действительности существенно отличается от представлений представителей исходной культуры» (Шамилов, Сдобников 2015: 292). Прежде чем продолжить наши рассуждения, отметим, что несмотря на наличие среди отечественных и зарубежных исследователей разных точек зрения на то, какие материалы следует относить к области специального перевода, и не ставя перед собой цель подробного анализа существующих определений специального перевода, мы вслед за Р. К. Миньяром-Белоручевым под специальным переводом будем понимать «перевод материалов, относящихся к какой-либо отрасли знаний со своей терминологической номенклатурой» (Миньяр-Белоручев 1996: 200).

Применение тактики прагматической адаптации так или иначе отражается на содержании текста, вернее, на составе элементов информации, передаваемой в тексте, и думается, что применительно к специальному переводу можно предложить типологию прагматической адаптации, взяв в качестве критерия конкретную переводческую операцию. Стоит подчеркнуть, что сама по себе идея типологизировать прагматическую адаптацию не считается новой. Предложение выделить различные типы прагматической адаптации, в частности, можно встретить в работе финского переводоведа И. Вехмас-Лехто (Vehmas-Lehto 2002). Так, исследовательница предлагает различать следующие типы прагматической адаптации (см. [Kosonen 2011: 64]):

– добавление (*addition*). Этот тип подразумевает любого рода добавления в текст перевода, включая рисунок, дополнительный кусок текста, знак препинания, слово, фразу, придаточное предложение, абзац. Сюда же относят выделение курсивом и жирным шрифтом;

– опущение (*omission*). Этот тип прагматической адаптации прямо противоположен указанному выше и в качестве операции своей реализации предполагает опущение в тексте перевода любого из элементов, предусмотренных «добавлением» (см. выше);

– замена (*substitution*). Применение этого типа предполагает замену любого из указанных в первом типе прагматической адаптации элементов другим элементом;

– смена порядка (*change of order*). При использовании этого типа прагматической адаптации происходит перестроение элементов, но при этом состав элементов информации остается неизменным. Перестроение может иметь место как на макроуровне всего текста, так и на уровне

отдельно взятого предложения.

Предлагаемая И. Вехмас-Лехто типология прагматической адаптации обладает несомненной практической ценностью и позволяет переводчику еще более отчетливо осознавать характер и предназначение выполняемых в рамках каждого типа прагматической адаптации переводческих операций. Но, как мы уже отмечали ранее, в рамках специального перевода прагматическую адаптацию мы склонны рассматривать как тактику, с помощью которой должна решаться проблема перевода коммуникативно-релевантных национально-специфических элементов исходной культуры. Поэтому при построении собственной типологии прагматической адаптации мы не сможем воспользоваться четвертым типом — сменой порядка, не имеющим никакого отношения к лексической стороне переводимого текста.

Для построения собственной типологии считаем целесообразным руководствоваться типами прагматической адаптации, выделяемыми И. Вехмас-Лехто, и рассмотренными ранее переводческими приемами (операциями) по В. Н. Комиссарову. Очевидно, что каждый тип прагматической адаптации у И. Вехмас-Лехто подразумевает конкретную переводческую операцию. Три из этих операций — добавление, опущение, замена — перечислены и у В. Н. Комиссарова. Но В. Н. Комиссаров, как уже было отмечено ранее, выделяет еще две операции — генерализацию и конкретизацию, — и эти способы реализации тактики прагматической адаптации остаются неучтенными в типологии финского переводоведа.

Предлагаемая нами типология учитывает все переводческие операции, направленные на осуществление тактики прагматической адаптации при переводе специальных текстов. При отнесении конкретной операции к тому или иному типу прагматической адаптации предлагается ответить на вопрос: «Переносится или не переносится исходная реалия в текст перевода и имеется ли у этой реалии аналог (семантический или функциональный) в переводящем языке?» В зависимости от ответа на этот вопрос можно выделить следующие типы прагматической адаптации: аддитивную, омиссивную и субститутивную прагматическую адаптацию.

3.3.1. Аддитивная прагматическая адаптация

При *аддитивной прагматической адаптации* (от англ. *addition* — «добавление») исходный национально-специфический элемент или реалия переносится в ПТ с добавлением дополнительной информации. Переводческая операция, используемая в рамках данного типа, как видно из названия, — добавление.

В качестве примера можно привести перевод ингредиентов следующего рецепта для приготовления блюда и соуса (Delish: 2020):

(1) *FOR JUS*

1/4 yellow onion, thinly sliced

2 cloves garlic, minced

2 tsp. minced fresh thyme

1 1/2 c. low-sodium beef broth

2 tsp. Worcestershire sauce

FOR SERVING

6 hoagie rolls

12 slices provolone

Представленный текст предназначен как профессиональным кулинарам, т. е. специалистам, так и кулинарам-любителям, т. е. неспециалистам. При переводе этого текста на русский язык в расчете на такую же широкую аудиторию с использованием стратегии коммуникативно-равноценного перевода потребуется применение прагматической адаптации в отношении названий ингредиентов, выделенных полужирным шрифтом и незнакомых для русскоязычного получателя, прежде всего для неспециалистов. В частности, потребуется внести в текст дополнительную информацию, т. е. воспользоваться операцией «добавление». К примеру, обеспечить текст дополнительной информацией можно за счет постраничных сносок, и тогда перевод вышеприведенного текста с культурно окрашенными элементами будет выглядеть следующим образом:

ДЛЯ СОУСА

1/4 тонко нарезанной луковицы

2 измельченных зубчика чеснока

2 ч. л. измельченного свежего тимьяна

1 1/2 стакана говяжьего бульона с низким содержанием натрия

*2 ч. л. Вустерширского соуса**

ДЛЯ СЕРВИРОВКИ

6 булочек для сэндвичей

*12 ломтиков проволоне***

*Вустерширский соус (по названию английского графства Вустершир) — кисло-сладкий, слегка ферментированный английский соус, приготавливаемый на основе уксуса, сахара и рыбы.

**Проволоне (итал. *provolone*) — твердый, нежирный итальянский сыр, получаемый из коровьего молока.

Как видно из перевода, исходная реалия переносится в ПТ и

сопровождается дополнительной информацией. Снабжение дополнительной информацией необязательно должно осуществляться в форме постраничных сносок, это можно сделать и за счет внутритекстового добавления или затекстового комментария.

3.3.2. *Омиссивная прагматическая адаптация*

При *омиссивной прагматической адаптации* (от англ. *omission* — «опущение») исходная реалья не переносится в ПТ. Используемые переводческие операции — опущение, генерализация, конкретизация. Рассмотрим примеры.

Требуется в частном порядке перевести справку (*Dichiarazione*), выданную за границей, для предъявления в России по месту требования. Справка написана на итальянском языке и выдана Республикой Сан-Марино. Исходная коммуникативная ситуация по-своему уникальна. Дело в том, что ИТ не имеет своего получателя и, можно сказать, создан априорно для перевода на иностранный язык, в нашем случае — русский. В тексте внимание на себя обращает элемент информации, указанный через дробь рядом с городом и датой выдачи справки:

(2) *Serravalle, 26 aprile 2021 / 1720 d. F. R.*

Обратившись к источникам информации, в том числе в сети Интернет, переводчик обнаруживает, что под цифровым обозначением *1720* подразумевается 2021 год в летоисчислении, которое принято в Сан-Марино и берет свое начало с даты основания республики. Очевидно, подобного рода уточнение, быть может, очень важное для составителей документа, не представляется таковым для сотрудников учреждений, которым будет представлен перевод. Учитывая этот факт, целесообразным представляется опустить эту информацию в ПТ, т. е. воспользоваться омиссивной прагматической адаптацией. Перевод может выглядеть следующим образом:

г. Сerrавалле, 26 апреля 2021 г.

Можно привести еще один пример, в котором будет использована переводческая операция «опущение». Отрывок из текста *Youngsters' job preferences and prospects are mismatched* (The Economist: 2020):

(3) *The rationale for this selection was partly down to wishful thinking on the part of those surveyed (designers, actors and musical performers were three of the top 15 jobs). Youth must be allowed a bit of hope. **When Bartleby was a teenager, his ambitions were to play cricket for England and become prime***

minister; neither ambition was achieved (a lucky escape for the country on both counts).

В этом тексте речь идет о результатах опроса подростков на тему о том, какие профессии они хотели бы выбрать для себя в будущем и насколько их ожидания относительно их будущей профессии совпадают с реальной действительностью. В представленном фрагменте текста для аргументации своей точки зрения автор, в частности, прибегает к литературному персонажу — *Bartleby* (Бартлби). Эта информация, которая, безусловно, коммуникативно релевантна для исходной аудитории, вряд ли может считаться таковой для русскоговорящей аудитории. Даже если исходить из общей логики построения текста, опущение в переводе целого предложения, не содержащего в себе коммуникативно-релевантной информации, никак не скажется на общем содержании текста, наоборот — только поспособствует лучшему пониманию со стороны русскоязычной аудитории. Итак, в переводе прагматически адаптированный фрагмент за счет операции «опущение» будет выглядеть следующим образом:

Мотивы такого выбора подростков отчасти объяснялись тем, что желаемое принимается за действительное (по мнению подростков, дизайнеры, актеры, певцы и музыканты входят в 15 лучших профессий). Молодежь склонна романтизировать свою будущую жизнь.

Можно привести пример, в котором будет использована переводческая операция «конкретизация». Объектом перевода выступает статья на итальянском языке *I 4 Problemi che Impediscono all'Italia di Uscire dalla Trappola della Crescita Lenta*, опубликованная на новостном портале «ТИСКАЛИ ньюз» (TISCALI news: 2018). В частности, в статье имеется следующий отрывок

*(4) Di fronte a questa analisi il Financial Times ha posto agli intervistati un quesito: la manovra varata dal **governo gialloverde** va nella direzione di risolvere i problemi strutturali che impediscono all'Italia di crescere?*

В указанном фрагменте имеется реалия, которая понятна только носителям языка — *governo gialloverde*. Дословно это словосочетание переводится как «желтозеленое правительство» и образовано оно от двух итальянских слов, обозначающих «желтый» (*giallo*) и «зеленый» (*verde*) — цвета правительства недавнего премьер-министра Италии Джузеппе Конте. Для широкого круга незнакомых с этой реалией русскоязычных получателей перевода целесообразным представляется конкретизация

правительства с указанием его главы. Тогда получаем:

До начала проведения опроса сотрудники газеты «Файненшл Таймз» (Financial Times) обратились к респондентам со следующим вопросом: «Как Вы думаете, политический курс, выбранный правительством Джузеппе Конте, направлен на решение структурных проблем, мешающих экономическому развитию Италии?»

Как видно из перевода, исходная реалия — «желтозеленое правительство» — в текст перевода не переносится.

3.3.3. Субститутивная прагматическая адаптация

При субститутивной прагматической адаптации (от англ. *substitution* — «замена») исходная реалия в ПТ не переносится, а заменяется ее семантическим или функциональным аналогом в ПЯ. Переводческая операция, как видно из названия, — замена.

Классическими примерами практической реализации субститутивной прагматической адаптации в специальном переводе являются случаи замены чуждых русскоязычному получателю единиц измерения различных величин, например, принятых в британской и американской системах мер, их соответствиями в русском языке и конвертирования выраженных ими значений. Однако в специальных текстах культурно и /или национально маркированный элемент может являться конкретным результатом развития одной и той же научной мысли, одного и того же открытия, изобретения, события (Шамилов 2020: 22). Рассмотрим конкретный пример из области химии. Переводу подлежит текст под названием *What is the Periodic Table of the Elements* (материал взят из учебного пособия В. П. Смекаева «Современный технический перевод» [Смекаев 2014: 136–140]). Текст оригинала, рассчитанный на широкую читательскую аудиторию, в переводе по установке заказчика предназначен исключительно неспециалистам, — информация, которая будет передана в ПТ, будет использована при подготовке статьи для энциклопедии по химии для школьников. Подобная установка от заказчика обуславливает использование в переводе стратегии переадресации. В ИТ имеется следующий фрагмент:

(5) The 38 elements in groups 3 through 12 of the periodic table are called “transition metals”.

Многим из тех, кто владеет базовыми познаниями о том, как устроена Периодическая система химических элементов Д. И. Менделеева, подобное утверждение из представленного фрагмента может показаться

странным и ошибочным. Однако это не так, поскольку в ИТ представлена так называемая длинная, или длиннопериодная форма таблицы Менделеева, и вся информация в тексте подается на основе именно этой версии таблицы, которая, кстати говоря, утверждена в качестве основной Международным союзом теоретической и прикладной химии еще в 1989 году. Несмотря на то, что длиннопериодная таблица используется в российской академической среде, как и везде в мире, в России довольно широко продолжают применять и короткопериодную таблицу, известную нам всем из школьных учебников по химии и встречающуюся сегодня преимущественно в справочниках и пособиях. Учитывая это обстоятельство, а также коммуникативную ситуацию, в которой осуществляется перевод, установку заказчика и конкретную целевую аудиторию — школьников, целесообразным представляется при переводе указанного выше фрагмента воспользоваться субститутивной прагматической адаптацией и передать в ПТ информацию, руководствуясь расположением элементов, — в частности переходных металлов, в короткопериодной таблице Менделеева. Перевод фрагмента может выглядеть следующим образом:

38 элементов, расположенных в побочных подгруппах каждой из 8 групп, называются переходными металлами.

Как видно из перевода, произошла замена одних элементов информации другими. Кроме того, от переводчика потребуются произвести также и графическую замену, т. е. заменить исходную длиннопериодную таблицу на короткопериодную, что также будет способствовать реализации стратегии переадресации и достижению общей цели перевода в данной конкретной коммуникативной ситуации.

4. Заключение

В результате проведенного исследования нам удалось построить типологию прагматической адаптации, которая учитывает теоретические воззрения предшественников, касающиеся практической стороны явления прагматической адаптации, и представляет собой результат объединения опыта и достижений по данному вопросу отечественного и зарубежного переводоведения. Полученные результаты подтвердили детерминированность применения прагматической адаптации как отдельной переводческой тактики, используемой для реализации стратегии коммуникативно-равноценного перевода и стратегии переадресации, особенностями коммуникативной ситуации специального перевода. Предложенная типология может оказаться полезной при обучении студентов специальным видам

перевода и будет способствовать более четкому пониманию особенностей практической реализации прагматической адаптации.

Список литературы / References

- Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. [Garbovskiy, Nikolay K. (2007) *Teoriya perevoda: uchebnik* (Translation Theory: a Coursebook). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian)].
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. [Zherebilo, Tatyana V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (A Dictionary of Linguistic Terms). 5th ed., revised and expanded. Nazran': ООО Pilgrim. (In Russian)].
- Захарова Л. Д. Прагматическая адаптация // Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. ред. М. Б. Паренко М.: ИНИОН РАН, 2010а. С. 142–144. [Zakharova, Larisa D. (2010a) *Pragmaticheskaya adaptatsiya* (Pragmatic Adaptation). In Rarenko, Maria B. (ed.), Department of Linguistics (ed.) *Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyy opyt). Terminologicheskiy slovar'-spravochnik* (Basic Notions of Translation Studies (Russia's Experience). Terminological Dictionary and Reference Book). Moscow: INION RAN, 142–144. (In Russian)].
- Захарова Л. Д. Прагматика перевода // Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. ред. М. Б. Паренко М.: ИНИОН РАН, 2010б. С. 140–142. [Zakharova, Larisa D. (2010b) *Pragmatika perevoda* (Pragmatics of Translation). In Rarenko, Maria B. (ed.), Department of Linguistics *Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyy opyt). Terminologicheskiy slovar'-spravochnik* (Basic Notions of Translation Studies (Russia's Experience). Terminological Dictionary and Reference Book). Moscow: INION RAN, 140–142. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. [Komissarov, Vilen N. (1990) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* (Translation Theory (Linguistic Aspects): a Coursebook for Institutes and Foreign Language Schools). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. [Min'yar-Beloruhev, Ryurik K. (1996) *Teoriya i metody perevoda* (Translation Theory and Methods of Translation). Moscow: Moskovskiy Litsey. (In Russian)].
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. [Nelyubin, Lev L. (2003) *Tolkovyyu perevodovedcheskiy slovar'* (An Explanatory Dictionary of Translation Studies). 3rd ed. revised. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск: БГУ, 2009. [Norman, Boris Yu. (2009) *Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov): kurs lektsiy* (Linguistic Pragmatics (a Case Study of Russian and Other Slavic Languages): Lecture Course). Minsk: BGU. (In Russian)].
- Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: АСТ: Восток–

- Запад, 2007. [Sdobnikov, Vadim V., Petrova, Olga V. (2007). *Teoriya perevoda: uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* (Translation Studies: a Coursebook for Students of Linguistic Universities and Schools of Foreign Languages). Moscow: AST: Vostok–Zapad. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: Флинта: Наука, 2015. [Sdobnikov, Vadim V. (2015). *Perevod i kommunikativnaya situatsiya: monografiya* (Translation and Communicative Situation: Monograph). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Шамилов Р. М., Сдобников В. В. Прагматическая адаптация как одна из тактик специального перевода // Многоязычие в образовательном пространстве: сб. ст. / ред. Л. М. Малых, Н. М. Шутова, Д. И. Медведева. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2015. Вып. 7. С. 289–296. [Shamilov, Raviddin M., Sdobnikov, Vadim V. (2015). *Pragmaticheskaya adaptatsiya kak odna iz taktik spetsial'nogo perevoda* (Pragmatic Adaptation as a Tactic of Translating Special Texts). In Malyykh, Liudmila M., Shutova, Nella M., Medvedeva, Diana I. (eds.) *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve: sb. st. Vyp. 7*. (Multilingualism in Educational Space: Collection of Papers). Izhevsk: Izdatel'skiy tsentr "Udmurtskiy universitet", 7, 289–296. (In Russian)].
- Шамилов Р. М. Структура и алгоритм процесса специального перевода (коммуникативно-функциональный подход): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Нижний Новгород, 2018. [Shamilov, Raviddin M. (2018) *Struktura i algoritm protsessy spetsial'nogo perevoda (kommunikativo-funktsional'nyy podkhod)* (Structure and Algorithm of Specialized Translation Process (Communicative and Functional Approach)): PhD Thesis (in Philology). Nizhny Novgorod (In Russian)].
- Шамилов Р. М. О готовности преподавателей перевода учитывать культурный фактор при обучении специальным видам перевода // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: сб. тезисов IV Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием, Нижний Новгород, 10–11 октября 2020 г. / отв. ред. А. В. Иванов. Нижний Новгород: НГЛУ, 2020. С. 21–22. [Shamilov, Raviddin M. (2020). *O gotovnosti prepodavateley perevoda uchityvat' kul'turnyy faktor pri obuchenii spetsial'nym vidam perevoda* (On Availability of Translator Trainers to Consider the Cultural Factor When Teaching Specialized Translation). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Perevod i kul'tura: vzaimodeystvie i vzaimovliyanie: sb. tezisov IV Obshcherossiyskoy nauchnoy onlayn-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Nizhnij Novgorod, 10–11 oktyabrya 2020 g.* (Translation and Culture: Interaction and Intercorrelation: Proceedings of IV All-Russian Scientific Online Conference with International Participation, Nizhny Novgorod, October 10–11, 2020). Nizhny Novgorod: NGLU, 21–22. (In Russian)].
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. [Shveytser, Aleksandr D. (1973) *Perevod i lingvistika (Gazetno-informatsionnyy i voenno-publitsisticheskiy perevod)* (Translation and Linguistics. (Journalistic-Informative and Military-Publicistic Translation)). Moscow: Voenizdat. (In Russian)].
- Chesterman, Andrew & Wagner, Emma. (2002) *Can Theory Help Translators? (A dialogue between the ivory tower and the wordface)*. Manchester, UK & Northampton, MA: St. Jerome Publishing.
- Klaudy, Kinga. (2007) Sociolinguistics of Translation. *Studia Slavica*, 52 (1–2), 229–234.

- Kosonen, Panu. (2011) *Pragmatic Adaptation in Translating Skeptics vs Creationists: a Formal Debate from English into Finnish*: Master's thesis. Jyväskylä.
- Nazemi, Baran. & Taki, Saeed. (2017) Pragmatic Adaptation as a Requirement in Translation: A Case of Persian and English Versions of *The Shah*. *International Journal of English Language & Translation Studies*, 5 (1), 08–14.
- Vehmas-Lehto, Inkeri. (2002) Kopiointia vai kommunikointia? Johdatus käännteoriaan [Copying or communication? An introduction to translation theory]. Helsinki: Oy Finn Lectura Ab. (In Finnish).
- Zauberga, Ieva. (1994) *A Concise Course of Translation Studies*. Riga: Latvijas Universitāte, Sastatāmās valodniecības katedra.

Иллюстративный материал / Illustrations

- Смекаев В. П. Современный технический перевод. Учебное пособие. Английский язык. М.: Р.Валент, 2014. [Smekaev, Viktor P. (2014) *Sovremennyy tekhnicheskiy perevod. Uchebnoe posobie. Angliyskiy yazyk* (Modern Technical Translation. A Coursebook. English). Moscow: R.Valent. (In English)].
- Best-Ever French Dip. (2020, October 30). *Delish*. Retrieved from <https://www.delish.com/cooking/recipe-ideas/a26147072/french-dip-recipe/>.
- I 4 Problemi che Impediscono all'Italia di Uscire dalla Trappola della Crescita Lenta. (2018, November 28). *Tiscali News*. Retrieved from <https://notizie.tiscali.it/economia/articoli/Ecco-i-4-problemi-che-impediscono-Italia-di-crescere/>.
- Youngsters' Job Preferences and Prospects are Mismatched. (2020, February 15). *The Economist*. Retrieved from <https://www.economist.com/business/2020/02/13/youngsters-job-preferences-and-prospects-are-mismatched>.

УДК 1751

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-107-123

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ

Юйхань

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
Педагогический университет Внутренней Монголии, Китай

В статье исследуется лингвокультурологический феномен заимствования английских слов в китайском и русском языках в коммерческой сфере как следствие растущего влияния английского языка в контексте глобализации. Явление англификации не обошло стороной Китай и Россию, поскольку английский язык — универсализированный инструмент общения в деловой, коммерческой, внешнеэкономической сферах. Цель настоящего исследования — рассмотреть одну из наиболее уязвимых к заимствованию область коммерческой терминологии, а также лексику, связанную с торговой деятельностью.

В данной работе даётся обзор особенностей фонетических заимствований из английского языка в русском и китайском языках, представлены примеры заимствований из сферы торговых отношений. Также приводится классификация, частью которой является коммерческая лексика. Рассматриваются причины проникновения англоязычных заимствований в исследуемые языки. Обозначена проблема, сущность которой сводится к тому, что обе страны в какой-то мере обеспокоены влиянием английского языка, которое может представлять угрозу самобытности родного языка. При нынешней политике, направленной на интеграцию в мировую экономику, можно ожидать, что это влияние будет только усиливаться. Сделан вывод о том, что в контексте коммерческих отношений между странами англицизмы вытесняют русскоязычную лексику в большинстве случаев. И хотя в повседневном общении это происходит значительно реже, однако прослеживается тенденция полного замещения профессиональной терминологии, и она будет нарастать. Вместе с тем авторы уверены, что проникновение англицизмов в некоторых сферах не может угрожать языковой системе в целом.

Ключевые слова: англоязычные заимствования; русский язык; китайский язык; классификация заимствований; фонетические заимствования; коммерческие термины; заимствования в коммерческой сфере; заимствования в торговой сфере.

English Borrowings in the Russian and Chinese Languages in the Sphere of Trade

Yuhan

RUDN University, Moscow, Russia
Inner Mongolia Pedagogical University, China

The article examines the linguistic and cultural phenomenon of borrowing English words in the Chinese and Russian languages in the commercial sphere as a consequence of the growing influence of English in the context of globalization. Today English has become common in

every country, and more and more people are beginning to speak English. Sometimes this interest is prompted by a desire to explore international culture and to travel. However, with increasing frequency, the knowledge of English is seen as necessary for professional work, because English has become a universal tool of communication in business, commerce, and international trade. This phenomenon of Anglicization is definitely present both in China and Russia, and the article looks at the vocabulary sphere which is especially vulnerable to borrowings: that of commercial and trade terminology.

The article gives a review of phonetic borrowings from English into Chinese and Russian, focusing on the specific character of borrowings in Chinese in connection with peculiarities of the script and sounds. It also presents respective examples of borrowings in the sphere of trade, seeks to understand why English terms are borrowed into both languages, and introduces the classification by K. Palmgren which includes commercial borrowings. The author recognizes that both China and Russia are somewhat concerned about the impact of English on their languages, feeling that the increased influx of English words and phrases may pose a threat to their future development and even potentially slow it down. The influence of English on modern Chinese and Russian languages is undoubtedly significant, and, with current policy, aimed at integration into the world economy, this influence is only expected to grow. In the context of increasing commercial connections between the countries, Anglicisms continue to replace the Russian vocabulary. However, it primarily concerns the vocabulary of trade and commerce, while in daily communication English borrowings are used much more rarely. Thus, the author concludes that, although there is a tendency toward fully replacing Russian trade and commercial terms with those of English origin and, in all probability, this tendency will only be expanding, such penetration of Anglicisms into separate spheres doesn't threaten the integrity of the language system as a whole.

Key words: English borrowings; Russian language; Chinese language; classification of borrowings; phonetic borrowings; commercial and trade terminology; borrowings in commercial sphere.

1. Введение

В настоящее время мир находится в процессе активного развития новых технологий, которое началось примерно с 60-х годов XX века, когда произошла третья научно-техническая революция — её ознаменовали появление ЭВМ, промышленной робототехники и т. д. Бурное развитие науки и техники связано со стремительным появлением английских слов, которые ускоряют процесс передачи информации и делают его более ёмким и эффективным.

В данной статье мы уделяем особенное внимание коммерческим терминам, а также названиям товаров и словам, связанным со сферой торговли, которые «пришли» из английского языка в русский и китайский языки. Такие слова принято называть заимствованиями или англицизмами. В русском языке имеются заимствования и из других языков, например, из французского, немецкого, но наиболее распространённые — это англоязычные заимствования. Преваляирование англоязычных заимствований ха-

рактенно и для других языков, что обусловлено рядом причин, исторических и межкультурных.

Постоянное пополнение русского языка англицизмами, которое началось в конце XX века, привело к тому, что сегмент английских заимствований становится похож на словарный состав других стран Западной Европы.

Как известно, слова заимствуются избирательно и в границах одной языковой группы. Заимствованные слова распределяются между стилевой функциональностью и жанром речи, то есть заимствованные английские слова добавляются посредством текстовых различий в посыле мысли. Последние научные исследования в этой области позволяют говорить и о разных видах дискурса. К примеру: художественные тексты содержат до 6 % англицизмов, средства массовой информации — до 30 %, научная литература — до 22 %, повседневное общение — до 9 %, бизнес-сфера — до 14 %.

Целью настоящей статьи является анализ количественного и качественного состава англоязычных фонетических заимствований в русском и китайском языках в сфере торговли и определение их влияния на родные языки.

Тема англоязычных заимствований многогранна и интересна, актуальность исследований в данной сфере неисчерпаема. Заимствования достаточно развёрнуто рассматриваются во множестве лингвистических исследований. Учёные предлагают ряд классификаций англоязычных заимствований, рассматривают историю и специфику вхождения англицизмов в родные языки разных стран. Значимость изучения, анализа, классификации, проведения современных дополнительных исследований данного явления обусловлены самим временем, так как развитие языка не стоит на месте. Межкультурное взаимодействие между странами растёт из года в год. Даже в условиях пандемии 2020 года, несмотря на закрытие границ для туристических перемещений, международное сотрудничество в сфере бизнеса для многих компаний продолжалось (сохранилось). Наличие современного материала по теме заимствований в русском и китайском языках в торговой сфере особенно важно. Можно отметить тот факт, что в последнее десятилетие компании, ведущие международные операции, следуют стандартной терминологии, а это в свою очередь оптимизирует качество коммуникации между сторонами. Поэтому поддержание актуальной лексической базы англицизмов важно для любого языка в мире.

Заимствования из английского языка в русском языке рассматриваются в трудах многих авторов. Например, М. А. Брейтер говорил о неосознанном использовании англицизмов в русской речи без знания их перево-

да, а также считал, что заимствованные слова сверх принятой нормы со временем будут исчезать из языковой системы русского языка (Брейтер 1997: 134). Работа В. В. Виноградова (Виноградов 1982) представляет интерес с точки зрения исторической справки о проникновении иностранных заимствований в русский язык не только из английского языка, но и из других языков. Э. Ф. Володарская изучает не только заимствования английских слов непосредственно из английского языка, но в том числе и через другие языки, а также заимствования русских слов в английском языке (Володарская 2002). А. И. Дьяков занимался анализом причин интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке, составил словарь англицизмов (Дьяков 2018). Также заслуживают внимания труды исследователей: О. С. Егоровой (Егорова 2011), Л. П. Крысина (Крысин 2000), А. А. Стрельцова (Стрельцов 2013) и др. Англоязычные заимствования в экономической сфере исследуются в работах А. Н. Тихоновой и А. Ш. Яруллиной (Тихонова, Яруллина 2018), Ю. В. Балакиной и Е. М. Висилицкой (Балакина, Висилицкая 2014), С. Г. Апетян (Апетян 2011).

Тема заимствований в китайском языке также хорошо исследована и в научном поле присутствует большое количество работ по данной тематике. И. В. Горелов предложил классифицировать заимствования в китайском языке на фонетические, семантические, фонетико-семантические, а также особняком выделил в классификации вторичные заимствования (Горелов 1984). П. Дж. Митчелл и А. Н. Зарубин исследуют феномен чинглиш, т. е. пиджин на основе английского языка, на котором говорят носители китайского языка (Митчелл, Зарубин 2013). А. А. Хаматова рассматривала влияние информатизации и глобализации на качество заимствований иностранных слов в китайском языке (Хаматова 2016). Ху Пэйпэй провёл исследования на тему вариативности перевода англоязычных заимствований в китайском языке (Пэйпэй 2012). Также стоит отметить работы Ли Сяобай и Е. В. Полищук (Сяобай, Полищук 2016, 2018), И. Д. Кленина и В. Ф. Щичко (Кленин, Щичко 2013), Б. Качру (Качру 2012), В. В. Иванова (Иванов 1973), Т. И. Черемисиной (Черемисина 2017), Ю. А. Болсуновской, Т. У. Матназарова и Л. М. Болсуновской (Болсуновская, Матназаров, Болсуновская 2015), В. Н. Тюленевой (Тюленева 2016), А. Л. Семенас (Семенас 1992).

2. Характеристика материала и методов исследования

При подготовке данной статьи были использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, описательный, сопоставительный, анализ, синтез, классификация, обобщение, прогнозирование.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Согласно мнению Браджа Качру, основоположника теории концентрических кругов, страны, использующие английский язык, следует распределить по трём кругам: внешнему внутреннему и расширяющемуся. Внутренний круг представлен носителями английского языка, мигрировавшими из Англии в другие страны, внешний круг — прошлыми колониями Англии, расширяющийся круг — странами, где английский язык служит языком межкультурной коммуникации. Россию и Китай можно отнести к расширяющемуся кругу (Kachru 1985). С данной классификацией можно однозначно согласиться. Русские люди в течение многих лет торговали с разными народами мира, осуществляя при этом культурные и общественные взаимоотношения.

Можно выделить следующие направленные факторы словарного заимствования, которые обусловили внедрение конкретных торговых англицизмов в терминах всего мира:

– Потребность в определенном термине для новой вещи или нового события. К примеру, на рынке появляется новый профессиональный навык — профессия дилера. *Dealer* (англ.) — физическое или юридическое лицо, которое занимается определенными посредническими операциями.

– Такая вещь или событие получает потребность в кратком выражении, а ни в коем случае не в предложении, в результате русский язык получает краткий, но понятный термин взамен длинного описания. Примером можно назвать слово «аутсорсинг». *Outsourcing* (англ.) — получение отдельной ресурсной базы путем привлечения определенных источников ресурсов.

– Необходимость уточнить конкретное понятие, например, «бренд» (*brand*) — марка, которая пользуется повышенным спросом у покупателя.

– Привлечение иностранных специалистов для работы в национальной компании.

– Интенсивное развитие международных отношений РФ с англоговорящими странами.

– Участие в международных событиях, таких как выставки, конференции, форумы, саммиты и др. (Болсуновская, Матназаров, Болсуновская 2015).

Слова, в последнее время проникшие в русский язык через устные и письменные источники, действительно, относятся к области бизнеса и экономики: стейкхолдер (англ. *stakeholders* — «влиятельные игроки»), бренд (англ. *brand* — «марка, бренд»), дилер (англ. *dealer* — «дилер»), драфт (англ. *draft* — «набросок, черновик»), инвойс (англ. *invoice* — «счёт-фактура»), бизнес (англ. *business* — «бизнес, торговля»), дедлайн (англ.

deadline — «крайний срок») и т. д. Наличие таких унифицированных понятий в общении с партнёрами по бизнесу доказывает эффективность и необходимость внедрения заимствований в сферу бизнеса.

Катри Палмгрен включает англоязычные заимствования из коммерческой (торговой) сферы в одну большую группу экономических заимствований (Палмгрен 2007). Эта группа представлена коммерческими терминами (самая многочисленная), финансовыми терминами и экономическими терминами и словами. К разновидности коммерческих терминов относятся термины торговли, купли и продажи товаров (Цисян 2015).

Чаще всего заимствованные английские слова в русскоязычной торговой среде представлены фонетическими заимствованиями. Метод такого заимствования называют транскрипцией. «Транскрипция — заимствование словарной единицы, при котором сохраняется ее звуковая форма, иногда несколько видоизмененная» (Семченко 2021).

Приведём ряд примеров англоязычных заимствований в коммерческой сфере русского языка:

– стартап (от англ. *start-up*) — в значении «новая, недавно созданная фирма или компания; особ. интернет-компания» (Дьяков 2021);

– реэкспорт (*re-export*) — «обратный вывоз ранее ввозимых товаров» (Дьяков 2021);

– лид (*lead*) — «потенциальный клиент, тем или иным образом отреагировавший на коммуникацию» (Дьяков 2021);

– сиф (*CIF*) — «Термин “Стоимость, страхование и фрахт” означает, что продавец выполнил поставку, когда товар перешел через поручни судна в порту отгрузки. Продавец обязан оплатить расходы и фрахт, необходимые для доставки товара в указанный порт назначения, НО риск потери или повреждения товара, как и любые дополнительные расходы, возникающие после отгрузки товара, переходят с продавца на покупателя» (Правила Инкотермс 2000);

– чек-трейдинг (*check trading*) — «Выпуск торговой фирмой чеков определённой стоимости, которые покупатель может приобретать с оплатой в рассрочку и обменивать на товары в магазинах данной фирмы» (Дьяков 2021);

– холдинг (*holding*) — «1. част. эк. Головная акционерная компания, использующая свой капитал для приобретения контрольных пакетов акций других компаний с целью установления контроля над ними. 2. эк. Владение акциями и т. п. как процесс, так и конкретный объект» (Дьяков 2021);

– бизнес-план (*business plan*), контракт (*contract*), директор (*director*), клиринг (*clearing*), рентинг (*renting*), менеджер (*manager*), логистика (*logis-*

tics), продукт (*product*), спонсор (*sponsor*), кредит (*credit*), промоушн (*promotion*) и другие.

Англицизм легко распознать по суффиксам, окончаниям, приставкам. Например: –инг (*ing*) — фитинг, беттинг, –овер (*over*) — овердрафт, –ре (*re*) — рерайт, –мент (*ment*) — менеджмент, –ер (*er*) — девелопер, –ор (*or*) — ментор.

Продолжая и дополняя вышеприведенную информацию, будет правильным обозначить факт наличия солидного объема английских фонетических заимствований в сфере внутренней торговли, а именно в названии магазинов, шоурумов и прочих торговых организаций. Иногда такие заимствования идентичны английскому слову не только фонетически, но и графически, а иногда в качестве названия употребляется русское слово.

Приведём примеры: секонд-хенд (от англ. *second-hand*) — в обоих языках обозначает магазин, где можно приобрести одежду бывшую употребления, *fix-price* (полностью фонетически ассимилированный вариант несмотря на применение названия на языке оригинала) — употребляется для обозначения магазинов с выгодными ценами, *Pretty woman* (название женского магазина одежды), барбершоп — от англ. *barbershop* (место для стрижки мужчин и продажи для них соответствующих товаров).

У англицизмов может быть несколько путей дальнейшего развития в новой языковой системе.

Термины, использование которых характерно исключительно для представителей определённой профессии, скорее всего, не станут часто используемыми словами. Например, новое слово «роялти» (от англ. *royalty*) имеет достаточно специфичное значение — «выплаты продавцу, которые связаны с использованием им лицензионного соглашения».

Некоторые заимствованные слова, возможно, просто исчезнут, так как явления, которые они обозначают, больше не будут актуальны в современной действительности. Например, мы всё реже замечаем в употреблении понятие «ваучер» (от англ. *voucher*), обозначающее документ-чек для участия в приватизации.

Коммерческие понятия, наоборот, начнут ещё более активно проникать и укрепляться в ежедневном общении. Многие коммерческие термины уже сейчас широко используются в обиходе (брокер, дефолт, инвестор, краудфандинг, дистрибьютор и другие). Ряд учёных считают, что такая ассимиляция негативно скажется на системе русского языка (Дьяков 2018). Но важно заметить, что некоторые из этих понятий определяют предметы или явления более точно, нежели их эквиваленты в родном языке. Более того, говоря о сохранности русского языка, необходимо иметь в виду принятые в 2020 году поправки в Конституцию РФ, которые включают ряд

положений в защиту русского языка. В тексте принятых поправок содержится однозначное утверждение: «Российская Федерация гарантирует всем её народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (Новый текст Конституции РФ с поправками).

Таким образом, можно утверждать, что современные англицизмы оказывают колоссальное влияние на русскую речевую культуру в силу своей новизны и широкого применения в ежедневном общении. Изучая заимствованные слова, мы глубже проникаем в наш собственный язык. К тому же знание англицизмов способствует развитию международной коммуникационной культуры.

Обратимся к англоязычным заимствованиям в китайском языке. Исторический контекст появления заимствований здесь связан с коммунистическим курсом с его политикой изоляции страны от внешнего мира. Иностраные научно-технические исследования попадали в Китай в виде японских переводов (Pan 2016: 272). Установление прямых контактов с западными государствами не входило в планы Коммунистической партии Китая. Пересмотр политики изоляции начался после проведения реформ в конце 70-х годов прошлого века. Решение о налаживании более тесного взаимодействия с Западом было принято в первую очередь для модернизации науки и техники. Когда Китай стал частью глобализирующегося мира, иностранные термины и понятия начали проникать в КНР. Это также ознаменовало начало широкомасштабного присутствия английского языка в Китае (Ping 2015: 533–538). Проникновение заимствований из английского языка в китайскую лексическую систему происходило в первую очередь в следующих сферах:

– коммерческая деятельность. Большое количество англицизмов появилось в китайском языке после вступления во Всемирную торговую организацию в 2001 году. Новые слова были связаны с бизнес-сферой и обозначением товаров, поставляемых в Китай из других стран. Например: *hamburger* — *hànbǎobāo* 汉堡包, *hotdog* — *règǒu* 热狗.

– наука, техника и информационные технологии. Например, *black hole* — *hēidòng* 黑洞 (черная дыра), *nano technology* — *nànmǐjìshù* 纳米技术 (нанотехнологии) (Cao 2015).

Обратимся к терминам, которые так или иначе связаны с торговлей, а также рассмотрим классификацию заимствований. В силу специфики китайского письма мы приводим классификацию английских фонетических заимствований:

1. Фонетические заимствования — повторяют внешнюю звуковую оболочку заимствуемого слова, то есть передают звучание. Они не отличаются большой точностью, так как фонетика китайской и английской

языковых групп существенно различается. Многие английские слоги и звуки речи с трудом вписываются в китайскую фонетику и звучат непривычно, поэтому требуется подвергнуть их фонологической адаптации. Китайская транслитерация воспроизводит исходное английское слово лишь приближенно.

Еще одна трудность касается различных систем письма. Для записи транслитерированного слова выбираются китайские иероглифы, «воспроизводящие» фонетику исходного английского слова. К тому же китайские иероглифы передают определённое семантическое значение, которым приходится пренебрегать в заимствованном слове.

Заимствования в китайском языке заметно отличаются от заимствований в русском языке. Если в русском языке некоторые англицизмы из торговой сферы практически полностью реплицируют фонетическую форму английского слова, то в китайском это не так, и некоторые английские слова, ставшие частью русской речи, не находят такого же отражения в китайском языке. Приведем пример часто употребляемого англицизма *marketing* (маркетинг). В китайском языке это слово звучит совершенно иначе: 营销 (*yíng xiāo*). Слово *office* (офис) в китайском воспроизводится как 办公室 (*bàn gōng shì*). То есть в китайском языке замещение этих универсальных понятий английским заимствованием не произошло.

Среди примеров более-менее точных фонетических заимствований можно выделить следующие (слова, которые касаются непосредственно наименований товаров): 阿司匹林 [*āsīpīlín*] — *aspirin* (аспирин), 赛璐玢 [*sàilùfēn*] — *cellophane* (целлофан), 批萨 [*pīsà*] — *pizza* (пицца), 沙发 [*shāfā*] — *sofa* (софа), 皮夹克 [*píjiǎkè*] — *pea-jacket* (кожаная куртка, пиджак), 布丁 [*bùdīng*] — *pudding* (пудинг), 摩托 [*mótuō*] — *motor* (мотор), 吉他 [*jítā*] — *guitar* (гитара), 吉普 [*jípǔ*] — *Jeep* (Джип), 迷你 [*mínǐ*] — *mini* (мини-юбка), 维他命 [*wéitāmìng*] — *vitamin* (витамин), 盘尼西林 [*pánníxīlín*] — *penicillin* (пенициллин), 比基尼 [*bǐjīnǐ*] — *bikini* (бикини), 模特儿 [*mótèr*] — *model* (модель), 苏打 [*sūdà*] — *soda* (сода), 听 [*ting*] — *tin* (банка). Иногда достаточно адекватная ассимиляция наблюдается и в названиях компаний и брендов: 奥迪 [*àodí*] — *Audi*, 宝马 [*bǎomǎ*] — *BMW*, 马自达 [*mǎ zì dá*] — *Mazda*, 耐克 [*nàikè*] — *Nike*, 芬达 [*fēndá*] — *Fanta*.

2. Фонетическо-семантические заимствования — способ заимствования, в основе которого лежат и фонетический, и семантический способы заимствования одновременно. Такое заимствование состоит из двух частей: звуковая форма заимствованного слова + семантически значимый элемент (Жукаускене, Холдаенко 2015: 32–42). Например, *motorbike*

摩托车 [mótuōchē] — *мото-цикл* (фонетическая калька + «машина»), *ice cream* 冰淇淋 [bīngqílín] — *мороженое* (冰— лёд + 淇淋 — фон. запись), *shampoo* 香波 [xiāng bō] — *ароматная волна, шампунь*.

Не менее важно рассмотреть способ заимствования посредством добавления буквенных вкраплений.

В качестве буквенных вкраплений выступают:

- термины и понятия из английского языка;
- термины и понятия в китайской письменной фонетике.

Есть и тип калькирования, в котором производится смешивание латинских буквенных значений и иероглифов, например: IC卡 (IC kǎ) — *электронная карточка*. В этом примере мы также можем видеть и фонетическое заимствование (卡 (kǎ) — *card*). Другие примеры: AA制 (Algebraic Average (англ.) — *во время дружеского обеда, каждый человек платит за еду и напиток за себя*), X射线 (X-ray (англ.) — *рентген*), T恤衫 (T-shirt (англ.) — *футболка*) (Синь 2018).

Отдельное место занимает явление адаптации западных торговых компаний под китайский рынок и связанные с этим языковые нюансы. Руководители компаний и маркетологи стараются, чтобы их рекламные кампании подвергались тщательной корректировке при выходе на новый зарубежный рынок. Различные национальные культуры ассоциируются со своими принятыми манерами поведения и привычками, поэтому компании должны адаптировать свой маркетинговый комплекс к каждой стране, с учетом культурных различий. Международные торговые компании в основном предпочитают адаптировать свой бренд в соответствии со стратегическим регионом. При выходе на китайский рынок компании будут пытаться найти наиболее удачный перевод для своего бренда, маркетологи редко выбирают латинский алфавит для его названия в Китае. Компании осознают тот факт, что большая часть (менее образованные) китайцев испытывает трудности с чтением и написанием букв алфавита, а также с произношением английских слогов.

Кроме того, удачно подобранные иероглифы могут передавать клиентам дополнительный семантический смысл (Cai 2015: 7–8). Например: *Coca-cola* — Kěkǒukělè 可口可乐 — *tasty — amusing* (вкусно, здорово); *Mercedes-Benz* — Bēnchí 奔驰 — *run quickly, gallop* (бежать быстро, нестись); *Pepsi Cola* — Bǎishìkělè 百事可乐 — *hundreds of happy things* (сотни счастливых вещей); *Dove* — Duōfēn 多芬 — *many — sweet fragrance*

(сладкий аромат); *Carrefour* — *Jiālèfú* 家乐福 — *family* — *cheerful* — *happiness* (семья – бодрый – счастье); *Sprite* — *Xue bi* 雪碧 — изумрудный снег, спрайт (Синь 2018).

В то же время в китайском языке стало популярным использовать в речи англоязычные аббревиатуры. В произношении они полностью идентичны языку, из которого произошло заимствование. Например, *CD* (*compact disc*) — компакт-диск, *WTO* (*world trade organization*) — Мировая торговая организация, *CBA* (*Chinese Basketball Association*) — Китайская Ассоциация Баскетбола, *IFM* (*International Monetary Fund*) — Международный валютный фонд, *CEO* (*chief executive officer*) — директор предприятия (Ночвина 2012).

Мы провели краткий обзор заимствованных англоязычных слов и выражений, связанных с торговой областью, и пришли к выводу, что заимствования достаточно популярны, однако стоит отметить, что проникновение англицизмов началось сравнительно недавно (хотя оно и проходит стремительно [Ying 2015]). Также не стоит забывать, что иероглифическая письменность специфична и порой делает проникновение англицизмов затруднительным (Cai 2015: 3–5). Тема английских заимствований в китайском языке требует дальнейшего изучения. Точные механизмы адаптации фонетических заимствований, лежащие в основе процесса перевода, ограниченное использование фоно-семантического соответствия и вопрос, касающийся того, почему китайцами не создаются новые символы для перевода иностранных терминов, — вот основные тезисы, вокруг которых возникают вопросы. Невозможно предсказать, какие слова будут «усвоены», и какой конкретно метод будет превалировать в дальнейшем. Только носители языка могут принять решение по его изменению. Есть основания полагать, что число англицизмов в китайском языке будет расти. Об этом говорит главенствующее положение английского языка во всех сферах международных отношений, его престиж и статус.

4. Заключение

Таким образом, в связи с масштабной глобализацией, объединяющей языки и культуры нашего мира, прогнозируется увеличение количества англоязычных заимствований в рассматриваемых нами языках (китайском и русском), в коммерческой сфере в особенности, потому что процесс торговли жизненно необходим. Глобализация неизбежно приводит к обмену терминами, относящимися к торговле, науке, информационным технологиям и т. д. Приток англицизмов в системе русского языка также обоснован постоянно растущей популярностью западных стран, их образа жизни. Уподобление зачастую означает не только стремление отдельно взятых го-

сударств соответствовать научным тенденциям и последним технологиям западных стран. Ассимиляция показывает факт роста предпочтений общества во всем новейшем и зарубежном, не исключая и язык.

Необходимо отметить, что в России и Китае число людей, владеющих английским языком, не столь велико по сравнению с европейскими странами, и это несмотря на появление большого количества английских заимствований в китайском и русском языках. Многие страстные ценители родного языка осуждают заимствования, и очень часто критикуют использование иностранных слов в бытовом общении. Они пытаются различными способами указывать на возможность интерпретации любого заимствованного слова на русском языке. Безусловно, необходимо ценить и любить свою культуру и язык, но в наше время сфера коммуникации дошла до определённого уровня развития, при котором незнание минимального набора слов из английского языка может сыграть отрицательную роль. Например, если говорить о влиянии англоязычных заимствований на сферу бизнес-общения между иностранными партнёрами, то здесь они выступают в качестве фактора, оптимизирующего коммуникацию и способного повысить эффективность общения. Несмотря на очевидные различия понятий в языках, языковой барьер, нельзя не признать положительную силу интернациональных слов в деловом письме. Например, несмотря на различное содержание понятия «контракт» в русском и английском языках, благодаря международному слову *contract* ни у одной из сторон не возникнет разночтений при переводе, слово известно практически каждому русскоговорящему человеку, даже не знающему иностранного языка. В случае со словом «соглашение», которое переводится как *agreement*, мы уже не можем наблюдать фонетической идентичности, и без правильного перевода понимание этого слова будет невозможным. Наличие и использование англоязычных заимствований именно в торговой сфере может способствовать более эффективному установлению связей с новыми бизнес-партнёрами. А, как известно, некоторые успешные сделки могут оказаться судьбоносными и стать счастливым билетом для компании.

Невозможно не отметить и такой положительный момент: знание англицизмов помогает при изучении английского языка. Произносить такие слова гораздо легче, и это может стать способом преодоления барьера в виде страха при изучении иностранного языка.

В заключении стоит ещё раз отметить, что самобытность русского языка сейчас охраняется на законодательном уровне, поэтому противники англицизмов могут быть спокойны — наличие таких слов не угрожает поглощению русского языка английским. Министерство образования Китая аналогично ведёт активную политику защиты китайского языка с его деся-

тью разновидностями. В такой обстановке проникновение и ассимиляция англоязычных заимствований представляется ещё более сложным процессом.

Список литературы / References

- Апетыан С. Г. Англицизмы в структуре масс-медийного и официально-делового дискурсов: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар. 2011. [Apetyan, Svetlana G. (2011) *Anglitsizmy v strukture mass-mediynogo i ofitsial'no-delovogo diskursov: leksiko-semanticheskij i kognitivno-pragmaticheskij aspekty* (Anglicisms in Structure of Mass Media and Official Discourses: Lexical-semantic and Cognitive-pragmatic Aspects). PhD Thesis (in Philology). Krasnodar. (In Russian)].
- Балакина Ю. В., Висилицкая Е. М. Англоязычные заимствования экономической тематики в вербальном лексиконе русской языковой личности в период глобализации // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 29–34. [Balakina, Yulia V., Visilitskaya, Elena M. (2014) *Angloyazychnye zaimstvovaniya ekonomicheskoy tematiki v verbal'nom leksikone russkoj yazykovoj lichnosti v period globalizatsii* (English Borrowings from the Economic Sphere in the Verbal Lexicon of Russian Native Speakers in the Era of Globalization). *Bulletin of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 29–34. (In Russian)].
- Болсуновская Ю. А., Матназаров Т. У., Болсуновская Л. М. Русские и английские заимствования в китайском языке // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 1099–1101. [Bolsunovskaya, Yulia A., Matnazarov, Timur U., Bolsunovskaya Liudmila M. (2015) *Russkie i angliyskie zaimstvovaniya v kitayskom yazyke* (Russian and English Loan Words in the Chinese Language). *Molodoy uchenyi*, 8 (88), 1099–1101. (In Russian)].
- Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Владивосток: Диалог, 1997. [Breiter, Maria A. (1997) *Anglitsizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy* (Anglicisms in the Russian Language: History and Prospects). Vladivostok: Dialog. (In Russian)].
- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. [Vinogradov, Viktor V. (1982) *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII—XIX vv.* (Analytical Review on History of Russian Literary Language of XVII—XIX Centuries). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов. // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 96–118. [Volodarskaya, Emma F. (2002) *Zaimstvovanie kak otrazhenie russko-angliyskikh kontaktov* (Borrowings as Reflection of Russian-English Contacts). *Voprosy yazykoznaniya* (Topics in the Study of Language), 4, 96–118. (In Russian)].
- Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. [Gorelov, Vladimir I. (1984) *Leksikologiya kitayskogo yazyka* (Chinese Lexicology). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Дьяков А. И. Англицизмы русского языка: за и против // Global science. Development and Novelty. VII International Scientific Conference. 2018. Part 2. С. 49–57. [Dyakov, Anatolij I. (2018) *Anglitsizmy russkogo yazyka: za i protiv* (Anglicisms of the Russian Language: Pros and Cons). *Global science. Development and Novelty. VII International Scientific Conference*, 2, 49–57 (In Russian)].

- Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://anglicismdictionary.dishman.ru> (дата обращения: 19.04.2021) [Dyakov, Anatolij I. (2021, April 19) Slovar' anglitsizmov russkogo yazyka (Dictionary of Anglicisms in the Russian Language). Retrieved from: <http://anglicismdictionary.dishman.ru> (In Russian)].
- Егорова О. С. Тематическая классификация новых англицизмов (на материале современной российской газеты) // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. С. 137–141. [Egorova, Ol'ga S. (2011) Tematicheskaya klassifikatsiya novykh anglitsizmov (na materiale sovremennoy gazety) (Thematic Classification of New Anglicisms (Based on Material of Modern Russian Newspaper)). *Yaroslavl' Pedagogical Bulletin*, 1, 137–141. (In Russian)].
- Жукаускене Т. С., Холдаенко И. С. Заимствования в китайском языке: влияние английского языка в условиях глобализации // Текст. Книга. Книгоиздание. 2015. № 1 (8). С. 31–42. [Zhukauskene, Tatyana S., Holdaenko, Ivan S. (2015) Zaimstvovaniya v kitayskom yazyke: vliyanie angliyskogo yazyka v usloviyakh globalizatsii (Loan Words in Chinese: the Influence of English in Conditions of Globalization). *Text. Book. Publishing*, 1 (8), 31–42. (In Russian)].
- Иванов В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. М.: Наука, 1973. [Ivanov, Valentin V. (1973) *Terminologiya i zaimstvovaniya v sovremennom kitayskom yazyke* (Terminology and Borrowings in Modern Chinese Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Качру Б. Б. Мировые варианты английского языка: агония и экстаз / пер. Т. А. Ивановой // Личность. Культура. Общество. 2012. № 4 (75–76). С. 145–165. [Kachru, Braj B. (2012) *Mirovye varianty angliyskogo yazyka: agoniya i ekstaz* (World Englishes: Agony and Ecstasy) / Ivankova, T. A. (trans). *Personality. Culture. Society*, 4 (75–76), 145–165. (In Russian)].
- Кленин И. Д., Щичко В. Ф. Лексикология китайского языка. М.: Восточная книга, 2013. [Klenin, Ivan.D., Schichko, Vladmiri F. (2013) *Leksikologiya kitayskogo yazyka* (Lexicology of the Chinese language). Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russian)].
- Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни. // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под. ред. Е. А. Земской. М.: Языки русской культуры. 2000. [Krysin, Leonid P. (2000) *Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshchestvennoj zhizni* (Foreign Word in Context of Modern Social Life). In Zemkaya, Elena A. (ed.) *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* (Russian Language of the End of XX Century (1985–1995). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian)].
- Ли Синь. Заимствованная лексика в китайском и русском языках [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/36541/1/Li_Sin_Zaimstvovannaya_18.pdf (дата обращения: 19.04.2021) [Li Sin. (2021, April 19) *Zaimstvovannaya leksika v kitayskom i russkom yazykakh* (Borrowed Lexis in Chinese and Russian Languages). Retrieved from http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/36541/1/Li_Sin_Zaimstvovannaya_18.pdf (In Russian)].
- Ли Сяобай, Полищук Е. В. Англицизмы и китаификация: заимствования из английского языка и процессы их освоения в китайском языке // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2016. № 4. С. 130–135. [Li, Xiaobai, Polishchuk Elena.V. (2016)

- Anglitsizmy i kitaefikatsiya: zaimstvovaniya iz angliyskogo yazyka i protsessy ikh osvoyeniya v kitayskom yazyke (English Loanwords and Chinesization: Loanwords from the English Language and Process of Their Assimilation in Chinese). *Herald of Tver State University. Series: Philology*, 4, 130–135. (In Russian)].
- Ли Сяобай, Полищук Е. В. Заимствования из английского языка в китайском языке (методический аспект) // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4. С. 65–66 [Li Xiaobai, Polishchuk, Elena V. (2018) Zaimstvovaniya iz angliyskogo yazyka v kitayskom yazyke (Borrowings from English Language in Chinese Language (Methodical Aspect). *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya* (World of Science, Culture, Education), 4, 65–66 (In Russian)].
- Митчелл П. Д., Зарубин А. Н. Чинглиш — культурный феномен // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (19). С. 69–80 [Mitchell, Petr D., Zarubin, Aleksey N. (2013) Chinglish — kul'turnyy fenomen (Chinglish — Cultural Phenomenon). *Bulletin of Tomsk State University. Culturology and Study of Art*, 1 (19), 69–80 (In Russian)].
- Новый текст Конституции РФ с поправками [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 29.04.2021) [Novyj tekst Konstitutsii RF s popravkami (New Text of the Constitution of the Russian Federation with Amendments) (2021, April 29). Retrieved from <http://duma.gov.ru/news/48953/> (In Russian)].
- Ночвина Н. А. Заимствования и способы их адаптации в современном китайском языке. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/2012/06/19/zaimstvovaniya-i-sposoby-ikh-adaptatsii-v-sovremennom> (дата обращения: 20.04.2021) [Nochvina, Nina A. (2012) (2021, April 20) *Zaimstvovaniya i sposoby ikh adaptatsii v sovremennom kitayskom yazyke* (Borrowings and Ways of Implementing Them in Contemporary Chinese Language). Retrieved from <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/2012/06/19/zaimstvovaniya-i-sposoby-ikh-adaptatsii-v-sovremennom> (In Russian)].
- Палмгрен К. Заимствования в русском языке и в особенности английские заимствования в экономической лексике современного русского языка: дипломная работа. 2007. [Palmgren, Katri. (2007) *Zaimstvovaniya v russkom yazyke i v osobennosti angliyskie zaimstvovaniya v ekonomicheskoy leksike sovremennogo russkogo yazyka* (Borrowings in Russian Language and Especially the English Borrowings in Economic Lexis of Contemporary Russian Language). Graduate Thesis. (In Russian)].
- Правила Инкотермс 2000 [Электронный ресурс] // Первый лесопромышленный портал. URL: <http://www.wood.ru/ru/lvin00.html> (дата обращения: 21.04.2021) [Incoterms 2000 (2021, April 21). *Pervyj lesopromyshlennyj portal* (First Forest Industry Portal). Retrieved from <http://www.wood.ru/ru/lvin00.html> (In Russian)].
- Семенов А. Л. Лексикология современного китайского языка. М.: Наука, 1992. [Semenas, Alla L. (1992) *Leksikologiya sovremennogo kitayskogo yazyka* (Lexicology of Modern Chinese Language). М.: Nauka. (In Russian)].
- Семченко О. А. Способы перевода заимствований в английском языке. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789> (дата обращения: 24.04.2021) [Semchenko, Olga A. (2021, April 24) *Sposoby perevoda zaimstvovaniy v angliyskom yazyke* (The Ways to Translate Borrowings in English Language). (In Russian)].

- Стрельцов А. А. Заметки о заимствованиях // Русская речь. 2013. № 2. С. 61–65. [Streltsov, Aleksey A. (2013) Zаметky o zaimstvovaniyakh (Notes about Borrowings). *Russkaya rech'* (Russian speech), 2, 61–65. (In Russian)].
- Тихонова А. Н., Яруллина А. Ш. Англоязычные заимствования в экономической лексике русского языка. // Казанский вестник молодых ученых. 2018. № 3 (6). С. 165–168 [Tikhonova, Anastasiya N., Yarullina, Al'fiya Sh. (2018) Angloyazychnye zaimstvovaniya v ekonomicheskoy leksike russkogo yazyka (English Borrowings in Economic Lexis of the Russian Language). *Kazan Bulletin of Young Scientists*, 3 (6), 165-168 (In Russian)].
- Тюленева В. Н. Принципы адаптации заимствованной лексики в русском и китайском языках (на примере интернет-обзоров электронной техники) // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 100–104. [Tyuleneva, Vera N. (2016) Printsipy adaptatsii zaimstvovannoy leksiki v russkom i kitayskom yazykakh (na primere internet-obzorov elektronnoy tekhniki) (The Principles of Adaptation of Loanwords in Russian and Chinese Languages (On the Example of Internet Reviews of Electronic Devices)). *Pedagogic Education in Russia*, 11, 100–104 (In Russian)].
- Хаматова А. А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 14–20. [Khamatova, Anna A. (2016) Analiz inostrannykh zaimstvovaniy v sovremennom kitayskom yazyke (Analysis of Foreign Borrowings in Modern Chinese Language). *Humanitarian Research in East Siberia and in the Far East*, 3, 14–20 (In Russian)].
- Ху Пэйпэй. Английские неологизмы-заимствования в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. Москва. 2012. [Hu, Peipei (2012) *Angliyskie neologizmy-zaimstvovaniya v russkom i kitayskom yazykakh* (English Neologisms-borrowings in Russian and Chinese Languages). PhD Thesis (in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Цэнь Цисянь. Словарь иностранных заимствований китайского языка. Пекин: Шаньгу инь-шугуань, 2015. [Cen, Qixiang (2015) *Slovar' inostrannykh zaimstvovaniy kitayskogo yazyka* (Dictionary of Foreign Loans in Chinese). Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese)].
- Черемисина Т. И. Особенности динамики современного англо-китайского языкового контактирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 7 (779). С. 114–132. [Cheremisina, Tatyana I. (2017) Osobennosti dinamiki sovremennogo anglo-kitayskogo yazykovogo kontaktirovaniya (Peculiarities of Dynamics of Modern English-Chinese Language Contacting). *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 7 (779), 114–132. (In Russian)].
- Cai, Changhong et al. (2015) An Update on the Use and Management of Standard Spoken and Written Chinese. In Li Y. (ed.), *The Language Situation in China*. Berlin: De Gruyter, 3–14.
- Cao, Guangshun, Yu, Hsiao- Jung. (2015) Language Contact and its Influence on the Development of Chinese Syntax. In Wang & Sun (eds.) *The Oxford Handbook of Chinese Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
- Kachru, Braj B. (1985) Standards, Codification and Sociolinguistic Realism. The English Language in the Outer Circle. In R. Quirk and H.G. Widdowson (eds.). *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Pan, Haiying. (2016) An Overview of Chinese Language Law and Regulation. *Chinese Law and Government*, 48 (4), 271–274.
- Ping, Chen. (2015) Language Reform in Modern China. In W. Wang, & C. Sun (eds.) *The Oxford Handbook of Chinese Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 531–540.
- 石颖 简析国立编译馆对英语 译的贡献 Shi Ying (2015) Jianxi guoli bianyiguan dui Yingyu fanyi de gongxian. Lan Tai Shijie.

УДК 808.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-124-136

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФАКТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПИСЬМЕННОМ НАУЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ТЕКСТЕ (на материале англоязычных статей)

Л. В. Ягенич

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

В статье рассматривается проблема определения фактуальной информации и её значение в письменном научном медицинском тексте на английском языке. При создании текста ученый использует общие и специальные знания, учитывающие развитие медицинской науки и социума. Актуальность работы состоит в изучении влияния исторического и социального развития общества на формирование английского научного текста. Новизна исследования заключается в идентификации фактуальной информации, обусловленной экстралингвистическими факторами, которые влияют на процесс познания и получают выражение в письменном тексте. В рамках данной статьи целью исследования определяем описание видов и способов выражения фактуальной информации в письменном научном медицинском тексте на английском языке.

Фактическим материалом для изучения и анализа англоязычных статей является рандомная выборка материала с сайта PubMed, содержащего описание экспериментов, методов исследования, а также научно обоснованных результатов на английском языке. Функционирование английского языка как *lingua franca* в условиях глобализации медицинской науки делает его одним из факторов, способствующих формированию картины мира. В статье представлены результаты лингвистического и структурного анализа фактуальной информации в англоязычных статьях, которые позволили обозначить лексические и синтаксические единицы со значением места, ареала, временных рамок, способа, метода и инструментария исследования организма человека в процентном соотношении. Фактуальная информация имеет информационную насыщенность, которая приоритетно обеспечивается именами существительными и сложными предложениями. **Ключевые слова:** письменный научный медицинский текст, фактуальная информация, экстралингвистические факторы, лексические и синтаксические единицы, информационная насыщенность.

Identifying Factual Information in English Medical Texts

Larisa V. Yagenich

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

The article investigates the problem of identifying factual information in written medical texts in English and determining its prominence. Published medical research keeps doctors informed about modern trends in medical science, and while writing such articles, researchers

create texts using general as well as special knowledge, taking into account the development of the medical science and society as a whole. Since English is used as a *lingua franca* in the global medical science and is highly instrumental in creating a specific worldview, this paper examines the influence of the society's social and historical development on shaping English medical texts, focusing specifically on ways of identifying factual information included because of extralinguistic factors which impact the process of research and learning and find their expression in written texts.

The author seeks to define and describe types and ways of expressing factual information in written medical texts in English. The texts for the study were chosen randomly from the PubMed website and contained descriptions of experiments, research methods, and research results. The article presents the results of structural linguistic analysis of factual information in these texts, enabling us to identify the percentage of lexical and syntactic units which denote place, geographic range, time, methods, strategies, and tools for studying the human body. Factual information is characterized by high information density and is primarily expressed by nouns which can be identified as terms. Complex sentences also contribute to the informational density of medical texts.

Key words: written scientific medical text; factual information; types of information; extralinguistic factors; lexical and syntactic units; information density.

1. Введение

Развитие науки, цифровизация различных сфер жизнедеятельности человека, функционирование виртуальной реальности в условиях дигитализации социума продолжают оставаться важными составляющими для изучения биологического развития и функционирования организма. Человечество постоянно принимает новые вызовы в виде пандемий, генетических заболеваний, врождённых дефектов строения органов и приобретённых заболеваний. В сложившейся ситуации медицинские тексты рассматриваются как способ просвещения с целью сохранения и поддержки здоровья. Работа с научными источниками способствует формированию основ культуры в сфере здравоохранения, личной гигиены, а также пониманию современных тенденций в различных отраслях науки.

Письменный научный медицинский текст включает онтологический, методологический и аксиологический компоненты, являясь отражением познавательной деятельности учёного, создающего профильный текст для передачи результатов научного исследования и своего личного опыта с целью оказания помощи пациентам. Вербализация научных достижений, получающих выражение в аргументации, дескрипции, прескрипции, раскрывает содержание и структуру эпистемической ситуации в тексте. На этапе введения в проблему и представления условий экспериментально полученных результатов учёные допускают описание климата временных рамок происходящего, а также способов и возможностей реализации идей, обеспечивающих работу над сохранением человеческого здоровья и долголетия, в рамках исторического развития медицины. Наличие в научных

трудах обозначенной выше информации способствует полноте представления исследования, характеризует знания и экспериментальный опыт ученого и, кроме того, раскрывает основные понятия, которыми предполагаемый адресат владеет в недостаточной степени. Цель данной статьи определяем как выделение фактуальной информации в письменных научных медицинских текстах на английском языке, описание её видов и способов выражения посредством лингвистических и синтаксических единиц.

Полагаем, что лингвистический и структурный анализ письменных научных медицинских статей позволит определить экстралингвистические факторы, влияющие на формирование англоязычных текстов.

2. Характеристика материала и методов исследования

Процесс вербализации интегрирующих наук в современной системе здравоохранения позволяет рассматривать эпистемическую ситуацию в качестве значимого экстралингвистического фактора, способствующего формированию письменного научного медицинского текста. В лингвистических исследованиях текст также рассматривается как статический дискурс (Карасик 2000: 25). Научный текст является отражением процесса познания и коммуникативно-познавательной деятельности, что определяет значимость представленного междисциплинарного взаимодействия в текстах, а также является иллюстрацией условий создания научного текста (Попова 2012), который имеет определенные тематические и прагматические характеристики (Гальперин 1981). Впоследствии определение уточняется путём понимания текста как единицы письменной речи, которая является речевым произведением, обладающим смысловой и грамматической связностью, реализующим социальную задачу автора (Кожевникова 1979; Садченко 2009). Учитывая специфику профессиональной направленности научных трудов, под медицинским текстом понимаем специализированную медицинскую публикацию, раскрывающую вопросы здоровья человека и ориентированную на узкий профессиональный круг читателей, связанных с проблемами системы здравоохранения (Пономаренко, Мишутинская, Злобина 2018). В рамках данного исследования письменный научный текст в сфере медицины рассматриваем как текст, имеющий стандартные, определённые временем, нормы и правила, логически выстроенную структуру, чёткое и последовательное представление результатов исследования, однозначное и лишённое эмоциональной окраски изложение материала с использованием определённых лексических единиц (вводных слов, терминологии, сокращений и т. п.) (Cagliero, La Quatra 2020; Nwogu 1997; Rezanova, Kogut 2015).

В рамках данной работы мы обращаемся к научной статье как жанру письменного научного медицинского текста на английском языке. Следует отметить, что лингвисты исследовали различные части научной статьи, например, отдельно рассматривались особенности, структура и стиль написания аннотаций (Classification of abrupt changes... 2021; Garcia-Silva, Denaux, Gomez-Perez 2021). Аннотирование в научных статьях обеспечивает адресатам быстрое овладение и понимание новой информации. При этом корреляция между ключевыми словами, основными структурными элементами статьи, заголовком и аннотацией отражает структурно-содержательную характеристику научного исследования (Cagliero, La Quatra 2020). В процессе изучения особенностей написания научных статей учёные обращаются к проблеме корректности оформления ссылок и цитирования (Boyack, Jan van Eck, Colavizza, Waltman 2018). Необходимо заметить, что цитирование и оформление ссылок в тексте отражают связь с предыдущими исследованиями и определяют их прагматические характеристики, связанные с оценкой извлечённой информации адресатом. Происходит определение исторических и научных условий создания текста, понимание достоверности ранее полученных результатов. При этом природа развития науки способствует скоростному распространению новых идей, теорий и экспериментов. Количество обращений к статье соответствует цитированию и является подтверждением актуальности и развития этого научного направления. Совокупное количество просмотров и новых результатов, основанных на обращениях к статьям, представлены линейной функцией (Classification of abrupt changes... 2021). Коммуникативное намерение учёного, который создаёт текст, направлено на убеждение адресата в том, что его точка зрения и понимание проблемы является единственно правильными, отражают позицию автора, отношение исследователя к содержанию с оценкой материала (Rezanova, Kogut 2015). В лингвистических исследованиях раскрывается проблема влияния исторического взаимодействия на формирование терминологических систем в научных текстах разных отраслей, поэтому экстралингвистическая информация способствует полноте описания научной работы (Бачаева 2009). В условиях глобализации мировой науки считаем целесообразным учесть функционирование английского языка в роли *lingua franca*. При этом экстралингвистические факторы, которые отражены в письменном научном медицинском тексте на английском языке, влияют на полноту презентации результатов научного исследования в современной «картине мира» в сфере медицины.

Таким образом, письменный научный медицинский текст рассматриваем как статический структурированный медицинский дискурс, обла-

дающий тематическими и прагматическими аспектами, соответствующий правилам и нормам воплощения в тексте эпистемической ситуации.

Обнародование результатов исследования является основной задачей научных текстов, поскольку учёным представляется возможным передать приобретённый опыт, описать изученную проблему, представить результаты проведённых экспериментов. В связи с интенсивным развитием медицины как науки в текстах прослеживаются такие тенденции, как многопрофильность, конвергентность, интегрированность, что подтверждается употреблением терминов в различных сферах медицинского направления (Пономаренко, Мишутинская, Злобина 2018; Мошкина 2011). Следует отметить, что процесс формирования письменного научного медицинского текста подвергается воздействию таких экстралингвистических факторов, как историческое развитие социума, достижения науки и техники. При этом сочетание лингвистических и экстралингвистических факторов неизбежно ведёт к появлению информационной плотности (Матвеева 2014).

В соответствии с теорией И. Р. Гальперина о трёх видах информации в рамках данного исследования полагаем необходимым изучить содержательно-фактуальную информацию, которая представляет факты, события, процессы. Под фактуальной информацией понимаем дескрипцию явлений действительности и их взаимосвязь, выражающую осмысление автором картины мира, которая соотносится с эмпирическим уровнем познания (Гальперин 1981). Полагаем, что определение следует дополнить, интерпретируя фактуальную информацию как сообщение о фактах, событиях, процессах в настоящем, прошлом или будущем, о реальных и воображаемых мирах; при этом единицы языка, передающие содержательно-фактуальную информацию, употребляются в их предметно-логических значениях.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В рамках нашего исследования медицинского научного текста обращаемся к фактуальной информации, отражающей факты, временные параметры, описание процессов, обеспечивающих получение экспериментальных данных. Анализ англоязычных статей позволил нам определить экстралингвистические факторы как область научного развития, активно представляющую вербальные описания научного прогресса в определённом ареале с временной привязкой для реализации исследований. Нами был выполнен анализ 11 статей (объёмом ≈ 275 тыс. знаков) на сайте PubMed (<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov>), который ориентирован на профессиональное использование практикующими врачами и учёными в сфере медицины. Следует отметить, что 15—20 % информации является фактуальной,

способствующей аргументированному и доказательному описанию полученных результатов (Samraj 2016; Weinberger, Bradley 2020). В процессе анализа статей представляется возможным выделить следующие виды фактуальной информации: данные научных исследований; оснащение при проведении экспериментов; ареальные характеристики; временные рамки работы учёных; природные условия.

Проиллюстрируем определённые виды фактуальной информации примерами из научных англоязычных статей по медицине. В 1981 году L. A. Brewer опубликовал статью, посвящённую открытию прерывистой кислородной терапии с положительным давлением с указанием времени выполнения исследования:

During World War II, my associates and I observed for the first time in medical history that casualties with severe brain, thoracic, abdominal, and extremity trauma, who had persistent “wet” respiration (wet lung of trauma), were most difficult to resuscitate, withstood operation poorly, and had the highest mortality (Brewer 1981: 388).

Во время Второй мировой войны мои коллеги и я впервые наблюдали течение истории болезни у пострадавших с тяжелой травмой головного мозга, грудной клетки, брюшной полости и конечностей, имевших постоянные мокроты в лёгких, таких больных реанимировать было труднее всего, они плохо переносили операции, был высокий уровень летальности (здесь и далее перевод наш. — Л. Я.).

В данной статье представлены временные параметры медицинских исследований, происходивших в период Второй мировой войны; детальное описание травм предшествовало описанию открытия ручного кислородного аппарата с прерывистым положительным давлением, который был заменён элегантными автоматическими устройствами с регулировкой объёма и давления.

В современных статьях также находим изложение материала, указывающего на статистические данные, ареал и время выполнения исследования:

... was the first reported in Wuhan, China in December of 2019 and is now a global pandemic. To date, the World Health Organization reports over 4 million cases and 300,000 deaths (Mithal, Otero, Shanes, Goldstein, Miller 2021: 1).

...был первым зарегистрированным в Ухане, Китай, в декабре 2019 года и теперь это глобальная пандемия. На сегодняшний день Всемирная организация здравоохранения сообщает о более, чем 4 миллионах случаев заболеваний и 300 000 смертельных исходов.

Описание исходной ситуации подтверждает значимость исследований. Таким образом, фактуальная информация способствует пониманию глубины представленной работы.

В качестве следующего примера рассмотрим статью, в которой описаны исследования в области молекулярной и клеточной биологии:

Molecular and cell biology have resulted in major advances in our understanding of disease pathogenesis as well as in novel strategies for the diagnosis, therapy and prevention of human diseases. Based on modern molecular, genetic and biochemical methodologies it is on the one hand possible to identify for example disease-related point mutations and single nucleotide polymorphisms (Blum 2014: 9).

Молекулярная и клеточная биология привели к значительным достижениям в нашем понимании патогенеза заболеваний, а также в новых стратегиях диагностики, лечения и профилактики заболеваний человека. На основе современных молекулярных, генетических и биохимических методик, с одной стороны, возможно идентифицировать, например, связанные с заболеванием точечные мутации и однонуклеотидные полиморфизмы.

Молекулярная медицина начала активное развитие в конце XX века, поэтому, учитывая историю медицинской науки, период выполнения исследования очевиден.

С целью анализа информации в статье рассмотрим следующий пример:

In Romania in 1990, clozapine became available again in therapy, with a strict blood concentration monitoring protocol. A short time later, two other second-generation antipsychotic agents were introduced: risperidone and olanzapine, compounds whose administration did not reveal any associated hematological risks, but none have shown efficacy for TRS. The indications for the use of clozapine in therapy are treatment-resistant schizophrenia (TRS) and suicidal behavior in schizophrenia/schizoaffective disorder (Dragoi, Radulescu, Năsu, Pop, Varlas, Trifu. Clozapine 2020: 101).

В 1990 году клозапин снова стал доступен в терапии со строгим протоколом мониторинга концентрации в крови. В данной части статьи указан год получения данных, что даёт представление о научных достижениях в Румынии. Примером экспликации временной и ареальной информации также может послужить следующая статья, в которой описание указывает на уровень развития медицинской науки:

The aim of our study was to assess hair micro-elemental status in children with attention deficit hyperactivity disorder, determine micro-elemental imbalances and heavy metal concentrations and evaluate its impact on child behavior.

Case-control study was conducted at Child Development Center of M. Iashvili Children's Central Hospital in 2015–2017 years (Tbilisi, Georgia).

Целью нашего исследования было оценить статус микроэлементов в волосах детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, определить дисбаланс микроэлементов и концентрацию тяжелых металлов, а также оценить влияние этих показателей на поведение детей. Исследование случай-контроль проводилось в Центре развития ребенка Центральной детской больницы им. М. Иашвили в 2015–2017 гг. (Weihrauch-Blüher, Wiegand 2018: 255).

Примером описания научных достижений может быть следующая статья:

In 1942, Conrad H Waddington introduced the term 'epigenetics', to describe a biological process that takes place between the genotype and phenotype. 1. Epigenetics was subsequently defined as 'the study of mitotically and meiotically heritable changes in gene function that cannot be explained by changes in DNA sequences'. 2. It is a genemarking and gene-regulatory system that is essential for normal mammalian development... clozapine's prescribing and monitoring regulations vary widely worldwide. In most countries evaluated for regulatory reasons — China, Denmark, Ireland, Japan, the Netherlands, New Zealand, Romania, the UK, and the USA — there is a mandatory neutrophil monitoring registrar... (Huntriss, Balen, Sinclair, Brison, Picton 2018: 332–334).

В 1942 году Конрад Х. Уоддингтон ввел термин «эпигенетика» для описания биологического процесса, который происходит между генотипом и фенотипом. 1. Эпигенетика впоследствии была определена как изучение митотически и мейотически наследуемых изменений функции генов, которые нельзя объяснить с помощью изменения в последовательностях ДНК. 2. Это система геномаркинга и регуляции генов, необходимая для нормального развития млекопитающих ... Правила назначения и мониторинга клозапина сильно различаются во всем мире. В большинстве стран — оценивание проводилось по определенным причинам в Китае, Дании, Ирландии, Японии, Нидерландах, Новой Зеландии, Румынии, Великобритании и США — существует обязательный регистратор для мониторинга нейтрофилов...

В данной статье описаны достижения медицины XXI века, обозначено большое количество стран, что говорит о масштабе проблемы, характерной для определённого периода развития медицинской науки. Таким образом, представленная научная информация выполняет функции фактуальной, уточняя период научных изысканий описанием полученных экспе-

риментальных результатов генной инженерии и указанием места выполнения исследований.

Описание влияния природных и экологических условий на организм человека приводится в следующей статье:

Air pollution from fossil fuel burning and traffic-related emissions can alter respiratory defense mechanisms and work synergistically with specific allergens to enhance immunogenicity to worsen asthma in susceptible subjects (Poole, Barnes, Demain 2019: 1703).

Загрязнение воздуха в результате сжигания ископаемого топлива и выбросов, связанных с дорожным движением, может изменить механизмы защиты органов дыхания и работать синергетически с конкретными аллергенами, повышая иммуногенность и обостряя астму у восприимчивых субъектов.

Статья информирует об ареальных проблемах, связанных с климатическими и экологическими особенностями. Подтверждение наличия данного вида информации находим также в следующей статье:

Restructuring obesity interventions towards community-based / environment-oriented measures to counteract an obesogenic environment is mandatory for sustainable success and to stop the obesity epidemic (Weihrauch-Blüher, Wiegand: 254).

Перестройка вмешательств по борьбе с ожирением в сторону работы с сообществом, учитывая противодействия окружающей среды, вызывающей ожирение, является обязательной для устойчивого успеха и остановки эпидемии ожирения.

Все обозначенные виды фактуальной информации представлены синтаксическими единицами, которые характерны для письменной научной медицинской статьи на английском языке. Сложносочинённые и сложноподчинённые предложения составляют научный текст и обеспечивают информационную логичность и насыщенность изложения. Количественный анализ примеров из научных статей по медицине обнаруживает лексические и синтаксические единицы, заключающие в себе разные виды фактуальной информации (см. Табл. 1).

Таблица 1. Количественный анализ

Лексические единицы	Количество
Количество имен существительных в тексте	228
Количество глаголов в тексте	68
Наличие числительных (порядковых, количественных)	7
Количество прилагательных	46
Синтаксические единицы	

Количество простых предложений	0
Количество сложносочиненных, сложноподчиненных предложений	9

Анализ фактических данных позволяет определить преобладающее количество имён существительных, прилагательных и глаголов, которые обеспечивают информационную насыщенность, вербализованную посредством сложных предложений в тексте. В лингвистических исследованиях находим объяснение количественного преобладания имён существительных использованием специального терминологического аппарата в специальных текстах (Матвеева 2014).

С целью комплексности восприятия информационной насыщенности научного текста на примере англоязычных научных статей определяем процентное соотношение выделенных категорий в представленных текстах (см. Табл. 2).

Таблица 2. Процентные показатели

Лексическая единица	Проценты
Существительные	56 %
Глаголы	22 %
Порядковые числительные	4 %
Прилагательные	18 %
Синтаксическая единица	
Простые предложения	—
Сложные предложения	100 %

Следует отметить, что часто описание методологии получения результатов указывает на определённый уровень развития науки. Место и время выполнения работы также представляются в едином информационном блоке с дескрипциями времени, места, инструментария (Mithal, Otero, Shanes, Goldstein, Miller 2021; Kubiak, Murphy, Yee, Cagino, Friedlander, Glynn 2021; Yang, Racine-Brzostek, Lee, Hunt, Yee, Chen 2020).

4. Заключение и выводы

Таким образом, анализ медицинских статей позволил определить виды фактуальной информации, определяющей ареал, время, научные достижения, результаты проведённых экспериментов, характеристики оснащения и методик получения новых экспериментальных показателей. Все виды фактуальной информации имеют выражение посредством лингвистических и синтаксических единиц. При этом в медицинских текстах следует отметить лексическое разнообразие и приоритетность употребления сложных синтаксических конструкций. Это обеспечивает высокую инфор-

мационную насыщенность, которая выражается при помощи определённых лексем и сложных предложений для выражения фактуальной информации в письменном научном медицинском тексте. Фактуальная информация способствует описанию научных достижений в условиях глобального и стремительного развития медицинской науки.

Список литературы / References

- Бачаева С. Е.* О некоторых аспектах изучения земледельческой терминологии в монгольских языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 85–87. [Bachayeva, Sahlar. Ye. (2009) O nekotorykh aspektakh izucheniya zemledel'cheskoy terminologii v mongol'skikh yazykakh (Some Aspects of the Study of Agricultural Terminology in Mongolian Languages). *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of Russian Academy of Sciences*, 2, 85–87. (In Russian)].
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. [Galperin, Iya R. (1981) *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya* (Text as an Object of Linguistic Research). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Карасик В. И.* Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. С. 25–33. [Karasik, Vladimir I. (2000) *Struktura institutsionalinogo diskursa* (The Structure of Institutional Discourse). *Problemy rechevoj kommunikatsii: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* (Problems of Speech Communication. Interuniversity Collection of Scientific Papers). Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2000, 25–33. (In Russian)].
- Кожевникова К.* Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста / отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1979. С. 49–64. [Kozhevnikova, Kveta. (1979) *Ob aspektakh svyaznosti v tekste kak tselom* (Connectivity Aspects in the Text as a Whole). In Zolotova, Galina A. (ed.) *Sintaksis teksta* (Text Syntax). Moscow: Nauka, 49–64. (In Russian)].
- Матвеева О. В.* «Информационная насыщенность» как характерная особенность специальных текстов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4-1. С. 363–368. [Matveeva, Olga V. (2014) *Informatsionnaya nasyshchennost'*» kak kharakternaya osobennost' spetsial'nykh tekstov (Information Richness as a Characteristic Feature of Special Texts). *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* (Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences), 4–1, 363–368. (In Russian)].
- Мошкина М. А.* Роль экстралингвистической информации в формировании лингвокультурной компетентности личности // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 2 (2). С. 311–314. [Moshkina, Margarita A. (2011) *Rol' ekstralingvisticheskoy informatsii v formirovanii lingvokul'turnoy kompetentnosti lichnosti* (Role of Extralinguistic Information in the Linguo-cultural Competence Development of an Individual). *Izvestia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* (Izvestia of Samara Scientific Center of Russian Academy of Sciences), V. 13, 2 (2), 311–314. (In Russian)].

- Пономаренко Л. Н., Мишутинская Е. А., Злобина И. С. Лингвостилистические особенности медицинских текстов в переводческом аспекте [Электронный ресурс] // Гуманитарная парадигма. 2018. № 1 (4). URL: www.humparadigma.ru (дата обращения: 07.02.21). [Ponomarenko, Larisa N., Mishutinskaya, Elena A., Zlobina, Irina S. (2018) (2021, February 07) Lingvostilisticheskiye osobennosti meditsinskikh tekstov v perevodcheskom aspekte (Lingvo-stylistic Features of Medical Texts in the Translation Aspect). *Gumanitarnaya paradiigma* (Humanitarian Paradigm), 1 (4). Retrieved from www.humparadigma.ru. (In Russian)].
- Попова Т. Г. Формирование структуры знания в испанском научном тексте // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2012. № 2. С. 57–61. [Popova, Taisia. G. (2012) Formirovaniye struktury znaniya v ispanskom nauchnom tekste (Formation of the Structure of Knowledge in the Spanish Scientific Text). *Russian Journal of Linguistics*, 2, 57–61. (In Russian)].
- Садченко В. Т. Текст как объект лингвистической семиотики // Вестник ЧелГУ. 2009. № 5 (143). С. 104–111. [Sadchenko, Valentina T. (2009) Tekst kak ob'yeht lingvisticheskoy semiotiki (Text as an Object of Linguistic Semiotics). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 5 (143), 104–111. (In Russian)].
- Boyack, Kevin, Jan van Eck, Nees, Colavizza, Giovanni, Waltman, Ludo. (2018) Characterizing in-text Citations in Scientific Articles: a Large-scale Analysis. *Journal of Informetrics*, 12 (1), 59–73.
- Classification of Abrupt Changes along Viewing Profiles of Scientific Articles (2021) / Ana, C. M. Brito, Filipi, N. Silva, Henrique, F. de Arruda, Cesar, H. Comin, Diego, R. Amancio, Luciano da, F. Costa. *Journal of Informetrics*, 15, 2.
- Cagliero, Luca, La Quatra, Moreno. (2020) Extracting Highlights of Scientific Articles: a Supervised Summarization Approach. *Expert Systems with Applications*, 160 : 113659.
- Garcia-Silva, Andres, Denaux, Ronald, Gomez-Perez, Jose. (2021) On the Impact of Knowledge-based Linguistic Annotations in the Quality of Scientific Embeddings. *Future Generation Computer Systems*, 120, 26–35.
- Nwogu, Kevin. (1997) The Medical Research Paper: Structure and Functions. *English for Specific Purposes*, 16 (2), 119–138.
- Rezanova, Zoya, Kogut, Svetlana. (2015) Types of Discourse Markers: Their Ethnocultural Diversity in Scientific Text. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 215, 266–272.
- Samraj, Betty. (2016) Discourse Structure and Variation in Manuscript Reviews: Implications for Genre Categorization. *English for Specific Purposes*, 42, 76–88.
- Weinberger, Naftali, Bradley Seamus. (2020) Making Sense of Non-factual Disagreement in Science. *Studies in History and Philosophy of Science Part A*, 83, 36–43.

Источники фактического материала / Factual information resources

- Blum, Hubert E. (2014) Advances in Individualized and Regenerative Medicine. *Adv Med Sci*. 2014 Mar; 59 (1), 7–12. doi: 10.1016/j.advms.2013.12.001. Epub 2014 Mar 22. PMID: 24797966
- Brewer, Lyman A. (1981) Historical Account of the “Wet Lung of Trauma” and the Introduction of Intermittent Positive-Pressure Oxygen Therapy in World War II. *The Annals of Thoracic Surgery*, 31(4), 386–393.

- Dragoi, Anna M., Radulescu, Ioana, Năsui, Bodgana A., Pop, Anca L., Varlas, Valentine N., Trifu, Simona. (2020) Clozapine: An Updated Overview of Pharmacogenetic Biomarkers, Risks, and Safety-Particularities in the Context of COVID-19. *Brain Sciences*, 10 (11), 840.
- Huntriss, John D., Balen Adam H., Sinclair, Kevin, Brison, Daniel R., Picton, Helen M. (2018) Epigenetics and Reproductive Medicine. *Scientific Impact Paper*, 57, 331–357.
- Poole Jill A., Barnes, Charles S., Demain, Jeffrey G., Bernstein, Jonathan A., Padukudru, Mahesh A., Sheehan, William J., Fogelbach, Guillermo. G., Wedner, James, Codina, Rosa, Levetin Estelle, Cohn, John R., Kagen, Steve, Portnoy, Jay M., Nel, Andre E. (2019) Impact of Weather and Climate Change with Indoor and Outdoor Air Quality in Asthma: A Work Group Report of the AAAAI Environmental Exposure and Respiratory Health Committee. *J Allergy Clin Immunol*, 143 (5), 1702–1710. DOI: 10.1016/j.jaci.2019.02.018.
- Weihrauch-Blüher, Susanna, Wiegand, Susanna (2018) Risk Factors and Implications of Childhood Obesity. *Current Obesity Reports*, 7 (4), 254–259; DOI: 10.1007/s13679-018-0320-0.
- Mithal, Leena B., Otero Sebastian, Shanes Elisheva D., Goldstein, Jeffery A., Miller, Emily S. (2021) Cord Blood Antibodies Following Maternal COVID-19 Vaccination During Pregnancy. *Am J Obstet Gynecol*. DOI: 10.1016/j.ajog.2021.03.035.
- Kubiak, Jeffrey M., Murphy, Elisabeth A., Yee, Jim, Cagino, Kristen A., Friedlander, Rachel L., Glynn, Shannon M., et al. (2021) Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2 Serology Levels in Pregnant Women and Their Neonates. *Am J Obstet Gynecol*. DOI: 10.1016/j.ajog.2021.01.016.
- Yang, He. S., Racine-Brzostek, Sabrina E., Lee, William T., Hunt, Danielle, Yee, Jim, Chen Zhengming, et al. (2020) SARS-CoV-2 Antibody Characterization in Emergency Department, Hospitalized and Convalescent Patients by Two Semi-quantitative Immunoassays. *Clinica Chimica Acta*, 509, 117–125. DOI: 10.1016/j.cca.2020.06.004.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.4; 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-137-148

СТЕПЕНЬ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРЕСКРИПЦИЙ

П. П. Дашинимаева, Л. М. Орбодоева

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

В статье проводится анализ федеральных государственных образовательных стандартов 3++ по направлению «Лингвистика» на предмет выявления степени реализуемости обязательных требований к высшему образованию, прописанных в данном основополагающем документе. Поскольку тексты ФГОС имеют нормативный и предписывающий характер, то в контексте социального заказа общества по отношению к высшему образованию эффективность достижения требований зависит от точности трактовки, которая не допускает противоречий между компонентами программы и не ведет к вариативности интерпретации образовательных прескрипций. Это значит, что разработчики предусматривают все условия релевантной трансляции, воспроизводства и регуляции установок и компетенций, т. е. прагматику образовательного дискурса. Так, целью исследования является выявление степени реализуемости прагматического потенциала федеральных государственных образовательных стандартов. Методологической основой служат исходные положения прагматики как инструмента сопряжения идеальных формул с реальными факторами, способствующими их реализации. Основными методами исследования выступают контент-анализ, дискурсивный и интерпретативный анализы. В результате исследования выявлены значительные противоречия между декларируемыми прескрипциями образовательных стандартов и реализуемостью требуемых результатов обучения. Одними из причин являются неоднозначность трактовок базовых категорий и соответствующий модальный характер прескрипций, обуславливающие априорное противоречие совпадающих или смежных категорий. В статье делается вывод о том, что прагматический потенциал образовательного дискурса должен актуализироваться при условии корректного определения прагматических отношений и ясного формулирования прагматических задач образования, обеспечивающих прагматическую адаптацию в процессе реализации видов компетенций.

Ключевые слова: образовательный стандарт; прагматика образовательного дискурса; лингвистическое образование; универсальные и профессиональные компетенции переводчика.

On Realizing the Pragmatic Potential of Educational Prescripts

Polina P. Dashinimaeva, Larisa M. Orbodoeva
D. Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

The article analyses the new Federal Educational Standards in Linguistics, the basic regulatory document for higher education which formulates norms and prescriptions with the goal of effective implementation of its objectives and requirements. It is common knowledge that the efficiency of such implementation depends on how accurately these prescripts are worded so that there are no inconsistencies or conflicting interpretations. It means that the authors of these Standards must provide for the optimal transfer, reproduction, and regulation of these prescripts and competencies and thus foresee the pragmatics of the educational discourse. The aim of the study is to identify the extent to which the Educational Standards' pragmatic potential can be realized. The study is based on the fundamental principles of pragmatics as an instrument for combining ideal formulas with real factors that contribute to their implementation. Using content, discursive, and interpretive analysis, the authors find that there are significant contradictions between the Standards' prescripts and the feasibility of the required results. One of the reasons for this discrepancy lies in the ambiguity of wording and interpreting of the basic categories and the resulting conflict between overlapping or complementary categories — all of which inevitably leads to differences in how they are perceived. Universities could actualize the educational discourse pragmatic potential much more effectively, if the pragmatic relations and educational objectives were more transparently defined and intercorrelated to finally implement a related pragmatic adaptation regarding types of competencies.

Key words: educational standard; educational discourse pragmatics; linguistic education; translator's universal and professional competencies.

1. Введение

Социальный заказ общества относительно системы образования сформулирован в целом ряде организационно-нормативных документов, декларирующих стратегию и тактики образовательной политики государства. В первую очередь это Федеральный закон №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012, на основании которого разрабатываются федеральные государственные образовательные стандарты. Как известно, стандартизация содержания и результатов образования нужна для обновления требований к профессиональной подготовке выпускников программ любого уровня — общеобразовательного, средне-профессионального и высшего.

Вступившие в силу федеральные государственные стандарты высшего образования следующего нового поколения ФГОС ВО 3++

также, согласно разработчикам программ, берут в расчет новые реалии — и среды в целом, и профессиональной среды в частности. Данный исходный мотив отражается прежде всего в уточнении основных характеристик профессиональной деятельности через обобщенные трудовые функции, соответственно, спецификацию квалификационных требований к работникам (Попова 2017). В своей совокупности они призваны обеспечить нормативно-правовое регулирование в сфере высшего образования и уменьшить разрыв между вузами и рынком труда. Вместе с тем анализ данных регламентирующих документов выявляет значительные противоречия между требованиями к результатам освоения образовательных программ и реализуемостью прескрипций стандартов высшего образования на практике. Таким образом, целью данного исследования является выявление факторов, вовлекаемых в реализацию основополагающего законодательного документа как совокупности обязательных требований к высшему образованию в целом и к направлению подготовки, к профессии / специальности и степени актуализации прагматического потенциала стандарта в частности.

2. Материалы и методы исследования

На основе ФГОС ВО вузы самостоятельно составляют основные профессиональные образовательные программы, которые далее определяют рабочие программы дисциплин, фонды оценочных средств (контрольно-измерительные материалы) и т. д. В этой связи кафедрам важны точность, корректность и понятность прагматических установок текстов стандартов. Материалом исследования выступают тексты ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», уровень бакалавриата и магистратуры. Анализ реализуемости требований ФГОС проведен с учетом основных положений прагматики, лингводидактики. Методологическая база работы основывается на положениях семиотики, отводящей прагматике метрическую — регламентирующую и контролирующую — функцию. В качестве методов исследования использованы дискурсивный анализ, метод контекстного анализа, интерпретативный анализ.

2.1. Материал исследования: предыстория

Необходимость проведения лингводидактической экспертизы регламентирующих стратегию образования документов обосновывается в работе С. Б. Королевой, Е. Ф. Поршневой (Королева, Поршнева 2019). Обозначенная авторами лингвистическая проблема трактовки образовательных задач обусловила важность дальнейшего исследования степени

их реализуемости в рамках семиотики образовательно-коммуникативной системы.

На первом этапе кратко проследим динамику изменения направленности целей и содержания образования в стандартах от ГОС ВПО до ФГОС ВО 3++. Так, ГОС ВПО первого поколения, принятый в 1994 г., определял единые требования для всех направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования и включал в себя обширный классификатор направлений и специальностей. Сфера профессиональной деятельности определялась как вид профессиональной деятельности выпускника, т. е. сфера имела конкретные, но закрытые границы и включала в свое содержание федеральный и региональный компоненты. Требования к результатам освоения основной образовательной программы (ООП) формировались в виде знаний, умений и навыков.

В 2000 г. вступили в силу ГОС ВПО второго поколения с расширенной структурой из 7 пунктов, где сфера профессиональной деятельности получает расширенное — обобщенное — толкование (сфера лингвистического образования и межкультурной коммуникации, а не преподавание языка или перевод). Результаты освоения ООП были сформулированы в ЗУНах (Знаниях, Умениях и Навыках), стандарты сохранили перечень дисциплин, обязательных для включения в учебные планы образовательных программ.

Третье поколение получило в 2010 г. стандарт с уточнением его статуса в виде федерального (ФГОС ВПО), отличавшегося отсутствием национально-регионального компонента, внедрением кредитно-модульной системы и включенностью НИР как обязательного компонента ООП. Из этого вытекало, что от высшего образования теперь ждут большей научно-образовательной, не-региональной, а федеральной ориентации, основанной на формировании и развитии конкретно-сформулированных компетенций. Так, существенным нововведением явились требования к результатам освоения программы, предполагающей формирование у студентов общекультурных (ОК), общепрофессиональных (ОПК) и профессиональных компетенций (ПК).

Следующая модификация стандарта (ФГОС ВО 3+) была обусловлена принятием ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г.: декларируется самостоятельная разработка вузом всего содержания ООП; дополнительно к уровням бакалавриата, специалитета и магистратуры подготовка кадров высшей квалификации в аспирантуре (ординатуре, адъюнктуре) отнесена к третьему уровню высшего образования. Здесь меняются структура компетенций, структу-

ра ООП (введение 3 блоков: дисциплины (модули), практика и требования к итоговой государственной аттестации). Однако содержание этого варианта стандарта вызвало активную критику, в т. ч. педагогической общественности. Например, декларируемое количество формируемых общепрофессиональных компетенций у бакалавров лингвистики составляло 20, тогда как у будущих магистров требовалось за 2 года обучения сформировать 32 ОПК (!).

Усовершенствование образовательных стандартов реализовалось в конечном счете в 2020 г. с принятием ФГОС ВО 3++. В части структурных изменений в новом стандарте оставлены 4 раздела (общие положения; требования к структуре образовательной программы; требования к результатам освоения программы; требования к условиям реализации). Многие требования перенесены в примерные основные образовательные программы (ПООП). В плане содержания изменены требования к результатам освоения программ, которые теперь сформулированы в двух категориях компетенций: в универсальных и общепрофессиональных компетенциях. Профессиональные же компетенции не указаны, т. к. определяются вузами самостоятельно исходя из профиля образовательной программы, но на основе профессиональных стандартов, т. е. с учетом трудовых функций. Вместе с тем указанные изменения ставят под сомнение реализуемость декларируемых во ФГОС 3 ++ требований.

3. Результаты исследования

Исходными постулатами при выявлении степени реализуемости прагматического потенциала образовательных стандартов 3++ в нашем исследовании послужили следующие положения:

1. Прагматика изучает функционирование языковых знаков в речи, т. е. комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения (Языкознание. Большой энциклопедический словарь 1998).

2. В семиотике прагматика регламентирует и контролирует производство и восприятие знака. Относительно заданной темы прагматика определяется как учет факторов, участвующих в реализации образовательной программы, соответственно, она не только служит триггером необходимости реализации программы, но и возможности изменения ее содержания в соответствующих условиях.

3. Законодательные документы, регламентирующие стандартные механизмы актуализации моделей / программ, должны брать в расчет реалии среды таким образом, чтобы все составляющие прагматики непротиворечиво коррелировали друг с другом.

4. Прагматика является инструментом сопряжения идеальных формул с реальными факторами, способствующими их реализации.

В свете данных исходных положений прагматический потенциал образовательного дискурса актуализируется при следующих условиях:

– если определяются прагматические отношения между государством, детерминирующим социальный заказ к языковому образованию, субъектом и объектом образовательного процесса;

– если релевантно формулируются прагматические задачи образования;

– если производится прагматическая адаптация в плане приложимости, реализуемости всех видов компетенций (УК, ОПК и ПК) согласно реальным условиям процесса научно-ориентированного образования.

Анализ ФГОС ВО 3++ позволяет тем самым выделить взаимообусловленность **четырёх типов прагматического потенциала (ПП)** (здесь и далее выделено нами. — *П. Д., Л. О.*):

ПП-1. В связи с субъектами-1 (преподавателями), направляющими усилия на реализацию ПП образовательных стандартов, соответственно, в потенциал включаются:

– состояние научно-образовательной среды, кадровый потенциал вуза, взаимосвязь академической и вузовской науки;

– набор ЗУН в арсенале субъекта-1 плюс его социальные и личностные характеристики.

ПП-2. В связи с объектами-субъектами-2 обучения, где необходим учет:

– мотивации и потребности студента, психологической готовности быть *критически мыслящим субъектом* образовательного процесса;

– наличия степени сформированности у студента коммуникативных компетенций в рамках «восприятие-интерпретация-обратная реакция».

ПП-3. В связи с отношениями между субъектом-1 и субъектом-2 образовательного процесса важно принимать во внимание по меньшей мере:

– учет возрастных характеристик обеих групп;

– культурно-цивилизационный аспект vs. тактики обучения-воспитания.

ПП-4. В связи с предметом обучения учитывать:

– области и сферы профессиональной деятельности;

– ожидания рынка труда;

– типы задач профессиональной деятельности.

Анализ квалификационных требований к результатам освоения образовательных программ по направлению подготовки «Лингвистика» позволяет нам выделить базовый принцип, обеспечивающий **взаимосоотнесенность** ПП-1, ПП-2 и ПП-3, а именно — ориентированность содержания образования на личность обучающегося с его познавательным потенциалом, способностью к саморазвитию в рамках *критической рефлексии и саморефлексии* и способностью реализовать полученные знания и умения в сфере профессиональной деятельности. Так, к наиболее важным компетенциям, которые необходимо развить у обучающихся в процессе обучения в вузе, относятся интегративные компетенции, направленные на формирование у будущего бакалавра / магистра лингвистики *целостного* профессионального мышления, креативности, личностной и социальной мотивации.

Прагматический потенциал 4-го типа заключается в т. ч. в обеспечении *преемственности* трех уровней подготовки — бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, в углублении содержания и результатов обучения на общности принципов формирования УК и ПК:

- непрерывности как последовательности их формирования;
- научности и фундаментальности;
- сопряжения общенаучных, фундаментальных, профессиональных и практико-ориентированных профессиональных компонентов образовательной программы.

Отметим, что к нормативным документам предъявляются требования точности и однозначности формулировок (Королева, Поршнева 2019), однако в текстах ФГОС ВО 3++ наблюдается расхождение модальностей трактовки прескриптивных положений применительно к (не)обязательности их исполнения. В частности, рассмотрим п. 2.9., где постулируется, что «Дисциплины (модули) и практики, обеспечивающие формирование **универсальных компетенций**, <...> а также **профессиональных компетенций**, определяемых Организацией самостоятельно, **могут** включаться в **обязательную часть** программы бакалавриата и **(или)** в часть, формируемую участниками образовательных отношений». Модальность высказывания «могут включаться» можно понимать как необязательность прескрипции, а дизъюнкция «и (или)» понимается как «или то, или то, или оба сразу». Однако далее появляется противоречие с данной *возможностью* в пункте 3.8.: «Организация **самостоятельно** планирует результаты обучения по дисциплинам (модулям) и практикам. Совокупность запланированных результатов обучения по дисциплинам (модулям) и практикам **должна** обеспечивать

формирование у выпускника **всех компетенций**, установленных программой бакалавриата» (= магистратуры). Как видно, здесь в конечном итоге вместо *возможности* постулируется *обязательность* выполнения данного положения.

К следующему дискуссионному моменту относятся наши вопросы о *механизме сопряжения* переводческой и педагогической сфер при реализации образовательной программы подготовки переводчиков:

1. Поскольку обязательно формирование ОПК, также обязательна для реализации 2-я компетенция «способен применять в практической деятельности знание психолого-педагогических основ и методики обучения иностранным языкам и культурам» (ОПК-2). Однако разве не вытекает из задачи обучения *переводчика* методике преподавания иностранного языка дополнительное сопряжение с трудовыми действиями из профессионального стандарта *педагога*?

2. Достаточно ли формировать у обучающегося переводу базовые навыки преподавания только в рамках одной компетенции, тем более вуз *может* выбрать только один тип учебной и производственной практики, т. е. может не выбирать педагогическую практику? И как без учебной практики студент научится преподавать язык?

3. Может ли недифференцированное обучение будущих переводчиков иностранным языкам быть пригодным и для будущих учителей?

Учитывая дефицит учебного времени на реализацию профильной сферы, правомерен ответ, что задача актуализации ОПК-2 не столько неактуальна, сколько слишком трудоёмка при подготовке переводчиков. Осознавая и разделяя беспокойство государства по поводу отрицательной динамики обеспеченности школ языковедами, считаем, что в итоге может выпускаться в большинстве случаев *не-до-профессионал в области методики преподавания*.

Вызывает сомнение достижимость результатов обучения по профилю «Перевод и переводоведение» в рамках отдельных УК:

– УК-9 «способность использовать базовые дефектологические знания в социальной и профессиональной сферах», УК-10 «Способен принимать обоснованные экономические решения в различных областях жизнедеятельности» требуют достаточно трудоемкого процесса для развития инклюзивной компетентности и формирования у обучающихся экономической культуры, в том числе финансовой грамотности;

– вызывает вопрос измеряемости результатов по УК-11 «Способен формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению»: каким образом и в рамках каких дисциплин можно проверить сформированность гражданской позиции?

Отдельного внимания заслуживает противоречие, сформулированное в категории еще одной универсальной компетенции «Системное и критическое мышление» — «Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач» (УК-1). Как известно, системный подход является направлением методологии научного познания, в основе которого лежит рассмотрение объекта как системы. Для этого требуется формирование умений разрешать проблемы, возникающие в ситуациях познания и объяснения явлений действительности. Это значит, что для решения поставленных задач бакалавр, применяя системный подход в структурном, функциональном, целевом, ресурсном, интеграционном, коммуникационном, историческом аспектах, уже должен обладать **критическим мышлением** — разумным рефлексивным мышлением для **принятия решения чему доверять и что делать** (Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций 2018), что в принципе невозможно на данной стадии учебы. Иначе говоря, здесь изначально заложена проблема формирования УК как способности к **надпрофессиональной** деятельности.

Далее возникает резонный вопрос: что входит в понятие «критическое», до какой степени мышление должно быть критическим, при этом одобряемым федеральными органами? Имеет ли УК-1 непосредственное отношение к обеспечению национальной безопасности в образовании? (Носков 2019). Если в области критического мышления у *бакалавра должна* сформироваться способность к *рациональному* осмыслению проблем познания, жизни человека и общества, то также до каких границ распространяется использование принципов рациональной деятельности? Связано ли критическое мышление с пунктом 5.5. «Я проявляю в поведении гражданскую позицию и нравственное поведение»? Насколько реализуемы заданные УК у *магистра*, который **должен** продемонстрировать способность к научному осмыслению проблем познания, жизни и общества, а значит, знать специфику не только рационального, но и научного мышления, научной рациональности, иметь навыки научной рефлексии и т. д.? (Воробьева, Дунаева, Зверева, Маландин, Сафонова 2018).

Все вышесказанное обуславливает необходимость осознания степени реализуемости *совокупного* формирования универсальных и профессиональных компетенций, а значит — обнаружения категорий, которые обеспечивают взаимосвязь между ними. Этот архиважный момент *осознания образовательных задач* должен предварять сам процесс при-

ближения преподавателя на определенном расстоянии к способам реализации видов прагматического потенциала.

4. Основные выводы

1. Постоянное изменение стандартов приводит к проблеме поиска и нахождения способов актуализации следующего основополагающего документа, что сегодня означает — к разработке методологии системного подхода, который приводил бы к внедрению поуровневой и последовательной проверки сформированности личностных качеств обучающихся.

2. Выпукло обозначенный в ФГОС ВО++ приоритет надпредметной деятельности по освоению компетенций ведет к переквалификации профессорско-преподавательского состава.

3. Сложность создания фондов оценочных средств при условии успешного формирования компетенций несколькими дисциплинами направления подготовки также вызвана обязательностью сопряжения с рынком труда. Пока отсутствует общее понимание и вузом, и переводческими предприятиями трудовых действий, прописанных в профессиональном стандарте, консультирование с работодателями вызывает по меньшей мере сомнение в аспекте его целесообразности.

4. Вопросы регионализации основных образовательных программ ведут к самостоятельному и трудоемкому освоению современной региональной экономики в условиях дефицита учебного времени.

5. Громоздкая консервативная и бюрократическая система российского образования с бедной инфраструктурой не способствует созданию гибкой, метапредметной, надпрофессиональной, при этом индивидуализированной, образовательной траектории.

6. В целом проведенное исследование ставит под сомнение высокую и средне-высокую степень достижимости декларированных во ФГОС ВО 3++ результатов обучения.

Список литературы / References

Воробьева О. В., Дунаева Л. А., Зверева Г. И., Маландин В. В., Сафонова В. В. Методические рекомендации по формированию исследовательских компетенций в области гуманитарных наук // Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования / под ред. Е. В. Караваевой. М.: «Геоинфо», 2018. С. 46–81. [Vorob'eva, Ol'ga V., Dunaeva, Larisa A., Zvereva Galina I., Malandin, Vladimir V., & Safonova, Viktorija V. (2018) Metodicheskie rekomendacii po formirovaniyu issledovatel'skih kompetencij v oblasti gumanitarnyh nauk (Methodological Recommendations for the Development of

- Researchers in the Field of Humanities). In Karavaeva, Evgenija V. (ed.) *Issledovatel' XXI veka: formirovanie kompetencij v sisteme vysshego obrazovaniya* (Researcher of the XXI Century: Competencies Development in the Higher Education System). Moscow: Geoinfo, 46–81. (In Russian)].
- Королева С. Б., Поршнева Е. Р. Стандарты высшего образования Российской Федерации по лингвистике и переводу: вопросы лингвистической безопасности в ракурсе лингводидактики // Язык и культура. 2019. № 48. С.297–314. [Koroleva, Svetlana B., & Porshneva, Elena R. (2019) Standarty vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii po lingvistike i perevodu: voprosy lingvisticheskoj bezopasnosti v rakurse lingvodidaktiki (Russian Standarts of Higher Education (Linguistics and Translation): Problems of Linguistic Security from the Perspective of Linguodidactics). *Language and Culture*, 48, 297–314. (In Russian)].
- Носков Е. А. Анализ требований ФГОС ВО в области обеспечения национальной безопасности в образовании // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. №2 (36), С. 90–100. [Noskov, Evgenij A. (2019) Analiz trebovanij FGOS VO v oblasti obespechenija nacional'noj bezopasnosti v obrazovanii (Requirements Analysis of Federal State Educational Standards of Higher Education in the Sphere of National Security Protection in Education). *The Science of Person: Humanitarian Researches*, 2 (36), 90–100. (In Russian)].
- Попова Н. В. Ключевые темы актуальной образовательной политики и практики // Высшее образование в России. 2017. № 10. С. 26–38. [Popova, Nina V. (2017) Kljuchevye temy aktual'noj obrazovatel'noj politiki i praktiki (Key Issues of Contemporary Educational Policy and Practice). *Higher Education in Russia*, 10, 26–38. (In Russian)].
- Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета: коллективная монография / под ред. И. Ю. Тархановой. Ярославль.: РИО ЯГПУ, 2018. [Tarhanova, Irina J. (ed.) (2018) *Izmerenie i ocenka sformirovannosti universal'nyh kompetencij obuchajushhihsja pri osvoenii obrazovatel'nyh programm bakalavriata, magistratury, specialiteta* (Measurement and Evaluation of the Universal Competencies Development of Students) Yaroslavl: RIO JaGPU. (In Russian)].
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2020 N 59448) [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/95> (дата обращения: 24.04.2021). [Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniya — bakalavriat, napravleniye podgotovki 45.03.02 «Lingvistika» (Federal State Educational Standard of Higher Education, Bachelor's Degree of Higher Education, Field of Study 45.03.02 Linguistics) (2021, April 24). Retrieved from <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/95>. (In Russian)].
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — магистратура по направлению подготовки 45.04.02 «Лингвистика» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.08.2020 N 59491) [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/152/150/25/118> (дата обращения: 24.04.2021). [Feder-

al'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovanija — magistratura po napravleniju podgotovki 45.04.02 «Lingvistika» (Federal State Educational Standard of Higher Education, Master's Degree of Higher Education, Field of Study 45.04.02 Linguistics) (2021, April 24). Retrieved from <http://fgosvo.ru/fgosvo/152/150/25/118> (In Russian)].

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. [Járceva, Viktorija N. (ed.) (1998) *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* (Linguistics. Encyclopedic Dictionary). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. (In Russian)].

УДК 378

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-149-164

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ НА ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Л. М. Коняхина, А. В. Иванов

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

В последние годы мы стали свидетелями возобновления интереса к взаимоотношениям языка и музыки в связи с развитием когнитивной науки и появлением методов визуализации мозга, таких как позитронно-эмиссионная томография, функциональная магнитно-резонансная томография, магнитоэнцефалография, электроэнцефалография и запись вызванных потенциалов мозга, что привело к ряду значимых открытий. Взаимосвязь между музыкой и языком исследовалась с разных точек зрения. Взятые вместе, эти результаты показывают, что музыкальная компетентность положительно влияет на некоторые аспекты обработки речи, от слухового восприятия до производства речи, и может способствовать овладению иностранным языком. В данном обзоре мы сосредоточимся на основных результатах исследований, которые свидетельствуют о том, что музыкальная подготовка положительно влияет на процесс изучения иностранных языков. Мы рассмотрим несколько трактовок, которые могут объяснить влияние музыкальной компетентности на обработку речи на родном и иностранном языках. В заключение мы предлагаем новые направления для будущих исследований.

Ключевые слова: музыкальная компетентность; восприятие речи; речепроизводство; музыканты; изучение иностранного языка.

Musical Competence and Second Language Learning

Liudmila M. Konyakhina, Andrey V. Ivanov
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

In recent years, we have witnessed a renewal of interest in the language — music relationship due to the development of cognitive science and the advent of brain imaging methods, such as positron emission tomography, functional magnetic resonance imaging, magnetoencephalography, electroencephalography, and event-related brain potentials, which has led to a number of major discoveries. The relationship between music and language has been examined from many different perspectives. Taken together, these findings indicate that musical competence positively influences some aspects of speech processing, from auditory perception to speech production and may benefit second language acquisition. In this review, we focus on the main results of the current research, discuss several interpretations that may account for the influence of musical competence on speech processing in native and foreign languages, and propose new directions for future research.

Key words: musical competence; speech perception; speech production; musicians; second language acquisition.

1. Введение

Изучение иностранного языка (ИЯ) — это задача не из легких. Известно, что на овладение ИЯ, и в частности овладение неродными фонематическими контрастами, влияют многочисленные как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Лингвистический фон обучающихся, включая объем знаний на родном языке, близость между фонетическим инвентарем родного и иностранного языков, а также начальный возраст обучения (Birdsong 2005), рассматриваются как наиболее важные факторы, определяющие эффективность обучения. Кроме того, исследования показывают, что экстралингвистические факторы, такие как мотивация (Moyer 1999), рабочая память (Friedman, Miyake 1998; Majerus, Poncelet, Van der Linden, Weekes 2008), контроль внимания (Schön, Magne, Besson 2004; Guion, Pederson 2007) и, что наиболее интересно для нас — музыкальный опыт, также влияют на восприятие и производство звуков на ИЯ (Slevc 2012).

Музыка и речь — это сложные слуховые сигналы, основанные на одних и тех же акустических параметрах: сила, высота, тон и длительность звука. Они включают в себя несколько уровней организации: морфологию, фонологию, семантику, синтаксис и прагматику в языке, и ритм, мелодию и гармонию в музыке. Кроме того, восприятие и воспроизведение музыки и речи требуют внимания, памяти и сенсомоторных способностей. Понимание процессов слухового восприятия речевого сигнала и расшифровки его смыслового содержания являются чрезвычайно важными для практики работы преподавателей, поскольку в процессе работы как с речью, так и с вокальной речью необходимо понимание того, какие признаки являются наиболее релевантными для передачи смыслового содержания. Наконец, появляется все больше свидетельств того, что музыка и язык имеют общие нейронные ресурсы для обработки просодии (Patel 2008, 2010), синтаксиса и семантики. Исследования показывают, что музыканты демонстрируют лучшие способности в обработке речи (Slevc, Miyake 2006; Besson, Chobert, Marie 2011). Например, музыкальная подготовка положительно влияет на различные аспекты обработки речи, такие как просодическая модальность, сегментарные и надсегментарные вокальные различия, а также ритмическая структура речи. Важно отметить, что все это релевантно как для родного, так и для иностранных языков (Marques, Moreno, Luís Castro, Besson 2007; Marie, Delogu, Lampis, Olivetti Belardinelli, Besson 2011), что позволяет предположить, что музыкальные навыки могут быть полезны при изучении ИЯ.

Для проверки этой гипотезы было проведено несколько экспериментов. В данном обзоре мы сначала сосредоточимся на исследованиях, кото-

рые изучали взаимосвязь между музыкальной компетентностью и восприятием, идентификацией и продуцированием звуковой структуры в родном и иностранном языках. Затем мы рассмотрим важный аспект изучения иностранных языков: способность сегментировать непрерывный речевой поток на значимые слова или элементы. Эта способность, которая также подразумевает имплицитное изучение синтаксических правил, основанных на статистических закономерностях между слогами, усиливается музыкальным тренингом и музыкальной подготовкой (François, Schön 2011; François, Chobert, Bessot, Schön 2013). Наконец, мы обсудим несколько гипотез, которые были предложены в литературе для объяснения положительного влияния музыкальной компетентности на обработку звуков родной и иностранной речи.

2. Восприятие и воспроизведение звука на родном и иностранном языках

Речь — это сложный и изменяющийся во времени сигнал, содержащий различные акустические и лингвистические свойства, необходимые для понимания предполагаемого сообщения и правильного ответа. Мы сосредоточимся на двух наиболее изученных акустических параметрах, которые определяют два перцептивных признака звуков: высоту и длительность. Высота и длительность вносят вклад как в мелодические и ритмические аспекты музыки, так и в лингвистические функции речи.

Чтобы распознать произнесенное слово, будь то на родном или на иностранном языках, слушателю необходимо проанализировать акустическую и фонетическую информацию, содержащуюся в непрерывной речи. Структура языка включает в себя два вида фонетической информации: сегментарную и надсегментарную. Сегментарная информация относится к акустическим свойствам речи, которые дифференцируют фонемы (вариации согласных и гласных), используемые для передачи различий между словами. Надсегментарная информация связана с акустическими свойствами более чем одного сегмента, такими как интонация, ударение или просодия. Надсегментарная информация также включает информацию о высоте тона в тональных языках, таких как китайский, вьетнамский, лаосский, тайский и большинстве африканских языков, в которых вариации высоты тона лингвистически релевантны и определяют лексическое значение слов. Напротив, в интонационных языках голосовые различия по высоте — элемент фразовой мелодики, не закрепленный за определёнными слогами и не связанный с регулярным выражением лексических значений. Данные языки используют вариации длительности в качестве надсегментарных сигналов. В своем всестороннем исследовании взаимосвязи между музыкой и

языком с точки зрения когнитивной нейробиологии Анируддх Д. Патель оспаривает широко распространенное мнение о том, что музыка и язык обрабатываются независимо. Со времен Платона вопрос о том, существуют ли параллели между музыкой и языком, всегда был и до настоящего времени является предметом широкого интереса и дискуссий. В последнее время научные исследования по этой теме быстро растут, поскольку ученые из разных дисциплин, включая лингвистику, когнитивистику, музыкальную психоакустику и нейробиологию, обращаются к интерфейсу «музыка — язык» как к одному из способов изучения того, в какой степени различные умственные способности участвуют в обработке и передаче музыкальных и речевых сигналов определенными зонами коры головного мозга. Соответственно, релевантные данные и гипотезы были распределены по целому ряду дисциплин. Книга Пателя представляет собой первый синтез, утверждая, что музыка и язык имеют глубокие и важнейшие связи, и что сравнительные исследования предоставляют мощный способ изучения когнитивных и нейронных механизмов, лежащих в основе этих уникальных человеческих способностей (Patel 2008).

Влияние музыкальной компетентности на восприятие высоты тона и длительности в музыке и речи широко изучалось в литературе, и результаты ясно показывают, что музыкальная подготовка дает ряд лингвистически значимых преимуществ (Delogu, Lampis, Belardinell 2006). Мы сосредоточимся на экспериментах, которые проверяли влияние музыкальной компетентности на восприятие и / или воспроизводство надсегментарных и сегментарных сигналов, различающихся по частоте и длительности.

2.1. Восприятие частоты сигналов

В серии экспериментов Бессон и его коллеги (Milovanov, Nuotilainen, Välimäki, Esquef, Tervaniemi 2008) исследовали влияние музыкальной компетентности на обработку вариаций высоты тона в музыке и речи для родного и иностранного языков, всегда используя один и тот же алгоритм, состоящий из музыкальных и лингвистических фраз, которые заканчивались конгруэнтной нотой / словом для одной и для другой половины параметрической манипуляцией высоты тона: конечная нота была увеличена на 1/5 или 1/2 тона, а контур заключительных слов был увеличен на 35 % или 120 % (надсегментарные изменения), так что изменения высоты тона были больше (легко различимы) или меньше (трудно различимы). Общая гипотеза состояла в том, что музыканты должны быть более чувствительны к звукам речи, чем немусыканты. Для проверки этой гипотезы они использовали как поведенческий процент ошибок, так и время реакции, а также электрофизиологические методы. Результаты показали, что по сравнению с немусыкантами музыканты были более чувствительны к надсегментар-

ным манипуляциям высоты тона как в родном языке, так и в иностранном языках, к сегментарным и тональным вариациям в ИЯ, в котором эти вариации лингвистически релевантны, и к метрической структуре слов. Когда отклонения высоты тона были малы, и их было трудно различить (35 %: слабые просодические несоответствия), музыканты улавливали перепад лучше, чем немусыканты. Кроме того, анализ временного хода обработки тона показал, что музыканты определяли просодически конгруэнтные и неконгруэнтные окончания в среднем на 300 мс быстрее, чем немусыканты. Эти различия были отражены в структуре мозговых волн, которые также отличались между музыкантами и немусыкантами. Основываясь на этих результатах, можно предположить, что за годы музыкальной практики музыканты развили повышенную чувствительность к акустическим параметрам, которые важны для музыки, таким как частота и длительность. Последующие исследования показали, что французские профессиональные музыканты также воспринимали слабые изменения высоты тона на португальском языке, который они не понимали, лучше, чем французские немусыканты (Marques, Moreno, Luís Castro, Besson 2007). Таким образом, полученные результаты также свидетельствуют о положительном влиянии музыкального образования на процесс обработки просодической модальности в иностранном языке.

В недавних экспериментах Янке и его коллеги исследовали влияние музыкальной подготовки на восприятие сегментарных контрастов в родном языке. Они зафиксировали более высокие электрофизиологические реакции на глухие и звонкие согласные у музыкантов, чем у немусыкантов при отсутствии межгрупповых различий в поведении (Moyer 1999). Несколько экспериментов были направлены на изучение влияния музыкальной подготовки на различение надсегментарных сигналов, таких как неродные лексические тона (Maess, Koelsch, Gunter, Friederici 2001).

На поведенческом уровне Делогу и его коллеги (Delogu, Lampis, Belardinelli 2010) попросили носителей итальянского языка, незнакомых с тональными языками, определить одни и те же слова в последовательности слов мандаринского наречия китайского языка. Как у взрослых, так и у детей результаты показали, что музыкальные способности и музыкальная подготовка усиливают различение лексических тонов. Однако различение сегментарных вариаций, таких как изменения согласных или гласных в слове, было одинаковым в обеих группах.

На уровне работы мозга были получены аналогичные результаты. Вонг и его коллеги (Wong, Perrachione, Parrish, Neural 2007) установили более высокое качество языкового кодирования высоты звука в слуховых ответных реакциях ствола головного мозга у музыкантов по сравнению с

немузыкантами, тем самым предполагая, что обширный опыт работы с информацией высоты тона в музыкальном контексте влияет на лингвистическое лексико-тоновое кодирование. Более того, совсем недавно Чандрасекаран и Краус (Chandrasekaran, Kraus, Wong, Human 2012) продемонстрировали взаимосвязь между эффективностью работы нижних бугорков головного мозга при восприятии высоты тона, которая оценивалась с помощью адаптированной функциональной магнитно-резонансной томографии и уровнем активности нейронов ствола головного мозга. Порог восприятия высоты тона у музыкантов оказался выше, чем у немужыкантов (Wong; Perrachione; Parrish; Neural 2007).

Селин Мари и Франко Делогу проверили влияние музыкальной компетентности на различение тональных (надсегментарных) и сегментарных (согласных, гласных) вариаций в китайском языке у французских музыкантов и немужыкантов, незнакомых с тональными языками. Предыдущие результаты показали, что музыканты более чувствительны к небольшим изменениям высоты тона, чем немужыканты (Marie, Delogu, Lampis, Olivetti Belardinelli, Besson 2011). Например, Джесси Мишель и его коллеги установили, что пороговый уровень определения простых и сложных гармонических тонов был в шесть раз ниже для музыкантов, чем для немужыкантов. Вопрос, который рассматривали Селин Мари и Франко Делогу: распространяется ли эта способность обработки высоты тона на речь? Если восприятие высоты тона в музыке и речи опирается на общие механизмы, музыканты должны быть более чувствительны к лингвистическим изменениям высоты тона в тональных языках, чем немужыканты. Такой результат, показывающий, что некоторые аспекты обработки речи (в нашем случае тон) зависят от уровня знаний в другой области (в нашем случае музыка), контрастирует с идеей, например, Джерри Фодора о том, что языковая система «информационно инкапсулирована». Участникам эксперимента для слухового восприятия с интервалом в 2 секунды были представлены две последовательности, состоящие из четырех односложных слов на китайском языке, чтобы определить, были ли они одинаковыми или разными на тональном и сегментарном уровнях. Музыканты улавливали как тональные, так и сегментарные вариации более точно, чем немужыканты. Более того, время реакции у музыкантов было на 100 мс меньше, чем у немужыкантов. Таким образом, есть основания предполагать, что повышенная чувствительность к высоте тона, приобретенная за годы музыкальной практики, усиливает лексическое различение тонов в языке, в котором тональные контрасты лингвистически релевантны. Данные результаты ясно показывают, что музыкальные знания повлияли на обработку восприятия, а также на категоризацию языковых контрастов в ИЯ. Таким образом, экс-

перимент показал, что музыкальная компетентность улучшает восприятие, а также категоризацию сегментарных и надсегментарных языковых контрастов в ИЯ. В совокупности данные результаты дают дополнительные доказательства воздействия музыки на язык.

Подводя итог, можно сделать вывод, что исследования восприятия лексического тона не носителями языка, как правило, показывают, что испытуемые с музыкальной компетентностью различают и / или идентифицируют лексические тона ИЯ лучше, чем испытуемые без музыкальной подготовки. Результаты также показывают более надежное кодирование языковых паттернов высоты тона на подкорковом уровне и наличие более развитых, связанных с принятием решений, компонентов на корковом уровне у музыкантов по сравнению с немусыкантами.

2.2. Восприятие сигналов длительности

В то время как большинство экспериментов тестировали изменения высоты тона в тональных языках и в других звуках речи для изучения обработки высоты тона, значительно меньше исследований посвящено влиянию музыкальной компетентности на обработку длительности звука. Основываясь на предыдущих результатах, Серила Магне, Мари и коллеги сравнили длительность гласных и метрическую обработку в непрерывной естественной речи у французских немусыкантов и музыкантов (Magne, Astésano, Aramaki, Ystad, Kronland-Martinet, Besson 2007). Они использовали специальный алгоритм растяжения по времени, чтобы создать неожиданное удлинение предпоследнего слога, тем самым нарушая метрическую структуру французских слов без изменения их тембра или частоты. Они также манипулировали значением последнего слова предложения, чтобы создать конгруэнтные или неконгруэнтные предложения. Участники выполняли два разных задания в двух разных блоках. В метрической задаче они сосредоточили внимание на метрической структуре заключительных слов, чтобы решить, правильно ли они были произнесены или нет. В семантической задаче они фокусировали внимание на значении предложения, чтобы решить, является ли последнее слово семантически ожидаемым в контексте предложения. Музыканты превзошли немусыкантов (если судить по проценту ошибок) в обеих задачах. Полученные данные можно воспринимать как свидетельство того, что музыкальный опыт усиливает перцептивную обработку. Таким образом, музыканты демонстрируют повышенную чувствительность к метрической структуре слов, независимо от направления внимания, то есть даже если эта информация не имеет отношения к задаче. В то же время эксперимент не показал наличия различий в семантической обработке.

В то время как эксперимент Селин Мари и ее коллег проводился на родном языке испытуемых, Садаката и Секияма проверили гипотезу о том, что музыканты также превосходят нем музыкантов в обработке надсегментарных вариаций длительности на ИЯ (Sadakata, Sekiyama 2011).

С этой целью они сравнили, как голландские и японские музыканты и нем музыканты воспринимают моры в японском языке. Мора определяется как перцептивная временная единица и используется носителями японского языка для сегментации речевых сигналов. Например, основываясь на сигналах длительности, японский носитель языка сегментирует “*hakkaku*” на *ha-Q-ka-ku* (четыре моры), тогда как не носитель языка сегментирует его на *ha-ka-ku* (три моры). Авторы исследовали категориальное восприятие как надсегментарных мор, так и сегментарных вариаций гласных с помощью как различительных, так и идентификационных тестов. В то время как различение оценивает способность сравнивать акустические сигналы без какого-либо знания целевых звуков, идентификация требует сопоставления характеристик входящего звука с заранее установленными категориальными представлениями. Результаты выполнения одной и той же / различной задачи с парами японских (например, *kanyo-kannyo*) и голландских слов (например, *kuch-kech*), различающихся по море или гласному соответственно, показали, что музыканты, голландцы и японцы, превзошли нем музыкантов в различении надсегментарных и сегментарных вариаций не только в своем собственном языке, но и в ИЯ.

Результаты Садакаты и Секиямы важны, поскольку они демонстрируют, что музыкальная подготовка влияет не только на ранние стадии обработки речи (восприятие и различение), но и на категориальное восприятие (Sadakata, Sekiyama 2011). В соответствии с предыдущими результатами Готфрида и Ристера, показывающими, что английские музыканты, незнакомые с тональными языками, идентифицировали четыре китайских тона лучше, чем нем музыканты, эти результаты повышают вероятность того, что музыкальная компетентность повышает способность строить надежные абстрактные фонологические представления (Chobert, Marie, François, Schön, Besson 2011). Эти результаты также согласуются с данными, полученными Чобертом и коллегами у детей. Дети-музыканты (то есть дети, находящиеся на пути к музыкальному образованию, в среднем с четырехлетним музыкальным образованием) были более чувствительны (большая негативность рассогласования), имели более низкий процент ошибок и демонстрировали более короткое время реакции, чем дети нем музыканты (то есть те, кто не получили музыкального образования, кроме обязательного школьного образования), к длительности слога (надсегментарный признак). Кроме того, дети-музыканты также были более чувстви-

тельны, чем дети-немузыканты, к небольшим различиям во времени начала речи, которые не существуют в их родном языке. Время начала речи — это быстрый темпоральный сигнал, который позволяет, например, отличать “ba” от “pa” и который играет важную роль в развитии фонологических представлений (Chobert, Marie, François, Schön, Besson 2011).

Эти альтернативные интерпретации более подробно рассматриваются в заключительном разделе.

2.3. Взаимосвязь восприятия и продуцирования

Обращаясь к различным аспектам обработки речи, Слевц и Мияке исследовали взаимосвязь между музыкальными способностями и способностями в ИЯ в четырех областях: восприятие фонологии, произношение фонологии, синтаксис и лексические знания. Они протестировали 50 взрослых японцев, изучавших иностранный язык (английский) с 11 лет, и контролировали несколько факторов, таких как возраст начала изучения иностранного языка, память и уровень владения иностранным языком. Результаты корреляционного анализа показали, что музыкальные способности являются прогностическими фонологическими способностями (восприятие и продуцирование английского контраста /r/-/l/), но не синтаксическими и лексическими способностями. Исследования взаимосвязи восприятия и производства в иностранных языках фокусируются на том, влияет ли производительность в одной области на другую. Модель обучения речи постулирует, что точность продуцирования неродных звуков коррелирует с их восприятием, а несколько исследований с испытуемыми билингвами выявили значительные корреляции между восприятием и продуцированием сегментарных контрастов второго языка (Bettoni-Techio, Rauber, Koerich 2007). Показав, что музыкальная компетентность влияет не только на восприятие, но и на выработку новых фонологических контрастов, эти результаты, таким образом, согласуются с моделью обучения речи.

Дальнейшие доказательства были представлены Терваниеми и его сотрудниками, которые исследовали взаимосвязь между музыкальными способностями и фонематической дифференциацией в иностранном языке и навыками произношения у детей и взрослых (Milovanov, Huotilainen, Välimäki, Esquef, Tervaniemi 2008). Музыкальные способности (измеренные с помощью теста музыкальности *Seashore*), произношение иностранных слов (повторение слов по модели носителя языка) и фонематические и аккордовые дифференциальные тесты (определение фонематических различий между английским и финским языками, а также между мажорными и минорными аккордами) были оценены у 40 финских детей в возрасте от 10 до 12 лет. В ходе теста на произношение детей просили повторить сло-

ва, содержащие фонемы, которые не имеют прямого эквивалента в финском языке (например, *television*, *measure* или *Asia*, содержащие свистящий звук /s/). В зависимости от уровня показанных результатов дети были разделены на две группы. Результаты продемонстрировали, что дети, продемонстрировавшие большие способности в произношении английских слов, имели лучшие музыкальные навыки, чем дети, которые произносили английские слова менее точно (Milovanov, Huotilainen, Välimäki, Esquef, Tervaniemi 2008). Более того, Милованов и др. обнаружили ту же закономерность результатов у финской молодежи: участники с более высокими музыкальными способностями могли произносить английские слова точнее, чем участники с более низкими музыкальными способностями (Milovanov, Huotilainen, Välimäki, Esquef, Tervaniemi 2008). По мнению авторов, положительная корреляция между общими музыкальными способностями и уровнем эффективности при выполнении теста на произношение иностранных слов свидетельствует о взаимосвязи между музыкальными способностями и навыками владения иностранным языком.

3. Сегментация языка

Наряду с овладением фонетическим инвентарем ИЯ, еще одной серьезной проблемой, с которой сталкиваются обучающиеся, является способность сегментировать речь на отдельные слова. Поскольку границы слов не всегда обозначаются акустическими сигналами (паузами или ударениями), обучающиеся зачастую воспринимают иностранный язык как непрерывный речевой поток. Как правило, слоги, которые являются частью одного и того же слова, имеют тенденцию предсказуемо следовать друг за другом, тогда как слоги, которые охватывают границы слов, этого не делают. Например, в слове *prettybaby* вероятность того, что за *pre* следует *ty* (*pretty*), выше, чем вероятность того, что за *pre* следует *ba*. Важность переходных вероятностей в сегментации речи была продемонстрирована как у взрослых, так и у детей.

Эксперименты по статистическому обучению обычно состоят из фазы ознакомления (обучения), во время которой участники слушают статистически структурированный непрерывный поток искусственных слогов, и теста, в котором участники должны выбрать, какой из двух элементов был частью искусственного языка (другой элемент был построен с аналогичными слогами, но не был частью языка). Результаты нескольких экспериментов с использованием как лингвистических, так и нелингвистических звуков показали, что участники способны сегментировать непрерывный поток, используя только переходные вероятности (Strait, Kraus 2011). Кро-

ме того, вокальная речь (пение) значительно облегчает сегментацию слов (Saffran, Johnson, Aslin, Newport 1999).

Франсуа и Шен использовали искусственный язык для проверки влияния музыкальных навыков взрослых на сегментацию слов и музыкальных звуков (François; Schön 2011). В эксперименте участвовали две группы: 16 профессиональных музыкантов (средний возраст 27 лет, 12 лет формального музыкального обучения и от 3 до 7 часов ежедневной практики) и 20 нем музыкантов. Искусственный язык состоял из 11 слогов, объединенных в пять трехсложных псевдослов (гимысы, мимози, погыси, пимисо и сипыгы), при этом каждый слог всегда ассоциировался с одним и тем же тоном. Все участники были носителями французского языка и в течение 5,5 минут слушали непрерывный речевой поток, полученный в результате конкатенации пяти трехсложных псевдослов, которые повторялись в случайном порядке. Во время теста участники должны были сделать выбор, нажимая на соответствующую кнопку на клавиатуре компьютера, каждая из двух строк наиболее точно соответствует тому, что они только что услышали в потоке. В лингвистическом тесте элементы имели четкий контур («разговорный» вариант), в то время как в музыкальном тесте это были звуки фортепиано. Несмотря на то что результаты не выявили явного влияния музыкального опыта на поведенческом уровне, данные, полученные методом вызванных потенциалов мозга, показали, что у музыкантов больше компонентов, подобных N400, характеризующих степень активности той или иной области мозга, чем у нем музыкантов, как в языковых, так и в музыкальных тестах.

Франсуа и коллеги провели лонгитюдное исследование в течение двух лет с участием школьников в возрасте от 8 до 10 лет, не являющихся музыкантами. Перед началом эксперимента детей тестировали в два приема. Первый этап включал стандартные нейропсихологические тесты, тест стандартными прогрессивными матрицами Равена, тесты на внимание и оценки речи. На втором этапе детям было предложено пассивно слушать искусственный язык пения. Искусственный язык был построен из девяти слогов, объединенных в четыре трехсложных слова (гимиси, погиси, пимисо, сипиги), в которых каждый слог ассоциировался с определенным тоном. Основываясь на оценках детей по тестам, описанным выше, дети были псевдослучайно распределены на группу с музыкальным обучением и группу обучения живописи (контрольная группа), чтобы гарантировать отсутствие различий между группами до начала обучения. Все дети были протестированы повторно примерно через один год и еще раз примерно через два года, с использованием точно такой же процедуры, как и при первом тестировании. Как поведенческие, так и электрофизиологические

показатели выявили большее улучшение сегментации речи после занятий музыкой, чем после занятий живописью.

Таким образом, можно прийти к выводу, что приведенные выше результаты подтверждают гипотезу: музыкальная подготовка как у взрослых, так и у детей улучшает сегментацию речи в искусственном языке. Важно отметить, что лонгитюдный подход позволил продемонстрировать, что наблюдаемое улучшение сегментации речи с большей вероятностью является результатом музыкального обучения, чем генетической предрасположенности к музыке.

4. Интерпретации результатов и будущие направления исследований

Музыкальная практика требует постоянного внимания и памяти. Некоторые авторы указывали на важность внимания в изучении ИЯ (Guion, Pederson 2007), и результаты показали повышенное слуховое внимание у музыкантов по сравнению с немусыкантами (Slevc, Miyake 2006). Кроме того, были обнаружены положительные корреляции между продолжительностью музыкального тренинга и вербальной рабочей памятью (Brandler, Rammsayer 2003). Тесная связь когнитивных навыков, таких как внимание и рабочая память, с музыкальной подготовкой, вероятно, облегчит изучение ИЯ музыкантами по сравнению с немусыкантами.

Бессон и коллеги предположили, что передача обучающих эффектов может также способствовать специфическим аспектам обработки речи, таким как сегментарные и надсегментарные контрасты и просодическая обработка (Besson, Chobert, Marie 2011). В соответствии с этой концепцией имеющиеся результаты свидетельствуют о том, что музыкальный опыт не только формирует активность мозговых структур, необходимых для обработки акустических сигналов в речи, таких как ствол мозга, первичная слуховая кора и надвесочная область коры, но также может влиять на активность других областей мозга, которые более конкретно вовлечены в фонологическую обработку, таких как верхняя височная борозда и нижняя лобная извилина, областей, которые, как известно, вовлечены в изучение новых речевых контрастов. По мнению авторов, степень успешности обучения связана с эффективностью активации в лобных речевых областях и деактивации в височных речевых областях.

Другие интерпретации основаны на модели двух потоков обработки речи Хиккока-Поппеля, которая утверждает, что восприятие речи происходит билатерально (Nickok, Roesperl 2007). Первичная обработка (касающаяся фонологического состава и частотно-временных характеристик звука) происходит в задней части верхней височной извилины и областях, окру-

жающих верхнюю височную. Вентральный поток направляется к передним и средним отделам височной доли, он участвует в собственно распознавании и лексическом анализе речи (понимании ее смысла, соотнесении с хранящимися в памяти концептами). Дорсальный участвует в сенсомоторной интеграции, то есть соотнесении с моторными образами слов, и включает два отдельных пути. Предположительно один из них участвует в восприятии и проекции на артикуляцию отдельных сегментов членораздельной речи, второй — управляет построением последовательностей сегментов и обеспечивает более сложные навыки, такие как, например, обучение новым словам. Основываясь на этой модели, более точное произношение иностранных слов и более высокие способности к сегментации речи у музыкантов могут быть объяснены различиями в функционировании ствола мозга и первичной слуховой коры, которые приводят к реорганизации нейронов вдоль слухового дорсального пути (сенсомоторный интерфейс). Хотя результаты, рассмотренные выше, ясно показывают, что музыкальная компетентность положительно влияет на некоторые аспекты обучения ИЯ, такие как восприятие и производство новых фонетических контрастов, необходимы дополнительные исследования, чтобы продемонстрировать, что музыкальная компетентность облегчает различные процессы, связанные с изучением ИЯ. Например, результаты на подкорковом уровне четко показали усиленное кодирование надсегментарных лексических тональных контрастов в ИЯ (Wong, Perrachione, Parrish, Neural 2007). Однако, насколько нам известно, еще ни одно исследование не изучало влияние музыкальной компетентности на кодирование слогов, отличающихся от инвентаря родного языка сегментарными вариациями (время начала речи, место артикуляции, форманты). Такие исследования помогут определить, влияет ли музыкальный опыт также на подкорковое кодирование очень тонких вариаций, таких как задержка времени начала речи или отклонение форманты.

Возможно, самое главное, что овладение вторым языком требует изучения новых звуковых и смысловых ассоциаций. Поэтому важным направлением будущих исследований является определение того, может ли предыдущий музыкальный опыт или музыкальная подготовка способствовать изучению таких ассоциаций. Предыдущее исследование Вонга и Перрачione (Tillmann, McAdams 2004) очень показательным в этом отношении. Взрослым носителям английского языка было предложено научиться ассоциировать изображение объекта с английскими псевдословами, наложенными на неродные паттерны высоты (тона). Хотя музыкальная подготовка в этом исследовании не принималась во внимание, результаты показали, что семь из девяти испытуемых, которые успешно справились с тестом,

были музыкантами-любителями. В связи с вышеизложенным возникает соблазн предположить, что музыкальная компетентность, повышая чувствительность к звукам ИЯ, может также способствовать ассоциации звука со значением.

Наконец, важно иметь в виду, что корреляция не указывает на причинно-следственную связь и что единственный способ проверить причинно-следственную связь с музыкальным обучением — это провести лонгитюдное исследование с участием немусыкантов. Насколько нам известно, такие исследования показали положительное влияние музыкального обучения на обработку родного языка, но еще не проводились для проверки влияния музыкального обучения на обработку ИЯ.

5. Заключение

Овладение вторым языком — это сложный процесс, требующий многочисленных способностей, таких как точное кодирование и восприятие звуков речи, построение твердых представлений, соответствующая сегментация слов и ассоциация звука со значением, соответствующее произношение, а также способности к памяти и вниманию. В настоящем обзоре мы описали результаты, демонстрирующие, что музыкальная компетентность оказывает положительное влияние на некоторые из этих способностей. Хотя дополнительные исследования необходимы, результаты, рассмотренные выше, подчеркивают важность музыкальной компетентности для восприятия и воспроизведения звуков на ИЯ. Формируя слуховую систему и совершенствуя слуховые когнитивные навыки, музыкальное обучение может помочь как детям, так и взрослым смягчить некоторые из их фонологических недостатков и облегчить овладение вторым языком.

Список литературы / References

- Besson, Mireille, Chobert, Julie, Marie, Céline. (2011) Transfer of Training Between Music and Speech: Common Processing, Attention and Memory. *Front. Psychol*, 2, 94.
- Besson, Mireille, Schön, Daniele, Moreno, Sylvain, Santos, Andréia, Magne, Cyrille. (2007) Influence of Musical Expertise and Musical Training on Pitch Processing in Music and Language. *Restor. Neurol. Neurosci*, 25, 399–410.
- Bettoni-Techio, Melissa, Rauber, Andréia. S., Koerich, Rosana. D. (2007) Perception and Production of Word-final Alveolar Stops by Brazilian Portuguese Learners of English. *Proceedings of Interspeech 2007; Antwerp, Belgium. 2007*, 2293–2296.
- Birdsong, David. (2005) *Interpreting Age Effects in Second Language Acquisition*. New York: Oxford University Press, 109–127.
- Brandler, Susanne, Rammsayer, Thomas H. (2003) Differences in Mental Abilities Between Musicians and Non-musicians. *Psychol. Music*, 31, 123–138.

- Chandrasekaran, Bharath, Kraus Nina, Wong, Patrick C. M. (2012) Human Inferior Colliculus Activity Relates to Individual Differences in Spoken Language Learning. *J. Neurophysiol*, 107, 1325–1336.
- Chobert, Julie, Marie, Céline, François, Clément, Schön, Daniele, Besson, Mireille. (2011) Enhanced Passive and Active Processing of Syllables in Musician Children. *J. Cogn. Neurosci*, 23, 3874–3887.
- Delogu, Franco, Lampis, Giulia, Belardinelli, Marta O. (2006) Music-to-language Transfer Effect: May Melodic Ability Improve Learning of Tonal Languages by Native Nontonal Speakers? *Cogn. Process*, 7, 203–207.
- Delogu, Franco, Lampis, Giulia, Belardinelli, Marta O. (2010) From Melody to Lexical Tone: Musical Ability Enhances Specific Aspects of Foreign Language Perception. *European Journal of Cognitive Psychology*, 22 (1), 46–61.
- François, Clément, Schön, Daniele. (2011) Musical Expertise Boosts Implicit Learning of Both Musical and Linguistic Structures. *Cereb. Cortex*, 21, 2357–2365.
- François, Clément, Chobert, Julie, Besson, Mireille, Schön, Daniele. (2013) Music Training for the Development of Speech Segmentation. *Cereb. Cortex*, 23 (9), 2038–2043.
- Friedman, Miyake. (1998) Individual differences in second language proficiency: Working memory as language aptitude'. In Healy, Alice F. and Bourne Jr., Lyle E. (eds.), *Foreign Language Learning: Psycholinguistic Studies on Training and Retention*, Erlbaum, Mahwah, NJ, 339–364.
- Guion, Susan G., Pederson, Eric. (2007) Investigating the Role of Attention in Phonetic Learning. In Bohn, Ocke-Schwen, Munro, Murray J. (eds.) *Language Experience in Second Language Speech Learning: In honor of James Emil Fledge*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 57–77.
- Hickok, Gregory, Poeppel, David. (2007) The Cortical Organization of Speech Processing. *Nat. Rev. Neurosci*, 8, 393–402.
- Maess, Burkhard, Koelsch, Stefan, Gunter, Thomas C., Friederici, Angela D. (2001) Musical Syntax is Processed in Broca's Area: An MEG Study. *Nat. Neurosci*, 4, 540–545.
- Magne, Cyrille, Astésano, Corine, Aramaki, Mitsuko, Ystad, Sølvi, Kronland-Martinet, Richard, Besson, Mireille. (2007) Influence of Syllabic Lengthening on Semantic Processing in Spoken French: Behavioral and Electrophysiological Evidence. *Cereb. Cortex*, 17, 2659–2668.
- Magne, Cyrille, Schön, Daniele, Besson, Mireille. (2006) Musician Children Detect Pitch Violations in Both Music and Language Better than Nonmusician Children: Behavioral and Electrophysiological Approaches. *J. Cogn. Neurosci*, 18, 199–211
- Majerus, Poncelet, Van der Linden, Weekes. (2008) Lexical learning in bilingual adults: the relative importance of short-term memory for serial order and phonological knowledge. *Cognition*, 107, 395–419.
- Marie, Céline, Delogu, Franco, Lampis, Giulia, Olivetti Belardinelli M., Besson, Mireille. (2011) Influence of Musical Expertise on Segmental and Tonal Processing in Mandarin Chinese. *J. Cogn. Neurosci*, 23, 2701–2715.
- Marques, Carlos, Moreno, Sylvain, Castro, Sao L., Besson, Mireille. (2007) Musicians Detect Pitch Violation in a Foreign Language Better than Nonmusicians: Behavioral and Electrophysiological Evidence. *J. Cogn. Neurosci*, 19, 1453–1463.

- Milovanov, Riia, Huotilainen, Minna, Välimäki, Vesa, Esquef, Paulo A. A., Tervaniemi, Mari. (2008) Musical Aptitude and Second Language Pronunciation Skills in School-Aged Children: Neural and Behavioral Evidence. *Brain Res.*, 1194, 81–89.
- Moyer, Alene. (1999) Ultimate Attainment in L2 Phonology. *Studies in Second Language Acquisition*, 21, 81–108.
- Patel, Aniruddh D. (2008) *Music, Language, and the Brain*. Oxford: Oxford University Press.
- Patel Aniruddh D. (2010) Music, Biological Evolution, and the Brain. In Bailar, Melissa, Levander, Caroline F., Henry, Charles. (eds.) *Emerging Disciplines: Shaping New Fields of Scholarly Inquiry in and beyond the Humanities*. Houston: Rice University Press, 91–144.
- Sadakata, Makiko, Sekiyama, Kaoru. (2011) Enhanced Perception of Various Linguistic Features by Musicians: A Cross-linguistic Study. *Acta Psychol (Amst)*, 138, 1–10.
- Saffrana, Jenny R., Johnson, Elizabeth K., Aslin, Richard N., Newport, Elissa L. (1999) Statistical Learning of Tone Sequences by Human Infants and Adults. *Cognition*, 70, 27–52.
- Schön, Daniele, Magne Cyrille, Besson, Mireille. (2004) The Music of Speech: Music Training Facilitates Pitch Processing in Both Music and Language. *Psychophysiology*, 41, 341–349.
- Slevc, Robert L. (2012) Language and Music: Sound, Structure, and Meaning. *WIREs Cogn. Sci.*, 3, 483–492.
- Slevc, Robert L., Miyake, Akira. (2006) Individual Differences in Second Language Proficiency: Does Musical Ability Matter? *Psychol. Sci.*, 17, 675–681.
- Strait, Dana L., Kraus, Nina. (2011) Playing Music for a Smarter Ear: Cognitive, Perceptual and Neurobiological Evidence. *Music Percept*, 29, 133–146.
- Tillmann, Barbara, McAdams, Stephen. (2004) Implicit Learning of Musical Timbre Sequences: Statistical Regularities Confronted with Acoustical (Dis)Similarities. *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn*, 30, 1131–1142.
- Wong, Patrick C. M., Perrachione, Tyler K., Parrish, Todd B. (2007) Neural Characteristics of Successful and Less Successful Speech and Word Learning in Adults. *Hum. Brain Mapp*, 28, 995–1006.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-165-170

ОТ ПАЛИТРЫ ЭМОЦИЙ ДО БЕСКОНФЛИКТНОГО ОБЩЕНИЯ

А. Д. Бакина¹, А. В. Иванова², Т. Н. Федуленкова²

¹Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Орел, Россия

²Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Рецензия на кн.: **Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков.** Коллективная монография / Отв. ред. Е. Р. Иоанесян, Ред. колл.: Н. К. Рябцева, М. Л. Ковшова, П. С. Дронов, О. С. Орлова. М.: ИЯ РАН, 2020. 244 с.

Монография посвящена исследованию языковых единиц, относящихся к семантическому полю эмоция. По утверждению К. Изарда, эмоция, представляя собой одну из самых сложных систем внутреннего мира человека, отраженных в языковой картине мира, определяют качество нашей жизни (Изард 1980). Как известно, языковые средства, передающие эмоция, чрезвычайно разнообразны, и их изучение в разных языках дает богатый материал для выявления как их общих, универсальных свойств, так и их отличительных особенностей, для реконструкции наивной картины мира, отображенной этими языковыми средствами.

Для решения поставленной задачи в данной коллективной работе применяется прежде всего инновационный частнодисциплинарный метод изучения семантической деривации в лексическом поле эмоция. Кроме того, авторы рецензируемой монографии применяют ряд методов гибридных методологических уровней, как то: синтез философской и общенаучной методологии, семиотический подход, методики функционально-синергетического анализа (Пономаренко 2015: 228–239) и некоторые макропарадигмальные и частнодисциплинарные методы и методики лингвистики (Комарова 2018: 381), в том числе и лингвокультурологический метод (Федуленкова 2014: 178).

В первом разделе монографии «Типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоция» (автор — Е. Р. Иоанесян) внимание исследователя сосредоточено на базовых типах семантических переходов, которые образуют основу номинации эмоция в генетически близкородст-

венных и отдаленных языках. В качестве объекта научного анализа автор избирает предикативные образования, которые номинируют страх, разочарование, сожаление и раскаяние, радость и удовольствие в генетически соотнесенных группах языков: славянской группе (русский, польский), германской группе (английский, немецкий), романской группе (латинский, французский, испанский, итальянский, португальский) и некоторых других. В эпоху лингвистического постмодернизма с ее стремлением «сбалансировать исследовательские интересы к формальному и содержательному планам языка» (Алефиренко 2008: 4) изучение семантической деривации актуально как для теоретической семантики, так и для практической лексикографии и привлекает все большее число исследователей.

В этом разделе анализу подвергаются частотные типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций страха, разочарования, сожаления и раскаяния, радости и удовольствия в разных языках. Проанализировав способы номинации эмоций, которые отражены во внутренней форме слов, синхронной полисемии и фразеологии, автор приходит к инновационному заключению о том, что в основе номинации эмоций, как правило, часто лежат семантические переходы, базирующиеся на компонентах, импликациях и инцидентных следствиях прототипической ситуации эмоции (Представление... 2020: 68). Сформулированные автором модели семантических переходов способствуют обнаружению и дифференциации универсальных и национальных характеристик картины мира в разных языках. Результаты анализа могут оказаться релевантными в семантической типологии, при построении объяснительных моделей языка.

Считаем, что инновационной находкой автора вполне можно назвать выявленные два вида трансформаций при переводе, а именно: 1) замена при переводе лексемы со значением «эмоциональное состояние» языковыми единицами, эксплицирующими какой-л. из компонентов прототипической ситуации этого состояния, и 2) замена обозначения какого-л. компонента прототипической ситуации эмоционального состояния лексемой со значением этого состояния.

Во втором разделе «Эмоциональная сфера человека: интегральное представление эмоционального, рационального и эстетического в состояниях сознания, языке и коммуникации» (автор — Н. К. Рябцева) рассматриваются лингвистические средства, отражающие взаимодействие эмоционального, рационального и эстетического в сознании человека, в языке, речи и коммуникации. Особое внимание уделяется специфике научной коммуникации и ее метанаучной и прагмаэстетической квалификации, а также соответствующим прикладным проблемам языкознания, таким как проблемы переводоведения, преподавания иностранных языков и др., за-

дача которых — учитывать асимметрию в языковом выражении эмоциональной сферы человека и связанных с ней внутренних состояний субъекта коммуникации.

Результаты анализа позволяют автору сделать ряд неординарных выводов о значительных трансформациях, как жанровых, так и стилистических, и в самом научном стиле, и в названиях научных публикаций — явлений, которые автор объясняет «активным влиянием общекоммуникативных тенденций в современном мире» (Представление... 2020: 123). Автор характеризует эти явления как полные динамики, инноваций и креативности, называет их полимодально, прагматически и эстетически ориентированными, подчеркивая при этом особую роль, которую в них выполняет тенденция к объединению эмоционального, рационального и эстетического.

В третьем разделе «Прилагательное эмоциональной оценки *страшный*: значение и употребление» (автор — М. Л. Ковшова) исследуются семантические признаки прилагательного *страшный*, способы и условия их выражения. Описание прилагательного *страшный* во многом основано на схеме, предложенной Н. Д. Арутюновой для «Лексикона эстетической оценки» (коллективная рукопись 2004 года) (Представление... 2020: 131). Автор указывает словарные дефиниции прилагательного, приводит этимологию, определяет область денотации, указывает критерии оценки, описывает соединение в контексте с другими прилагательными и, наконец, анализирует фразеологизмы с компонентом *страшный*. Концептуализация *страшного* рассматривается во взаимосвязи с другими категориями: «Страшное и фактор времени», «Страшное и сон», «Страшное и смешное», «Страшное как источник наслаждения» и т. п.

Исследование прилагательного эмоциональной оценки *страшный* показало своеобразие данной оценки в системе ценностных отношений, выявило палитру составляющих ее семантических признаков — эмоционального, интеллектуального и эстетического и их оттенков, а также значение квалификации, усиления и модификации других признаков. Автор приходит к заключению, что снову семантики прилагательного *страшный* составляет эмоциональная оценка, на которую «надстраиваются» остальные значения. Подробное описание семантики прилагательного *страшный*, способов ее выражения и условий употребления в речи, представляя целиком и в деталях важный фрагмент русской языковой картины эмоций, являет собой образец научного анализа в лингвистике, достойного подражания.

В четвертом разделе «Соматические идиомы, обозначающие эмоции: жесты и симптоматические выражения» (автор — И. С. Дронов) анализи-

руется значение и употребление эмотивных идиом с компонентами-соматизмами. Материалом для исследования послужили фразеологические единицы русского, сербохорватского, английского, немецкого и ирландского языков.

В результате проведенного исследования автор имеет основания утверждать, что идиомы с компонентами *волосы* и *глаза* демонстрируют единообразие как во фразеологическом значении и образной составляющей, так и в особенностях употребления и лексико-грамматических изменений, что, в частности, подтверждается преобладанием аналитического способа образования каузативных пар типа *выпучить глаза* — *заставить выпучить глаза*).

Автор приходит к выводу о том, что идиомы с компонентами-соматизмами обозначают и сам процесс эмоционального воздействия, и его результат (в том числе эмоции-состояния и эмоции-отношения). На это указывают и фразеологические значения таких идиом, и их прагматика: ср. особые дискурсивные приметы в словарных статьях таксонов «Чувства-состояния» и «Чувства-отношения» (например, «говорится с неодобрением»). Представляется интересным, что такое соединение процесса, результата, эмоции-состояния и эмоции-отношения характерно для идиом, описывающих как положительное, так и отрицательное воздействие.

В пятом разделе «Эвфемизация как речевая стратегия сдерживания эмоций (на материале английских и русских эвфемизмов на темы смерти и рождения)» (автор — О. С. Орлова) рассматривается особое свойство эвфемизмов, заключающееся в семантическом перефокусировании или установлении отдалённых связей между объектом исходной и эвфемистической номинации, которое используется для того, чтобы сдержать эмоции адресата при затрагивании неприятных или деликатных тем. На примере эвфемизмов на темы рождения и смерти русского и английского языков показано, как метафорическое обозначение предметов, явлений, лиц, событий и действий, прямые номинации которых употреблять нежелательно, ориентирует коммуникантов на спокойное и бесконфликтное общение, свободное от избыточных эмоций.

Автор подмечает, что эвфемизация речи как тактика сдерживания эмоций получила большое распространение в современной коммуникации. Эвфемизмы как заменные слова и выражения, употребляющиеся с целью смягчения и вуалирования, способствуют сдерживанию эмоций адресата. В основе употребления эвфемизмов, как правило, лежит стремление адресанта не задеть, не обидеть, не расстроить, не смутить, не оскорбить собеседника, что становится возможным благодаря иносказательному характеру эвфемизмов. Важным является наблюдение автора о семантическом пе-

рефокусировании, свойственном эвфемизмам, и установлении отдалённых связей между объектом исходной и эвфемистической номинации, которое используется, чтобы сдерживать эмоции адресата при затрагивании неприятных и деликатных тем.

Результаты исследования приводят автора к выводу о том, что наиболее распространённым способом образования эвфемистических именовании, способствующих сдерживанию эмоций, является подмена значения, которая, как правило, реализуется с помощью метафоры. Метафора «маскирует» элементы сообщаемого, способные вызвать нежелательные чувства и эмоции. Автор убедительно доказывает, что концептуальная метафора в эвфемизмах одновременно является и инструментом вуалирования, и апеллирует к сознанию адресата, как бы указывая на скрытый предмет обозначения.

Данное исследование имеет большое практическое значение. Оно показывает, что метафорическое обозначение предметов, явлений, лиц, событий и действий, прямые номинации которых по тем или иным причинам нежелательно употреблять в данной ситуации, ориентирует участников коммуникации на спокойное и бесконфликтное общение, свободное от избыточных эмоций.

Подводя итоги, отметим несомненную актуальность рецензируемой монографии, ее новаторский характер, широту охвата языкового материала и глубину его анализа. Перспективность данного научного труда видим в его ценности для грядущих межкультурных, кросс-лингвистических и прагматических исследований в сфере изучения семантики и семиотики эмоций.

Список литературы / References

- Алефиренко Н. Ф.* Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: БелГУ, 2008. [Alefirenko, Nikolay F. (2008) *Frazeologiya i kognitivistika v aspekte lingvisticheskogo postmodernizma* (Phraseology and Cognitive Science in the Aspect of Linguistic Postmodernism). Belgorod: BelGU. (In Russian)].
- Изард К.* Эмоции человека / под ред. Л. Я. Гозмана М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 52–71. [Izard, Carroll. (1980) *Emocii cheloveka* (Human Emotions). Gozman, Leonid Ya. (ed.). Moscow: Izd-vo MGU, 52–71. (In Russian)].
- Комарова З. И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. [Komarova, Zoya I. (2018) *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnyh issledovaniy v lingvistike* (Methodology, Method, Technique and Technology of Scientific Research in Linguistics). Moscow: FLINTA, Nauka. (In Russian)].
- Пономаренко Е. В.* Основания функциональной лингвосинергетики. М.: МГИМО-Университет, 2015. [Ponomarenko, Evgeniya V. (2015) *Osnovaniya funkcional'noj*

lingvosinergetiki (Foundations of Functional Linguosynergetics). Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russian)].

- Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. Коллективная монография / Отв. ред. Е. Р. Иоанесян, Ред. колл.: Н. К. Рябцева, М. Л. Ковшова, П. С. Дронов, О. С. Орлова. М.: Институт языкознания РАН, 2020. [*Predstavlenie emocional'noj sfery cheloveka na materiale raznyh yazykov. Kollektivnaya monografiya* (Representation of the Emotional Sphere of a Person on the Material of Different Languages. Collective Monograph). In Ioanesyan, Evgeniya R., Ryabceva, Nadezhda K, Kovshova, Maria L., Dronov, Pavel S., Orlova, Olga S. (eds.). Moscow: Institut yazykoznaneya RAN. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Лингвокультурологический метод в фразеологии М. Л. Ковшовой: индекс инновации // *European Social Science Journal*, 2014. Т. 2, № 4 (43), 178–182. [Fedulenkova, Tatiana N. (2014) *Lingvokul'turologicheskij metod v frazeologii M. L. Kovshovoj: indeks innovacii* (Linguoculturological Method in the Phraseology of M. L. Kovshova: the Index of Innovation). *European Social Science Journal*, vol. 2, 4 (43), 178–182. (In Russian)].

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-171-176

О СЕМАНТИЗАЦИИ СОБСТВЕННОГО ИМЕНИ В ПАРЕМИЯХ И ИДИОМАХ

Т. Н. Федуленкова, С. А. Волкова, А. В. Иванова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

Рецензия на кн.: *Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах*. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с. ISBN 978-5-9710-6608-8.

Новая, необычная книга спешит порадовать филологов и лингвистов своим появлением, равно как и содержанием, – недавно опубликованный словарь, подготовленный к печати профессором М. Л. Ковшовой (Ковшова 2019). Это, бесспорно, еще один новаторский словарь, отвечающий требованиям времени, чаяниям и лингвокультурологов, и фразеологов, и других ученых специалистов (Ковшова 2017; Федуленкова 2019: 188–193).

Словарь состоит из трех больших частей: «Собственное имя в загадках. Собственное имя в отгадках», «Собственное имя в пословицах и поговорках», «Собственное имя в идиомах».

Будучи семантически пустыми знаками языка, собственные имена, по наблюдению М. Л. Ковшовой, служат в основном «строительным» материалом для паремий и идиом, участвуя в создании рифмы и ритма, имея много вариантов — как имен собственных, так и имен нарицательных. В загадках собственные имена могут не только помочь в отгадывании, но и увести в сторону от искомого предмета, отвлекая внимание на личные имена, на имена прецедентные, на вымышленные имена. В то же время при восприятии паремий и идиом осуществляется интерпретация собственного имени в пространстве культурной информации: так, в памяти зримо возникает сказочный образ Кощея, возникают ассоциации, связанные с легендами о царе Давиде. Эти ассоциации могут быть ненужными и тут же отбрасываются сознанием, но могут быть и значимыми для разгадывания. Так, *Кощей* состоит из костей, они рассыпаются, как рассыпается горшок на черепки, и Кощейю, и горшку наступает конец. А вот имя *царь Давид* вводит в заблуждение — оно участвует лишь в создании рифмы, образ царя Давида случайный, это ложный путь в разгадывании; и пробужденные этим именем ассоциации мгновенно обесмысливаются: *Царь Давид мост мостит без ножа, без топора* (мороз – холод, иней, лед). Искусственные имена часто подсказывают, поскольку являются, как правило, «говорящи-

ми»: *Клюковица* — клюка — изогнутая — кочерга; *Космач* — косматый — лохматый — помело; *Хлопун* — хлопает хлыстом — пастух; *царь Будимир* — всех будит своим криком — петух; *дедко Коптел* — закоптившийся чугунок; и т. д.

По наблюдению автора, обычные антропонимы: *Пахом*, *Антошка* и т. п. помогают в отгадывании обычно тем, что помогают найти нужную рифму; ср.: *Что в избе Фрол?* (стол). Редко помогает визуальный образ имени; ср.: *Стоит Ферт подбоченившись* (самовар; Ферт — старинная буква, название буквы «Ф»). Чаще подсказывают эпитеты: *Матрёна здорова, ядрёна* — печь, *мокрый Мартын* — язык, *сухой Мартын* — ружьё. Но одного собственного имени, эпитетов и др. для разгадывания недостаточно, поясняет М. Л. Ковшова, — загадка вся является характеристикой отгадки, и потому на исходный денотат указывает не один компонент, а целостный образ: *Стоит Матрёна здорова, ядрёна, пасть открывает, что дают, глотает* (печь); *Дервяшка везёт, костяшка грызёт, мокрый Мартын подкладывает* (ложка, зубы, язык во время еды); *Сухой Мартын далеко плюёт* (ружьё).

Не менее интересную работу сознания с собственными именами подмечает М. Л. Ковшова в пословицах, поговорках и идиомах. Инновационной является идея автора о том, что использование антропонимов в паремиях и идиомах отвечает постоянно возникающей потребности в типизации объектов действительности и концептуализации их свойств. М. Л. Ковшова убедительно показывает, как в загадках антропоним участвует в фокусировании внимания на предметах, воплощающих в себе класс предметов действительности.

Отмечая, что в семантику пословиц и поговорок свои значимые культурные смысловые «добавки» привносят, прежде всего, хрононимы, мифонимы, агонимы, исторические онимы, М. Л. Ковшова видит также и ту сильную лепту, которую вносят в обогащение смысла паремий и антропонимы, а именно: они обозначают характерные качества и свойства людей, и под личное имя «собирается» тот или иной социальный тип: *Фома* — неверующий, *Тит* — лентяй и дармоед, *Емеля* — пустомеля, *Варвара* — любопытная.

Что касается идиом, то, по мнению автора словаря, кодировка мифологем, символов, эталонов, стереотипов осуществляется в идиомах посредством хрононимов, мифонимов, агонимов, исторических онимов и в еще большей степени литературных имен, напр.: *дождаться Юрьева дня* — возможность перемен; *как Кощей* — худой, жадный; *поцелуй Иуды* — мнимое дружелюбие, за которым кроется предательство; *как папа Карло трудиться* — постоянно работать; *Мамаево побоище* — большой беспорядок.

док; *Иван Сусанин* — человек, из-за которого можно заблудиться; *Ромео и Джульетта* — юные влюбленные. Антропонимы, как подлинные, так и искусственные, в идиомах участвуют в персонификации отрицательных или положительных характеристик: *хитрый Митрий* — хитрец, обманщик; *Филькина грамота* — не имеющий силы документ; *Балда Ивановна* (жарг.) — глупая, несообразительная, забывчивая, рассеянная женщина; *то Вася, то не Вася* (жарг.) — о человеке, который проявляет сомнение, нерешительность.

Автор дифференцирует два вида идиом с литературными онимами, включающими в себя: 1) образные выражения, в которых используется литературный оним; 2) цельнопредикативные обороты, возникшие в качестве цитат из литературного / художественного источника, с показательным для этого источника онимом.

Первые — идиомы с литературными онимами — образно описывают происходящее, сообщают оценку и выражают эмотивное отношение, характеризуются высокой степенью устойчивости и нерегулярностью образования смысла, или идиоматичностью. Почти у всех единиц с литературными онимами идиоматичность не связана с непрозрачностью — образы в таких идиомах прозрачны, мотивированность внутренней формы ясна. Идиомы с литературными онимами выполняют функцию эталонов, символов, стереотипов: *ревнивый как Отелло*; *уродлив как Квазимодо*; *хитрый и коварный как Лиса Алиса*. Автор обращает внимание читателя на позицию предиката и на функцию характеристики, которую выполняют в предложении эти обороты. Не проходит мимо внимания автора и тот факт, что зачастую фразеологические компаративы трансформируются в лексические метафоры, и литературные онимы превращаются в прозвища для конкретных референтов, которые по тем или иным признакам, внешним или внутренним, сходны с художественными персонажами: *Отелло*, *Квазимодо*, *Дюймовочка*, *Фредди Крюгер* и т. п.

Вторые — идиоматичные цельнопредикативные обороты с литературными онимами, отмечает М. Л. Ковшова, во многом сходны с крылатыми выражениями: *Фигаро здесь, Фигаро там* — о человеке, который за короткий срок успевает справиться с разными делами. Однако идиоматичные обороты не служат лишь литературной иллюстрацией для бытовых ситуаций. У них формируется своя семантика; они гибко встраиваются в коммуникацию, служат репликами в диалоге, во многом благодаря ониму, который употребляется часто в вокативной форме, напр.: *А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться. Людк, а Людк! Короче, Склифосовский!*

Новые явления во фразеологии фиксируются проницательностью автора, который отмечает, что «в настоящее время литературный дискурс,

особенно кинодискурс, отечественный и зарубежный, прежде всего из англоязычных культур, поставляет новые единицы, образующие некую «серую зону» между фразеологией, фольклором и кинодискурсом — цитаты-не цитаты, поговорки-не поговорки, идиомы-не идиомы, они бытуют в Интернете, входят вербальным компонентом в мемы и демотиваторы, употребляются в молодежном сленге, напр.: *Где деньги, Лебовски? Как тебе такое, Илон Маек? Ты ничего не знаешь, Джон Сноу* (Ковшова 2019: 11).

По форме и синтаксической функции одни из таких фразеологизмов сходны с крылатыми выражениями и поговорками, другие — с идиомами, хотя судить об их устойчивости, воспроизводимости и высокой степени переосмысления еще трудно: новые единицы бытуют локально и неизвестно, будут ли долговечны. Подобные новые явления фразеологии представлены в Словаре двумя-тремя единицами — для того, поясняет автор, чтобы увидеть, как смотрится такой сетевой фразеологизм среди других идиом, как он «обживает» в Словаре. И без этого блок «Собственное имя в идиомах» очень пестрый, поскольку включает в себя идиомы узуальные и окказиональные, книжные и разговорные, жаргонные, сниженные, областные, а также фразеологизмы-эвфемизмы. Не в каждой идиоме узнает читатель Словаря свои, присущие его речевой культуре, его языковой картине мира единицы. Особенно необычно могут выглядеть областные и жаргонные идиомы, но не включать их нельзя, — уверен автор, — в противном случае данный блок лишится идиом с антропонимами, поскольку именно в грубо-просторечной, областной и жаргонной фразеологии употребляются антропонимы. Останутся только идиомы, в состав которых входят мифологические, религиозные, исторические и литературные онимы, но такое описание, заключает М. Л. Ковшова, не будет объективным в отношении современной русской речи. Тем самым, собственное имя в идиомах оказывается важным репрезентативным знаком, который выявляет пеструю картину стилистической неоднородности и структурного разнообразия фразеологизмов.

Собственное имя в загадках легко выделяется, чтобы послужить заголовочным словом, собирающим в одну словарную статью все структуры онима, его формы и конструкции. Такая легкость выделения объяснима: собственное имя локализует загаданный денотат в образной структуре загадки, «субстантивирует» и словно называет, хотя на самом деле вся загадка является названием для исходного денотата. Автор видит, однако, что именно антропоним является организующим центром, занимает инициальную позицию в тексте; к нему прилагаются подсказки, вокруг него строится целостный образ и иногда небольшой сюжет.

Собственное имя в пословицах и поговорках также легко вычленяется из текста и становится заголовочным словом, но по другим причинам. Пословицы и поговорки представляют сценки из народной жизни, и тот или иной персонаж, носящий собственное имя как маску, является легко узнаваемым в этом социальном «театре».

Только в идиомах собственные имена «сопротивляются» вычленению из семантически целостного знака. Новаторский подход и настойчивость составителя Словаря позволила найти компромисс между «природой» данного знака и «культурой» научной задачи — наглядно представить состав онимов в идиомах, показать их формы, структуры и позицию в тексте, самим описанием подтвердить апеллятивизацию собственных имен в идиомах. М. Л. Ковшова признает, что труднее всего оказалось вынести в заголовочную статью антропонимы — они «душой и телом» принадлежат целостному образу идиом. Легче из идиомы выделяются в заголовочное имя агонимы, мифонимы, хрононимы, исторические и литературные имена. И это объяснимо. Будучи прецедентными именами, они входят в идиому со своей культурной значимостью и не утрачивают ее в слитной семантике идиомы, остаются не компонентами, а «сжатыми текстами» в ее составе.

Прежде всего автор обращает внимание на тот факт, что паремии и идиомы с собственными именами выделяются из массива единиц, как выделяется человек из толпы. Собственные имена в паремиях и идиомах создают атмосферу театральности, разыгрывают «небылицы в лицах». Будучи лишь, по выражению В. И. Даля «внешней одеждой», собственные имена делают текст живым, приближают его к читателю, превращая восприятие загадок, пословиц, поговорок и идиом в диалог с их олицетворенными образами.

Особенно ярко и памятно выполняют онимы в паремиях и идиомах важнейшую культурно-языковую функцию: во-первых, быть носителями культурных смыслов, воплощенных в языковую оболочку, во-вторых, по-разному, в зависимости от знаковой специфики паремий и идиом, служить в их составе олицетворенными символами, эталонами, мифологемами, стереотипами и таким образом участвовать в процессах семиотизации ценностно значимого содержания культуры.

Созданный в лучших традициях Московской школы лингвокультурологического анализа фразеологии (Маслова 2008: 130, Федуленкова 2014: 178–182), данный словарь позволяет обнаружить в загадках, пословицах, поговорках и идиомах большое количество совпадающих буквально или сходных образов и показать, как культура кодирует исходные смыслы, воспроизводимые в паремиях и идиомах. Принципы описания в Словаре

обосновывают культурно-языковую функцию собственных имен, по своему проявляющуюся в поговорках и идиомах, — быть проводником в пространстве культуры, являться носителем ценностно значимого культурологического содержания, когнитивно релевантного сознанию современного носителя языка.

В заключение отмечаем чрезвычайную актуальность издания, тем более, что рецензируемый словарь представляет собой новаторский лексикографический продукт, который не имеет аналогов в мировой практике. Рекомендуем данное издание филологам, специалистам по лингвокультурологии и фразеологии, преподавателям, переводчикам и всем интересующимся данной проблемой читателям.

Список литературы / References

- Ковшова М. Л.* Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. [Kovshova, Maria L. (2017) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* (Dictionary of linguoculturological terms). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Ковшова М. Л.* Словарь собственных имен в русских загадках, поговорках, пословицах и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019. [Kovshova, Maria L. (2019) *Slovar' sobstvennykh imen v russkikh zagadkakh, poslovicah, pogovorkah i idiomah* (Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Sayings and Idioms). Moscow: LENAND. (In Russian)].
- Маслова В. А.* Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. [Maslova, Valentina A. (2008) *Sovremennye napravleniya v lingvistike* (Modern Tendencies in Linguistics). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н.* Лингвокультурологический метод в фразеологии М. Л. Ковшовой: индекс инновации // *European Social Science Journal*. 2014 Т. 2, № 4 (43), 178–182. [Fedulenkova, Tatiana N. (2014) *Lingvokul'turologicheskij metod v frazeologii M. L. Kovshovoj: indeks innovacii* (Linguoculturological Method in the Phraseology of M. L. Kovshova: the Index of Innovation). *European Social Science Journal*, vol. 2, 4 (43), 178–182. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н.* Новаторский словарь — ответ на требование времени. Рецензия на книгу: Словарь лингвокультурологических терминов // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2019. № 3 (90). С. 188–193. [Fedulenkova, Tatiana N. (2019) *Novatorskij slovar' — otvet na trebovanie vremeni. Recenziya na knigu: Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* // *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (90), 188–193. (In Russian)].

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-177-182

ВОЗВРАЩЕНИЕ АНДРЕ МАЛЬРО В РОССИЮ

С. М. Фомин

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Рецензия на кн.: *Мальро А. «Голоса тишины. Воображаемый музей. К 75-летию первого издания* / Пер. с фр. и коммент. Г. С. Беляевой; предисл. З. И. Кирнозе. СПб: Алетей, 2021. 494 с. ISBN 978-5-00165-228-1.

Русский перевод эссе «Голоса тишины» Андре Мальро появился как раз кстати: 3 ноября 2021 года исполняется 120 лет со дня рождения его автора. Для своего времени, сопряженного с мировыми войнами, политической нестабильностью и трагическим мироощущением французской национальной элиты, А. Мальро был фигурой выдающейся: *Romancier, critique d'art et critique littéraire, homme politique, ce «témoin capital» de notre époque, il la symbolisait, il la résumait pleinement* <...> (Langlois 1972: 2). («Романист, искусствовед, литературный критик, политический деятель, один из “главных свидетелей” нашей эпохи, он был ее символом, он ее воплощал <...>»)

Действительно, А. Мальро прошел долгий путь от модернистских поисков в молодости, увлечения «левыми» идеями в зрелости до министра Пятой республики. Кроме активной политической работы он прославился своими «большими» романами, которые были отмечены критикой как актуальные и, несомненно, талантливые. Так, любимый роман Э. Хэмингуэя «Удел человеческий», опубликованный Мальро в 1933 г. и отмеченный Гонкуровской премией, оказался в списке 50 лучших книг XX века (Бегбедер 2014: 17). Как справедливо пишет известный французский литературный критик, «для Мальро литература представляется одним из способов участия в трагедии своего времени» (<...> *pour Maulraux, la littérature constitue une des manières de participer à la tragédie de l'époque* [Nadeau 1970: 101]).

Тем не менее во Франции о юбилее участника Сопротивления, соратника Ш. де Голля Андре Мальро, писателя и министра, сегодня вспомнит, пожалуй, лишь небольшая группа «узких» специалистов по истории периода «между войнами» и культуре Франции первой половины XX столетия. Еще более узок круг его почитателей в России наших дней.

Современность почти забыла автора «Удела человеческого», что удивительно, потому что кроме Гонкуровской премии А. Мальро был отмечен самыми престижными французскими военными наградами: медалью Сопrotивления с розеткой, Военным крестом 1939–1945, орденом офицера ордена Почетного легиона. Его много печатали и в СССР. Он считался верным другом советской России, куда приезжал и культуру которой прекрасно знал.

Так, в 1934 году Мальро был вместе с Луи Арагоном, Жаном-Ришаром Блоком, Полем Низаном и Владимиром Познером приглашен в Москву на Первый съезд советских писателей, где выступил с приветственной речью. «Литературная газета» от 16 июня 1934 года сообщала: «В Ленинград приехал Андре Мальро. Один из самых знаменитых писателей Франции прибыл на пароходе «Феликс Дзержинский» вместе с Ильей Эренбургom. Прямо с речного вокзала гости отправились в отель «Астория», где провели длительную беседу. Во встрече также принимали участие А. Толстой, Е. Полонская, М. Дзаков и французский писатель Поль Низан, приехавший специально ради этого события из Москвы» (Langlois 1972: 134).

Вместе с тем стремление А. Мальро к «позе и декламации», желание «придумать» себе героическую биографию, мифологизировать собственную жизнь раздражало многих его современников и тем более молодое поколение 1968 года. В итоге Мальро-писатель стал забываться, и это представляется несправедливым, потому что «вместе с А. Жидом, П. Валери, Т. Манном, Д. Дос Пассосом, Р. Музилом, А. Камю и другими современниками он <...> оказался создателем новой, “открытой” формы романа, соединяющей разнородные художественные структуры, тяготеющей к мифу и эссе» (Кирнозе 2002: 119). Такая форма сегодня широко используется авторами литературы «нон-фикшн». Поэтому прав был Жак Бреннер, который писал, что «легенда может возникнуть только на почве личности и судьбы, действительно в чем-то необыкновенных» (Бреннер 2002: 132).

Андре Мальро, бунтарь, революционер и макизар, — личность энциклопедически образованная. Свидетельством тому служит многотомный труд по философии и эстетике, названный «Голоса тишины», который, наряду с «Антимемуарами», — его «погоней за вечностью перед лицом смерти» (Андреев 1977: 128), — можно считать «визитной карточкой» писателя.

Переведенный Г. С. Беляевой на русский язык фундаментальный труд Мальро состоит из четырех частей: 1. Воображаемый музей. 2. Метаморфозы Аполлона. 3. Художественное творчество. 4. Цена

абсолюта. Это только часть цикла искусствоведческих эссе Мальро. «Голоса тишины» будут продолжены, в частности, сборником «Метаморфозы богов», законченным в 1958 году, который открывает авторское предисловие, позволяющее глубже понять замысел всех его искусствоведческих и философских текстов, «Голосов тишины» в том числе. Мальро замечает: *Comme mes romans, comme mes «Antimémoires», comme «Les Voix du Silence», «La Métamorphose des Dieux» traite essentiellement de la relation de l'homme et du destin* (Великовский 1973: VI). («Метаморфозы богов», равно как и мои романы, «Антимемуары» или «Голоса тишины», касаются, в основном, взаимоотношений человека и судьбы»).

Следует отметить, что для поколения Мальро вопрос судьбы и смысла жизни не был праздным. Свидетели исторических катаклизмов, они еще в начале XX столетия осознали хрупкость человеческой жизни, которая постоянно находится в положении угрожаемом. Наиболее полное воплощение это ощущение грядущего апокалипсиса получило в философии экзистенциализма. Иногда Мальро осторожно именуют «провозвестником» экзистенциалистов, хотя он прямо не относится к этой группе художников. Вместе с тем есть у них много общего. Идея судьбы — одна из самых главных в их философском словаре. А отсюда вытекают ключевые для наследия Мальро категории: логики и абсурда, судьбы и свободы, а также идея конечности человеческой жизни. Все, кто был знаком с Мальро, отмечали, что его героизм был попыткой бросить вызов смерти. Вместе с тем Мальро пытался отыскать средства, которые бы позволили противостоять ее могуществу.

Автор «Антимемуаров» видит три пути преодоления ужаса «неминуемо смертного человеческого существования» (Malraux 1974: 7), которые открываются только избранным, к которым он себя, без сомнения, причисляет: **авантюра, революция и творчество**. Будет в его биографии эпизод, связанный с контрабандой скульптур Ангкор-вата, чуть не стоивший ему свободы. Будет и участие в испанской гражданской войне 1936 года, которая воспринималось как деятельность революционная. Попробовав поочередно два первых варианта судьбы и разочаровавшись в их эффективности, Мальро обращается к высокой силе искусства, которое обещает бессмертие. Так в его лексиконе появляется термин «антисудьба», сложный философский конструкт, не имеющий жестких характеристик и четких дефиниций.

Об этом рассуждает и автор предисловия к русскому изданию «Голосов тишины» З. И. Кирнозе, один из наиболее пронизательных исследователей его творчества в современной русской критике. Она

справедливо отмечает, что чтение многостраничных эссе Мальро о жизни и искусстве требует от читателя значительных усилий. И причиной тому не только «густота письма и насыщенность книги фактами», но и сложность его философских выводов, которые иногда противоречат друг другу. З. И. Кирнозе полагает, что «противоречие культурфилософии Мальро кроется в попытке построения концепции человека без Бога, свободного самопостроения личности в одновременном переживании “удела человеческого” как трагедии жестокого вненравственного мира<...>Античный рок и христианский Бог находятся вне и выше единой человеческой судьбы» (Кирнозе 2021: 13–14).

Этот парадокс не отменяет, однако, эстетической значимости эссеистики Мальро, которую отличает не только оригинальный взгляд на шедевры мировой художественной культуры, но и лапидарность формулировок. Чего стоит, например, замечание о XVII веке, который у всех ассоциируется с блеском двора «короля-солнце»: «Костюмированная тень, которую Версаль бросает на весь XVII век, скрывает от нас опустошенную душу» (Мальро 2021: 411). Или: «В искусстве Возрождение в не меньшей степени создало античность, чем античность создала Возрождение<...>Никакой Джотто не обнаружил бы своей гениальности, рисуя баранов» (Мальро 2021: 185).

Для автора «Голосов тишины» после череды разочарований, связанных с Гражданской войной в Испании, поражением Народного фронта, Мюнхенским сговором, позорной для Франции капитуляцией, искусство становится последним прибежищем: «оно для Мальро — константа в быстротечности времени» (Кирнозе 2021: 15). Обращением к искусству писатель преодолевает разрыв между бесконечностью жизни и неизбежной финальностью индивидуальной человеческой судьбы, о которой так много размышляли его современники-экзистенциалисты.

Все эстетические трактаты Мальро объединяют две ключевые идеи, два основных концепта: «воображаемого музея» и диалога. В его «ментальном музее» в одном зале могут оказаться, на первый взгляд, несовместимые в классическом музее предметы, потому что музей понимается не просто как хранилище артефактов. Важно, чтобы эти «объекты» вступили в диалог, «снимающий противоречие между духом и материей, миром Бога и человека» (Кирнозе 2021: 12).

О продуктивности диалога много писал не только М. М. Бахтин. Эта мысль стала ключевой в статье Л. Г. Андреева «У роковой черты, или зеркало лимба», которая открывает сборник художественной публицистики А. Мальро, изданный в Москве в 1989 году, в который вошли отрывки из «Голосов безмолвия» в переводе Л. А. Зониной. Эта

идея близка и З. И. Кирнозе, которая справедливо замечает, что «монолог разрушает», потому что не учитывает бесконечности и многоликости мирового эстетического наследия и, таким образом, лишает культуру смысла ее существования — обеспечения непрерывности цивилизационного процесса. Мальро уверен, что «исключение одной культуры стирает другую» (Кирнозе 2021: 16).

Обеспечить непрерывность диалога призван художник-творец, который способен осознать груз возложенной на него миссии и в полной мере реализовать свое избранничество. Наверное, это чисто французский феномен — взять и присвоить себе титул спасителя нации, ее героя или морального гида. Но в случае с автором «Голосов тишины» исток легко отыскивается: он следовал примеру генерала де Голля, который ради спасения послевоенной Франции призвал в свои ряды «рыцаря» Андре Мальро: все, что делал де Голль, «представлялось ему событием историческим, предопределяющим если не настоящее, то будущее Франции» (Мальро 1989: 19).

Эссе Андре Мальро «Голоса тишины. Воображаемый музей», русский перевод которого приурочен к 75-летию первого издания, как уже говорилось, — чтение непростое, требующее знаний, концентрации внимания и любви к искусству. Однако, учитывая существующую сегодня в мире «моду на музеи», можно предположить, что уже своим заглавием книга заинтересует массового читателя, внимание которого привлекут и хорошо выполненные иллюстрации шедевров мировой культуры, иллюстрации, которым в своем опусе автор отводит столь важную роль. И, конечно, следует выразить слова благодарности переводчику, благодаря таланту и терпению которого А. Мальро обрел свой «русский голос».

Список литературы / References

- Андреев Л. Г.* Современная литература Франции. 60-е годы. М.: Изд-во МГУ, 1977. [Andreev, Leonid G. (1977) *Sovremennaya literatura Frantsii. 60-e gody* (Modern Literature of France. 1960s). Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian)].
- Бегбедер Ф.* Конец света. Первые итоги. Эссе. Спб.: Азбука, 2014. [Begbeder, Frederik. (2014) *Konets sveta. Pervye itogi. Esse* (Apocalypse. First Results. Essay). Saint Petersburg: Azbuka. (In Russian)].
- Бреннер Ж.* Андре Мальро // Моя история современной французской литературы. Пер. с фр. О. В. Тимашовой. М.: Высшая школа, 1994. [Brenner, Jacques. (1994) *Andre Mal'ro* (Andre Malraux). In Timashova, Olga V. (trans.) *Moya istoriya sovremennoy frantsuzskoy literatury* (My History of Modern French Literature). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Великовский С. И.* Грани «несчастливого сознания». М.: Искусство, 1973. [Velikovskiy, Samarij I. (1973) *Grani "neschastnogo soznaniya"* (Sides of "Unhappy Conscience"). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].

- Кирнозе З. И.* Андре Мальро // Россия и Франция: диалог культур. Статьи разных лет. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2002. [Kirnoze, Zoya I. (2002) Andre Mal'ro (Andre Malraux). *Rossiya i Frantsiya: dialog kul'tur. Stat'i raznykh let* (Russia and France: Dialogue of Cultures. Articles Written in Various Years). Nizhny Novgorod: Izd-vo NGLU im. N. A. Dobrolyubova. (In Russian)].
- Кирнозе З. И.* Искусство как овладение миром // А. Мальро. Голоса тишины. Воображаемый музей. Пер. с фр. Г.С. Беляевой. Спб.: Алетейя, 2021. С. 6–16. [Kirnoze, Zoya I. (2021) *Iskusstvo kak ovladenie mirom* (Art as a Means of Possessing the World). In Belyaeva, Galina S. (trans.) A. *Mal'ro. Golosa tishiny. Voobrazhaemyj muzej* (A. Malraux. Voices of Silence. An Imaginary Museum). Saint Petersburg: Aleteya, 6–16. (In Russian)].
- Мальро А.* Зеркало лимба. Художественная публицистика / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. [Malraux, Andre. (1989) *Zerkalo limba. Khudozhestvennaya publitsistika* (Mirror of Limbo. Literary Publicism). Translated from French. Moscow: Progres. (In Russian)].
- Мальро А.* Голоса тишины. Воображаемый музей / Пер. с фр. Г. С. Беляевой. Спб.: Алетейя, 2021. [Malraux, Andre. (2021) *Golosa tishiny. Voobrazhaemyj musej* (Voices of Silence. An Imaginary Museum). In Belyaeva, Galina S. (trans.). Saint Petersburg: Aleteya. (In Russian)].
- Langlois, Walter G. (1972) *André Malraux: du «farfelu» aux «Antimémoires»*. Paris: Lettres modernes. (In French).
- Nadeau, Maurice. (1970) *Le roman français d'après la guerre*. Paris: Gallimard. (In French).
- Malraux, André. (1974) *La métamorphose des dieux. L'irréel*. Paris: Gallimard. (In French).

ХРОНИКА

ХРОНИКА НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ОРГАНИЗОВАННЫХ МНИЛ НГЛУ «ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АСПЕКТОВ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ»

Весна 2021 года для НГЛУ оказалась особенно насыщена научными и научно-методическими мероприятиями разного масштаба. Международная научно-исследовательская лаборатория (МНИЛ) «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» выступила инициатором двух примечательных научных событий. Первое из них — Всероссийский научно-методический онлайн-семинар «Современный образовательный дискурс как поле разносторонних взаимодействий» — состоялось 20 марта 2021 г. В нем приняли участие преподаватели и ученые из самых разных вузов и регионов России: Нижнего Новгорода (НГЛУ и ВШЭ НН), Москвы (МГПУ, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Московский государственный институт культуры), Санкт-Петербурга (СПбГУ), Иркутска (ИГУ), Улан-Удэ (БГУ им. Доржи Банзарова).

Семинар был открыт приветственным словом председателя оргкомитета — ректора Нижегородского лингвистического университета (НГЛУ), профессора Ж. В. Никоновой. В своем выступлении она высказала уверенность в том, что дискуссии, посвященные проблемам языка образовательных документов и сайтов, учебных, методических и научно-методических материалов, необходимы академическому сообществу, поскольку состояние современного образовательного дискурса, будучи нестабильным, отражает разнообразные социальные, политические, идеологические процессы. «Такие дискуссии нужны, как мне кажется, всему современному российскому обществу, поскольку образовательный дискурс касается очень и очень многих людей, вовлеченных так или иначе в образовательный процесс», — подчеркнула ректор НГЛУ.

Краткое приветствие прозвучало и со стороны другого представителя оргкомитета — доктора филологических наук, заведующего лабораторией «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» С. Б. Королевой. По ее словам, организаторам семинара «представлялось важным именно сейчас, когда явно обозначены “верхами” и усвоены “низами” стратегические цели российского образования, начать разговор о том, к чему эти цели приводят в сфере функционирования языка и в области общественного сознания». Она наметила и стратегическую

цель организации всероссийского семинара по образовательному дискурсу: сплотить единомышленников и создать научно-методическую проблемную группу, которая могла бы четко обозначить и донести до академического сообщества и широкой общественности свои идеи, предложения, конструктивную критику.

Научно-методическая программа семинара открылась выступлением авторитетного лингвиста, специалиста в области риторики, филологии и методики преподавания русского языка (в том числе, как иностранного) В. И. Аннушкина, заслуженного профессора Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Профессор обозначил в своем докладе такие острые вопросы современного образовательного дискурса, как недостаточное внимание к отечественной дидактической и филологической традиции, пагубное воздействие усиленной технологизации общества на творческую, индивидуальную составляющую педагогической и научно-исследовательской деятельности, массовый (усредненный) характер официальных требований, тяготеющих над современной наукой и образованием.

Поставленные вопросы и высказанные сомнения вызвали эмоциональную дискуссию участников семинара; многие из которых поддержали критическую позицию В. И. Аннушкина в отношении обозначенных тенденций современного российского образовательного дискурса.

Следующий спикер семинара, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова П. П. Дашинимаева, представила результаты скрупулезного лингвофилософского анализа новых ФГОС 3++ по направлению «Лингвистика». Авторитетный специалист в области философии языка и теории перевода обнаружила существенные противоречия между предскрипциями стандартов и достижимостью требуемых результатов обучения (например, такого результата, как выработанная способность к критической рефлексии и саморефлексии); модальностью «необязательности» и «обязательности» выполнения требований в текстах стандартов; используемой в стандартах терминологией и многовариантностью ее понимания (как понимать такие термины, как «гражданская позиция», «нравственные нормы» и пр.); идеальными формулами-требованиями стандартов (которые, в конечном итоге, требуют от вузов формирования таких специалистов, которые могли бы работать в разных областях и проявлять себя во всех сферах общественной жизни как психологически зрелые личности) и реальной ситуацией современного высшего образования.

Выступление П. П. Дашинимаевой было живо поддержано организаторами семинара и предложено разослать подготовленную спикером пре-

зентацию для дальнейшего ознакомления всем участникам; предложение было встречено с энтузиазмом.

Профессор кафедры теории и практики французского языка и перевода НГЛУ, признанный специалист в области дидактики переводческой деятельности Е. Р. Поршнева, проанализировав официальные сайты различных российских университетов и других образовательных организаций, пришла к выводу о гибридизации современного российского образовательного дискурса и приобретении им признаков бизнес- и рекламно-маркетингового дискурсов. Основным выводом выступления Е. Р. Поршневой стало утверждение о том, что варваризация (т. е. частотное использование неоправданных заимствований) в современном русском образовательном дискурсе стремится к стереотипизации и является «кодом», призванным свидетельствовать о соответствии текста и представленного им человека или учреждения идеологическим установкам на то, что образование есть сфера бизнеса и маркетинга и что в России оно должно ориентироваться на международные (читай: западные) стандарты. Нарушая принципы лингвистической безопасности, этот «код» обнаруживает несоответствие идеологических установок, регулирующих российскую сферу образования, национальным интересам России. Выступление Е. Р. Поршневой нашло положительный отклик; тенденции же, обозначенные в ее выступлении, были подтверждены многочисленными примерами из собственного дискурсивного опыта участников семинара.

Следующее выступление носило лингводидактический характер и представило новаторство учебника по юридическому переводу крупного специалиста в области теории, практики и дидактики перевода, профессора кафедры перевода и переводоведения Иркутского государственного университета В. Е. Горшковой. Она подчеркнула необходимость формирования с помощью переводческих дисциплин таких качеств личности студента, как ответственность, юридическая и деловая грамотность, способность к критическому мышлению. Новаторскую же составляющую своего учебника она определила в связи с тем, что представленные материалы имеют разную медийную природу (вербальный текст, аудиотекст, видеозапись — через ссылки на электронные ресурсы) и носят не столько собственно юридический, сколько гибридный характер (так как используются тексты СМИ, касающиеся определенных ситуаций). Выступление В. Е. Горшковой заинтересовало участников представленным дидактическим материалом, который мог бы стать опорой преподавателям перевода, а также образцом новаторского учебника по переводу.

Работа семинара завершилась выступлением доцента кафедры лингвистики Московского государственного института культуры

В. А. Садиковой, которая изложила авторский взгляд на термин «дискурс» и научную полемику вокруг него; а также предложила систему филологических дисциплин, последовательное освоение которых способствует формированию не только грамотной, но и творческой языковой личности. Ключевой идеей выступления стала мысль о том, что целью современного образования должно оставаться развитие таланта и личности обучающегося, которая была полностью поддержана участниками семинара.

По итогам семинара были сформулированы следующие общие выводы-утверждения:

– целью современного образования должно оставаться развитие таланта и личности обучающегося;

– государственные образовательные стандарты должны быть ориентированы на достижимость результатов обучения, в связи с чем все формулировки, определяющие эти результаты, должны разрабатываться при широком участии академического сообщества;

– варваризация современного русского образовательного дискурса является следствием интернационализации российской системы образования и включения ее в сферу услуг. Варваризация образовательного дискурса противоречит российской государственной идеологии и принципам национальной (в том числе, лингвистической) безопасности.

От участников I Всероссийского научно-методического онлайн-семинара по образовательному дискурсу были получены самые положительные отзывы:

«Позвольте поблагодарить Вас за интереснейшие доклады и очень душевную атмосферу онлайн семинара по образовательному дискурсу. Спасибо Вам за приглашение!» (Елена Константиновна Тимофеева, старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики СПбГУ);

«Огромное Вам спасибо за замечательную организацию семинара». (Валентина Алексеевна Садикова, доцент кафедры лингвистики Московского государственного института культуры);

«Спасибо организаторам за познавательный и очень содержательный научно-методический семинар». (Лариса Георгиевна Викулова, профессор кафедры романской филологии МГПУ);

«Позвольте выразить благодарность за чудесный научно-методический семинар, очень рада была присутствовать». (Ольга Игоревна Короленко, ассистент кафедры романской филологии МГПУ).

22–23 апреля 2021 г. в НГЛУ состоялось другое яркое научное событие, организованное по инициативе МНИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» —

международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского «Достоевский в зеркале эпох: поэтика, компаративистика, имагология». Форум собрал более 100 участников из разных уголков России, а также из Беларуси, Молдавии, Швейцарии и Германии.

На открытии конференции 22 апреля выступили председатель оргкомитета конференции, ректор НГЛУ Ж. В. Никонова и президент НГЛУ Б. А. Жигалев, а также сопредседатель оргкомитета конференции, заведующий МНИЛ С. Б. Королева.

Обратившись к участникам и слушателям конференции, Ж. В. Никонова подчеркнула, что Достоевский был не только автором, создавшим новую форму полифонического романа, но и мыслителем-государственником, истинным патриотом, писателем, который бесконечно верил в светлые силы человеческой души. В финальной части своего выступления ректор пожелала участникам конференции продуктивного обсуждения вопросов, касающихся изучения творчества Достоевского и его восприятия в мировой культуре, а также выработки новых знаний и душевного человеческого общения.

Б. А. Жигалев в своей речи напомнил, что Достоевский — едва ли не самый читаемый и переводимый на Западе и на Востоке русский автор, и оставаясь писателем XIX века, он далеко перешагнул границы своего времени, предугадав многие исторические события XX века и остро обозначив в своем творчестве вечные вопросы человеческого бытия.

Как отметила С. Б. Королева, дата открытия конференции очень символична: она выпала на день рождения другого великого деятеля русской истории Владимира Ильича Ленина, но участники конференции решились говорить не о нем, а о Достоевском, потому что пафос сострадания и сопереживания, столь характерный для его творчества, в этическом отношении неизмеримо выше пафоса революционной «вседозволенности разрушения». При этом Октябрьская революция 1917 года парадоксальным образом воплотила в себе не только трагические пророчества Достоевского, но и такие центральные идеи его творчества, как социальная справедливость и необходимость объединения народа и интеллигенции.

Доклад на тему «Русская блогосфера о Достоевском» был представлен на пленарном заседании главным научным сотрудником сектора медийных искусств Государственного института искусствознания (г. Москва), авторитетным специалистом по творчеству Достоевского Л. И. Сараскиной. Известным литературоведом и писателем были подробно изложены результаты нового исследования об отношении

читающих блогеров к русскому классическому. Выводом стало утверждение о том, что Достоевский для читающих блогеров является своеобразной предтечей, образцом для подражания.

Выступление заведующего кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета А. И. Лойко (г. Минск) было посвящено сопоставительному анализу представлений о диалоге в творчестве Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтина и Л. С. Выготского. Не менее интересная тема рассматривалась ведущим научным сотрудником «Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» Ю. Е. Павельевой (г. Москва). Она предложила вниманию слушателей содержательное выступление о месте творчества Достоевского в литературно-критической деятельности российских эмигрантов второй волны.

В докладе директора «Центра немецкого языка и культуры Германии, Австрии, Швейцарии» НГЛУ С. Н. Аверкиной (г. Нижний Новгород) были изложены интересные наблюдения над теми фрагментами дневников, писем и романов писателя, которые были связаны с его пребыванием в Швейцарии в разные годы жизни. Пленарное заседание закончилось выступлением почетного члена общества «Российско-германской дружбы» Хорста Бегера (г. Эссен) на тему «Легенда о Великом инквизиторе Федора Достоевского: философия свободы в культурно-историческом контексте современности». Как и другие доклады пленарного заседания, последнее выступление вызвало оживленную дискуссию.

Первый день конференции был продолжен работой секции — «Достоевский в контексте традиции и эпохи: поэтика, проблематика, мировоззрение», организованной в смешанном формате. Доклады затрагивали вопросы концептосферы творчества Ф. М. Достоевского, темы детства и отцовства в его романах; в отдельных сообщениях пристально рассматривалась переписка Достоевского, а также некоторые мотивы и художественные приемы, характерные для его романов. Финальным мероприятием первого дня конференции стал мастер-класс «Достоевский в компаративно-рецептивном освещении», проведенный в онлайн-формате, организованный на базе постоянно действующего межвузовского научного студенческого семинара «Литературоведение и лингвистика. Комплексный подход к изучению художественного текста» (организатор — МНИЛ НГЛУ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации»). Модератором и основным спикером стала Н. С. Шалимова, старший преподаватель Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (г. Красноярск).

В качестве материала мастер-класса были выбраны романы современной американской писательницы Д. Тартт «Щегол» и Ф. М. Достоевского «Идиот».

23 апреля стал вторым и заключительным днем работы конференции. Все секционные заседания были последовательно организованы на платформе Zoom, к участию в обсуждении докладов присоединились как слушатели, так и выступавшие с докладами на других секциях. В рамках секции 2 — «Проблемы рецепции творчества Достоевского в литературе разных эпох (зарубежная литература)» — обсуждались вопросы воздействия поэтики и проблематики произведений великого русского писателя на творчество британских, французских, американских, турецких, индийских авторов, принадлежащих разным эпохам. В рамках секции 3 — «Проблемы рецепции творчества Достоевского в литературе разных эпох (русская литература)» — была исследована проблема диалога с Достоевским в произведениях таких выдающихся русских поэтов и писателей XX века, как Андрей Платонов, Евгений Замятин, Владимир Набоков, Булат Окуджава, Александр Кушнер. В отдельных докладах были рассмотрены вопросы жанровой типологии, имеющей отношение к романам Достоевского, рецепции творчества Достоевского в современном русском романе и некоторые другие аспекты общей проблематики работы секции.

Завершился второй день конференции докладами, озвученными в рамках секции 4 — «Междисциплинарный подход к изучению творчества Достоевского» — и посвященными таким новым аспектам рассмотрения творчества великого русского писателя, мыслителя и его воздействия на современную культуру, как «Достоевский в современном рекламном и гражданском дискурсах», аксиология его политико-правовых взглядов, философский анализ идеи самоубийства в его творчестве и т. п.

Подведение итогов и закрытие конференции состоялось в рамках закрытия Международного научного форума «Свобода и ответственность в переломную эпоху», в программу которого, наравне с другими научными событиями, была включена и международная конференция «Достоевский в зеркале эпох: поэтика, компаративистика, имагология».

Перед официальным открытием конференции было организовано несколько важных мероприятий, вошедших в ее научно-просветительскую программу. 19 апреля в очном формате в НГЛУ успешно прошел студенческий семинар-дискуссия «Бесы Достоевского, или: Испытание разума» под руководством доцента кафедры зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ Дианы Владимировны Мосовой и

директора НОЦ НГЛУ «Центр немецкого языка и культуры Германии, Австрии, Швейцарии» С. Н. Аверкиной.

20 апреля был организован просмотр (с последующим обсуждением) документального фильма о переводчице Ф. М. Достоевского Светлане Гайер (на немецком языке; модератор — доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода НГЛУ И. С. Разина) и международный онлайн семинар «Братья Карамазовы: четыре брата — четыре правды» (на немецком и русском языках; модераторы — специалисты Культурно-образовательного центра «Philosophicum» Штефан Бротбек и Надин Райнерт (г. Базель, Швейцария)).

По итогам проведения конференции готовится публикация сборника представленных материалов и его индексирование в БД РИНЦ. Высокий уровень научных дискуссий и научно-просветительских мероприятий, вошедших в событийную программу конференции, был высоко оценен всеми участниками. Он показал, что НГЛУ успешно продолжает развивать свои богатые научные традиции в сфере литературоведческих, лингвистических и междисциплинарных гуманитарных исследований.

С. Б. Королева

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ
«СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ, ТИПЫ И ЗНАЧЕНИЯ
ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(на материале русского, немецкого и тайского языков)»

7 июня 2021 г. в диссертационном совете Д 212.135.02 при Московском государственном лингвистическом университете состоялась успешная защита аспирантом НГЛУ Критсадой Чусуваном (Таиланд) диссертации на тему «Словообразовательные формы, типы и значения префиксальных имен существительных в разноструктурных языках в сопоставительном аспекте (на материале русского, немецкого и тайского языков)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Диссертация была подготовлена на кафедре теории и практики английского языка и перевода НГЛУ (научный руководитель — начальник НИЛ «Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования» д. ф. н., проф. А. В. Иванов). Оппоненты единодушно отметили лингвистическую актуальность диссертационного исследования, основанную на необходимости сравнительно-сопоставительного анализа деривационных тенденций в разноструктурных языках, подчеркнули новизну методологии исследования, высокую степень апробированности полученных результатов, обоснованность и аргументированность сделанных диссертантом выводов, логичность и систематичность изложения исследовательского материала, а также теоретическую значимость и практическую ценность работы.

Диссертационный совет в своем заключении отметил, что в исследовании диссертанту удалось (1) проанализировать различные точки зрения исследователей на проблемы префиксального словообразования, установления словообразовательных типов и значений в разноструктурных языках; (2) установить словообразовательные формы в системе префиксации сопоставляемых языков; (3) определить общие и специфические критерии и признаки словообразовательных форм, типов и значений по семантико-функциональному отношению в разноструктурных языках; (4) выстроить систему регулярных функциональных соответствий и различий применительно к препозитивным формантам (префиксам и префиксоидам) в разноструктурных языках; (5) сопоставить в семантико-функциональном аспекте словообразовательные формы, типы и значения префиксальных существительных в русском, немецком и тайском языках; (6) выполнить сопостави-

тельный анализ словообразовательных моделей префиксальных существительных в упомянутых языках; (7) установить степень семантической и функциональной эквивалентности препозитивных формантов (префиксов и префиксоидов) этих языков; (8) ввести в научный оборот в качестве результата исследования авторские термины «депрефиксация неполного типа (для тайского языка)», «абсолютное и неабсолютное мутационное значение», «квази-производное»; (9) предложить модель тройственного соотношения словообразовательных форм, типов и значений префиксальных имен существительных, которая может быть применена при исследовании системы префиксального словообразования как отдельно взятого языка, так и в рамках сопоставительного анализа языков, имеющих различную структуру.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что они могут быть использованы в ходе преподавания ряда лингвистических дисциплин — сравнительно-сопоставительного языкознания и контрастивной лингвистики, лексикологии и грамматики сопоставляемых языков, а также в практике преподавания русского, немецкого и тайского языков в словообразовательном аспекте. Кроме того, результаты исследования вносят вклад в формирование навыков словотворчества у обучающихся, развивают творческое мышление при образовании потенциально возможных слов (потенциальных и окказиональных), которые могут в дальнейшем использоваться в качестве языкового материала при создании произведений творческого характера (в стихосложении и беллетристике).

Оценка достоверности результатов исследования продемонстрировала (1) убедительную теоретическую базу исследования, которую в аспекте изучения русского префиксального словообразования формируют работы В. В. Виноградова, Т. Ф. Ефремовой, Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Е. В. Сенько, С. Г. Татевосова, И. С. Улуханова и др.; в области немецкого префиксального словообразования — работы Х. Гюнтера, М. Д. Степановой, Р. Визе, К. Аскупа, Й. Эрбена, Б. Наумана, Л. Эйхингера, В. Флейшера и др.; в области префиксального словообразования тайского языка — работы Дирекчая Махаттанасина, Пхата Пенглы, Супхапорна Макчэнга, Банджоба Банрутджи, Пайрота Юмонтхиана, Л. Н. Морева и др.; (2) солидную методологическую базу исследования, формируемую с использованием методов описательного, структурного, компонентного, функционально-семантического и классификационного анализа, сравнительно-типологического метода; (3) репрезентативную текстовую выборку языкового материала, использованного в ходе исследования, поскольку диссертантом были проанализированы англо-, русско-, немецко- и тайско-

язычные отраслевые издания, энциклопедии, справочники, словари и Интернет-ресурсы.

Несомненным является личный вклад К. Чусувана в разработку заявленной научной проблематики, который состоит в том, что в ходе исследования диссертант обработал, проанализировал и сопоставил значительный массив языковых средств, используя комплексную методику исследования и опираясь на солидную теоретическую базу в области префиксального словообразования исследуемых языков, что позволило ему прийти к выводам, которые можно рассматривать как существенный вклад в сопоставительно-типологическое описание отдельных разноструктурных языков.

Успешная защита, которая завершила трехлетнюю работу над темой исследования в очной аспирантуре при НГЛУ, открывает для теперь уже кандидата филологических наук Критсады Чусувана двери в мир лингвистической науки и в перспективе позволяет надеяться на плодотворное научное сотрудничество между НГЛУ и Бангкокским университетом, в котором планирует работать выпускник нашей аспирантуры.

А. В. Иванов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакина Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Института иностранных языков Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева. E-mail: heart-anna@yandex.ru

Волкова София Алексеевна, студентка Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. E-mail: sv.sofi12@gmail.com

Дашинимаева Полина Пурбуевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова. E-mail: pdash@bsu.ru

Жань Лин, ассистент кафедры восточных языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: ranling_2006@qq.com

Иванов Андрей Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для естественнонаучных специальностей Института языка и литературы Удмуртского государственного университета. E-mail: andvi@udm.ru

Иванова Александра Викторовна, студентка Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. E-mail: sandralikeis54@gmail.com

Кириллова Арина Валерьевна, студентка Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: arina.0401@icloud.com

Коняхина Людмила Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в сфере права, экономики и управления Института языка и литературы Удмуртского государственного университета. E-mail: l.konyakhina@mail.ru

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, доцент, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: svetlakor0808@gmail.com

Ненашева Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: nenajalex@gmail.com

Орбодоева Лариса Матвеевна, кандидат педагогических наук, до-

цент, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова. E-mail: orbodoeva@mail.ru

Павлов Сергей Геннадьевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Мининского университета), доцент Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: sergeypavlov70@mail.ru

Привалова Елена Павловна, старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета, сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: privalova.ep@yandex.ru

Провоторова Анна Сергеевна, директор Российско-китайского научно-образовательного центра «Институт Конфуция при НГЛУ», аспирант, ассистент кафедры восточных языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: provotorova@lunn.ru

Ступина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки. E-mail: stupina.ek@mail.ru

Фомин Сергей Матвеевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: semafor1952@yandex.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАЕ. E-mail: fedulenkova@list.ru

Шамилов Равиддин Мирзоевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: raviddin@mail.ru

Юйхань, аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, преподаватель факультета иностран-

ных языков Педагогического университета Внутренней Монголии. E-mail: yuhan@spbu.su

Ягенич Лариса Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 4 Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: yagenich@mail.ru

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 2 (54)

Редакторы:
Н. С. Чистякова
Ю. А. Белякова

Подписано в печать 30.06.2021. Формат 60x90 1/16.
Печ. л. 12,3. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ 9853.

Центр оказания полиграфических услуг НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а